

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 2 (4)

Academic Journal

Series
*Political Science. History. International Relations.
Area Studies. Oriental Studies*

Moscow
2016

ВЕСТНИК РГГУ
№ 2 (4)

Научный журнал

Серия
«Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

Москва
2016

УДК 327(05)
ББК 66.4я5

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэммер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чую, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглсонг (Раттерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шакленина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

Редакционная коллегия серий

А.П. Логунов, гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.В. Гушин, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), С.В. Клягин, зам. гл. ред., д-р филос. н., проф. (РГГУ), Е.С. Мелкумян, зам. гл. ред., д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (РГГУ), О.В. Павленко, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), О.А. Пичугина, отв. секретарь, канд. филол. н. (РГГУ), Е.А. Алексеева, отв. секретарь (РГГУ), И.Б. Антонова, канд. пед. н., доц. (РГГУ), Н.А. Борисов, канд. полит. н., доц. (РГГУ), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), М.А. Гордеева, канд. ист. н., доц. (РГГУ), М.Н. Грачев, д-р полит. н., канд. филос. н., проф. (РГГУ), С.В. Гришачев, канд. ист. н. (РГГУ), В.И. Журавлева, д-р ист. н., доц. (РГГУ), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), М. Крэммер (Гарвардский ун-т, США), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), Е.Ю. Сергеев, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), Д. Фоглсонг (Раттерский ун-т, США), Т.А. Шакленина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России)

Ответственные за выпуск: Е.А. Алексеева, ст. науч. сотр. (РГГУ), В.И. Журавлева, д-р ист. н., проф. (РГГУ), О.В. Павленко, канд. ист. н., доц. (РГГУ)

ISSN 2073-6339

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения: политические и социокультурные аспекты

<i>А.Г. Сеникозов</i>	
Проблема британского лидерства в системе Антанты	9
<i>С.С. Новосельский</i>	
Русское зарубежье о причинах неудачи Белого движения: союзнический фактор	22
<i>А.В. Голубев</i>	
Америка как союзник в представлении советского общества: 1941–1945 гг.	31
<i>И.В. Быстрова</i>	
СССР и США в годы Второй мировой войны: роль личных контактов в сотрудничестве	52

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

<i>В.М. Шнейдер</i>	
Вопрос цивилизационного выбора Украины в программах ведущих политических партий (2012, 2014)	71
<i>К.А. Евтюшин</i>	
Внешняя политика КНР в политической риторике китайских лидеров.	80
<i>Н.А. Жерлицына</i>	
Перспективы сотрудничества России с Тунисом в свете новых глобальных вызовов	93
<i>А.Н. Бурова</i>	
Развитие армии Египта в период 1920–1940-х гг.: от незначительной силы до конкурентоспособного игрока	102

**Общественно-политические процессы и социальные коммуникации:
теория и методология**

А.С. Панов

Амбивалентность образа Одессы в репрезентациях русских
и американцев в первой трети XIX в. 110

Г.Ю. Прокопенков

«Рыцари Золотого круга»: конспирология как механизм
конструирования исторической памяти о Юге США 120

Г.М. Михалева

Сравнительная характеристика современных российских
и европейских политических партий 134

Книжная полка

В.И. Журавлева

Биография как научно-популярное издание:
портрет Джорджа Кёрзона на фоне эпохи 147

Л.Н. Клепацкий

Глобальные проблемы и их изучение:
учебник нового поколения для магистрантов 152

Abstracts 160

Сведения об авторах 164

CONTENTS

International Relations. Political, Social and Cultural Aspects

---

<i>A. Senokosov</i>	
The Problem of British Leadership in the Entente	9
<i>S. Novoselskiy</i>	
Russian Émigré Community on the Reasons for the Defeat of the White Guard Movement. Allied Factor	22
<i>A. Golubev</i>	
America as an Ally in the Perception of Soviet Society, 1941–1945	31
<i>I. Bystrova</i>	
The USSR and the USA in the Years of Second World War. The Role of Personal Contacts in Cooperation	52

Countries and Regions of the World. Dynamics and Models of Cooperation

---

<i>V. Shneyder</i>	
The Civilization Choice of Ukraine in Programs of the Leading Political Parties (2012, 2014)	71
<i>K. Evtushin</i>	
Foreign Policy of China in the Political Rhetoric of its Leaders	80
<i>N. Zherlitsina</i>	
Prospects of Russia-Tunisia Cooperation in the Face of New Global Challenges	93
<i>A. Burova</i>	
Development of the Egyptian Army in 1920–1940-ies. From Minor Force to Competitive Player	102

**Social-Political Processes and Social Communications.
The Theory and Methodology**

A. Panov

The Ambivalence of the Odessa Image in Representations
of Russians and Americans in the First Third of the 19th Century 110

G. Prokopenkov

The “Knights of the Golden Circle”. The Conspirology as a Mechanism
for the Construction of Historical Memory about the American South 120

G. Mikhaleva

Comparative Analysis of Modern Russian
and European Political Parties 134

Bookshelf

V. Zhuravleva

Life History as a Popular-Science Book. George Curson’ Portrait
in the Context of his Time 147

L. Klepatsky

Global Problems and their Study. The New Generation Textbook
for Master’s Degree Program 152

Abstracts 160

General data about the authors 166

Международные отношения: политические и социокультурные аспекты

А.Г. Сенокосов

ПРОБЛЕМА БРИТАНСКОГО ЛИДЕРСТВА В СИСТЕМЕ АНТАНТЫ

В статье исследуется политика Великобритании по выстраиванию военно-политического союза стран Антанты. Автор выделяет основные этапы в процессе блокового строительства, охватывающие период 1904–1923 гг. Рассматриваются механизмы обеспечения британского лидерства в данном союзе. Особое внимание уделяется распределению обязанностей сторон в рамках Антанты. В заключении рассматривается влияние опыта создания Антанты на последующую внешнюю политику Великобритании.

Ключевые слова: Первая мировая война, Великобритания, Антанта.

Под Антантой принято подразумевать военно-политический союз, возникший в 1904–1907 гг. из объединения Великобритании, Франции и России на антигерманской основе¹. В ходе Первой мировой войны он превратился в объединение из нескольких десятков государств, чьи действия координировались органами союзнического командования, высшим из которых считался Верховный совет Антанты. К моменту Компьенского перемирия 11 ноября 1918 г. система Антанты достигла пика в своем развитии. В послевоенный период, несмотря на попытки сохранить структуры данного союза, происходит его распад из-за обострения противоречий между основными участниками.

Общепринятым местом в историографии является утверждение, что лидером Антанты была Великобритания. Именно она создала, возглавила данное объединение и руководила им вплоть до его распада. Не ставя под сомнение факт британского лидерства в рамках Антанты, позволительно задать несколько уточняющих вопросов.

Могла ли Антанта возникнуть без Великобритании? В чем конкретно выражалось британское лидерство? Как распределялись роли в рамках этого союза? Какие функции Великобритания стремилась оставить за собой, а какие, напротив, она старалась передоверить другим членам этого союза? Был ли опыт этого лидерства использован в дальнейшем и в каких формах?

При ответах на эти вопросы следует учитывать тот факт, что Антанта не являлась неизменным и статическим явлением. За свою относительно недолгую историю этот союз проделал сложную эволюцию. Очевидно, что Антанта образца 1918 г. принципиально отличалась от Антанты образца 1914 г., имея сложную структуру и разветвленные механизмы координации действий стран-участниц. Соответственно, осуществление лидерских функций Великобритании на разных этапах существования Антанты требовало и различных подходов.

Специфика положения Великобритании в начале XX в. заключалась в том, что это была единственная глобальная держава своего времени. Интересы Британской империи, раскинувшейся на 1/4 пространства земного шара, охватывали весь мир. Несмотря на то что Великобритания уже прошла пик своего могущества и ее влияние начинало клониться к упадку, она оставалась сильнейшей великой державой и играла ведущую роль в существовавшей системе международных отношений. Британская дипломатия накопила огромный опыт борьбы с реальными и потенциальными конкурентами, действий по использованию в своих интересах других стран, сраиванию их между собой, приобретению и сдаче ситуативных союзников. За плечами у британской политической элиты был столетний опыт практического мирового лидерства, который не выражался в размере экономики, численности вооруженных сил или других количественных показателях, но позволял уверенно переигрывать менее искушенных соперников. Своевременно распознав появление опасного конкурента в лице Германской империи, Великобритания вышла из политики «блестящей изоляции» и приступила к созданию антигерманской коалиции.

Предвоенное десятилетие 1904–1914 гг. может быть выделено в качестве *первого этапа* существования формируемой Англией Антанты. В данный период она представляла собой дипломатическую комбинацию трех стран (Великобритании, Франции и России), участники которой были связаны между собой сетью соглашений. Важной чертой возникшего Тройственного согласия стало различие в позициях сторон. Если Франция и Россия имели четко оформленные союзнические обязательства на случай войны с Гер-

маний, то Великобритания таких фиксированных обязательств не имела².

Политика «свободы рук» диктовалась как внутривнутриполитическими соображениями, так и сознательным расчетом британской дипломатии. Она позволяла Англии оставаться как бы «над схваткой», воздействовать на своих партнеров по коалиции и направлять их действия в выгодном для нее направлении. Несмотря на определенные сложности и вынужденные отступления от избранного курса (наиболее явным из них стало англо-французское соглашение 1912 г. о передислокации военно-морских сил³), в целом либеральному кабинету Г. Асквита удавалось вплоть до июля 1914 г. сохранять выгодную позицию в рамках Тройственной Антанты.

Характерной чертой британской стратегии была ее многовариантность, стремление учесть все возможные пути развития ситуации и принять заблаговременные меры для защиты своих национальных интересов. В данном контексте целью Великобритании являлось не начало или предотвращение общеевропейской войны, а создание положения, при любых раскладах гарантирующего сдерживание Германии как потенциально наиболее опасного конкурента. При этом британские политики не забывали и о своих противоречиях с Францией и Россией.

Помимо Тройственной Антанты в распоряжении Великобритании имелся широкий инструментарий дипломатических альянсов с другими странами (англо-японский союз, «особые» отношения с Португальской империей, с США и т. д.). Этот потенциал мог быть конвертирован для обеспечения британских национальных интересов в зависимости от складывающейся ситуации.

Отказ Великобритании от политики «свободы рук» и ее вступление в Первую мировую войну 4 августа 1914 г. были продиктованы не обязательствами перед своими партнерами, а существовавшим пониманием британских национальных интересов. Потерпев неудачу в попытках направить острие германской агрессии на Восток, против Российской империи⁴, британская элита поспешила принять решение о вступлении в войну, чтобы предотвратить поражение Франции. В новых условиях Великобритании предстояло перейти от чисто дипломатических мер к сложному комплексу политических, военных и экономических действий, призванных обеспечить ее лидерство в рамках антигерманской коалиции и направить ход мировой войны по ее сценарию.

Второй этап в существовании Антанты охватывает период с августа 1914 до конца 1916 г. Несмотря на то что Великобритания, Франция и Россия выступили единым фронтом, каждая из сто-

рон вела поначалу свою отдельную войну против блока Центральных держав. Англия использовала шесть дивизий для поддержки Франции на континенте и приступила к морской блокаде Германии, стремясь не рисковать своими военными кораблями без нужды и не пытаясь навязать генеральное сражение немецкому флоту.

Минимальное использование английских ресурсов и низкая степень координации действий Великобритании с Францией и Россией вытекали из стремления британских политиков воевать в традициях XVIII–XIX вв.: обозначить свое участие в боевых действиях, не допустить разгрома своих союзников и продиктовать воюющим сторонам английские условия мира. Важное значение имели и предвоенные расчеты, предполагавшие, что война будет протекать быстрым темпом и закончится за несколько месяцев.

Единственным документом, зафиксировавшим единство участников Тройственного соглашения в начальный период войны, стало соглашение Англии, Франции и России, подписанное в Лондоне 5 сентября 1914 г. Три державы обязывались не заключать сепаратный мир и довести борьбу до победного конца⁵. Вместе с тем ни один из союзников не спешил формулировать свои цели в ходе начавшейся войны и соотносить их с интересами других участников Антанты. Положение начало изменяться к концу 1914 г., когда появились первые признаки того, что борьба будет затяжной, очень кровопролитной и для успеха в ней потребуется мобилизация всех сил.

Истинные масштабы войны и ее продолжительность обозначались постепенно, по мере того как терпели неудачу планы военных кампаний 1915–1916 гг. В этих условиях Англия была вынуждена принять более активное участие в войне и оформить свои взаимоотношения с союзниками соответствующими военно-политическими соглашениями, призванными дать британской дипломатии рычаги контроля за возможными требованиями партнеров в ходе послевоенного мирного урегулирования. В марте – апреле 1915 г. путем обмена меморандумами была достигнута договоренность по передаче России Стамбула, западного берега Босфора, Мраморного моря и Дарданелл и части азиатского побережья в районе проливов. Условием российской аннексии Черноморских проливов выступало доведение войны до победного конца и осуществление Великобританией и Францией «своих планов на Востоке, равно как и в других местах»⁶. По оценке современных исследователей, «...фактически тайное соглашение о Проливах явилось первой масштабной сделкой империалистического плана между державами Антанты»⁷. В мае 1916 г. был подписан договор Сайкса – Пико

(по именам британского и французского уполномоченных), распределявший между Англией и Францией почти все страны Арабского Востока⁸. Тем самым были согласованы планы основных участников Антанты в ходе мировой войны. Фактически лишь к 1917 г. стало возможным говорить об Антанте в категориях полноценного военно-политического союза.

Наряду с уточнением и конкретизацией своих обязательств перед ключевыми союзниками, Великобритания вела интенсивную работу по вовлечению в состав Антанты новых членов. В этот период ряды союза, наряду с Сербией и Бельгией, пополнили Япония (август 1914 г.), Италия (май 1915 г.), Португалия (март 1916 г.), Румыния (август 1916 г.).

Третий этап в развитии Антанты приходится на 1917–1918 гг. В этот период война вступает в решающую стадию. Под влиянием неудач на фронтах возникла реальная угроза распада Антанты, отдельные участники которой (Россия, Румыния) вынужденно пошли на заключение сепаратных мирных соглашений с Центральными державами⁹. В этих условиях Великобритания вынуждена была напрячь все силы для упрочения руководимого ею военно-политического союза, расширения его рядов за счет новых членов (прежде всего США), выстраивания механизмов эффективной координации действий всех участников.

Осенью 1917 г. был создан Верховный совет Антанты, или Союз пяти (Великобритания, Франция, США, Италия, Япония), включивший в свой состав руководителей правительств и начальников генеральных штабов ведущих стран Согласия. Этот орган позволил обеспечить тесное взаимодействие в рамках Антанты, координацию военных планов, мобилизационных программ, распределения наличных ресурсов для более успешного ведения войны. Важным качественным сдвигом стал переход к системе единого военного командования на ключевом западноевропейском театре военных действий. К 1918 г. союзники начали практиковать совместную «большую стратегию», во многом аналогичную той, что впоследствии применялась западными державами во Второй мировой войне¹⁰.

Наряду с работой по сплочению рядов Антанты Великобритания прилагала большие усилия для сохранения своих доминирующих позиций. Данная проблема значительно обострилась в связи с непрерывным ростом числа участников союза, появлением среди них такой сильной державы, как США.

В отличие от начального периода войны, в 1917–1918 гг. Великобритания вынуждена была принять самое активное участие в боевых действиях на суше, прежде всего в кровопролитных сра-

жениях в Бельгии и Франции. К концу войны потери английской армии на Западном фронте составили 2,9 млн человек убитыми, ранеными и пленными – 90 % всех потерь Британской империи в ходе войны¹¹. В результате победа была завоевана, однако ее цена для Великобритании оказалась непомерно велика.

Открытым остается вопрос о том, насколько эффективной была принятая Великобританией военная стратегия. Отражением этой проблемы стала борьба «западников» и «восточников» в британском руководстве, оппозиция наступательным операциям в Европе со стороны премьер-министра Д. Ллойд-Джорджа в 1917 г.¹² С одной стороны, концентрация усилий на противостоянии Германии на Западном фронте позволила не допустить поражения Франции. С другой стороны, при таком подходе систематически недооценивалась роль Балкан, а активные операции на Ближневосточном театре были развернуты только на завершающем этапе войны.

Четвертый этап развития Антанты охватывает послевоенный период 1919–1923 гг. Великобритания стремилась использовать сложившиеся механизмы Антанты для конструирования выгодного ей послевоенного мира. Столкнувшись с невозможностью эффективно обеспечивать свои лидерские функции в союзе, ставшем слишком запутанным и громоздким, британские политики и дипломаты начали пересматривать свой подход к нему. В 1922–1923 гг., в условиях резкого обострения англо-французских противоречий, происходит фактический распад Антанты. Верховный совет Антанты просуществовал до середины 1920-х гг., постепенно отходя на второй план в конкуренции с Лигой Наций. Таким образом, потребность в использовании инструмента Антанты на данном этапе у британских политиков отпала.

Механизмы британского лидерства в рамках Антанты

Эффективное осуществление лидерских функций Великобритании требовало тщательного выстраивания работы с членами альянса. Британские политики и дипломаты стремились обеспечивать такой формат отношений, который бы гарантировал им достижение поставленных целей. Для этого участники Антанты ранжировались в соответствии с определенной иерархией. В наиболее четкой форме она была представлена в годы войны, когда положение стран-участниц зависело от меняющейся обстановки на фронтах.

В основе Антанты лежал англо-французский союз, оформившийся в 1904 г. в результате колониального «соглашения по интересам»¹³. Характерной особенностью данного альянса являлась независимость каждого из участников. Франция в большинстве случаев руководствовалась лишь собственными интересами и не желала подчиняться британскому диктату. Претензии Франции на лидерство заключались, в частности, в ее стремлении сконцентрировать в своих руках военное командование союзными армиями в ходе Первой мировой войны¹⁴. Французская дипломатия активно работала на Балканах. Франко-российский союз при определенных обстоятельствах мог перехватить у Великобритании инициативу. Однако в большинстве случаев английской стороне удавалось навязывать Франции свою точку зрения или использовать ее в своих интересах. Это было связано с рядом обстоятельств. Во-первых, совокупный потенциал Британской империи существенно превосходил аналогичный у Франции. Во-вторых, Франция в ходе войны стала заложником сложившейся стратегической обстановки. Немецкие войска глубоко вторглись на территорию страны, оккупировав ее северные департаменты. В результате французы были вынуждены концентрировать все силы и средства на отражении германской угрозы. Напротив, Великобритания использовала выгоды своего географического положения и могла выбирать между концентрацией основных усилий на Западном фронте или на периферийных театрах.

Ключевым же соображением являлось совместное стремление Великобритании и Франции, выработав единую точку зрения, навязать ее в дальнейшем остальным союзникам, прежде всего России. Тесная система политических, дипломатических и военных контактов, сложившаяся за годы Первой мировой войны между Лондоном и Парижем, позволяла им осуществлять совместное руководство Антантой при преобладании английской стороны, располагавшей более сильными позициями.

Третий ключевой участник Антанты – Россия – в рамках подобной системы оказался в неполноправном положении. Совместное англо-французское давление, проявлявшееся уже в предвоенный период, особенно усилилось начиная с августа 1914 г. Характерной чертой британской политики в отношении России являлось стремление использовать в своих интересах русско-французский союз. Не имея с Петербургом таких же тесных и доверительных отношений, как с Парижем, Лондон стремился использовать для этой цели французов, предварительно согласовывая с ними совместную точку зрения. Такая система эффективно обеспечивала

совместные интересы западных членов Антанты за счет России. В 1914–1915 гг. они сообща принуждали Россию к поспешным и необдуманным наступательным действиям. Хрестоматийным примером стала Восточно-Прусская операция русских войск, обернувшаяся для них большими потерями. В то же время в рамках коалиционной войны эта операция стала большим успехом для Антанты, позволив сорвать план Шлиффена и избежать военного разгрома Франции¹⁵. Подобный сценарий в дальнейшем неоднократно повторился в 1914–1917 гг.

В ходе войны происходил быстрый рост числа участников Антанты, что в определенной степени затруднило для Великобритании выполнение ее лидерских функций. После вступления в войну Италии в мае 1915 г. потребовалась ее интеграция в общесоюзную систему. Эта страна не располагала совокупным потенциалом, достаточным для претензий на лидерство в рамках Антанты в целом, однако играла важную роль в региональных раскладах. Поэтому она могла быть использована как в дебатах между Англией и Францией, так и в совместном давлении на Россию. Подобная ситуация была характерна для второй половины 1915 г., когда совместное давление Великобритании, Франции и Италии вынудило Россию (пытавшуюся защищать интересы Сербии) идти на уступки в вопросе о судьбе югославянских земель¹⁶. В то же время в ключевых вопросах согласования общесоюзнической стратегии роль Италии была невелика, и ее зачастую просто ставили перед фактом решений, согласованных в треугольнике Великобритания – Франция – Россия. Так было, например, при разделе сфер влияния на пространстве Османской империи в 1916 г.¹⁷

Самым сложным вызовом для Великобритании стало подключение к системе Антанты Соединенных Штатов в апреле 1917 г. Они обладали рядом несомненных преимуществ: превосходящими ресурсами, свободой рук в определении формата своего участия в войне. Независимая политика США требовала от британской дипломатии особых усилий для использования значительного американского потенциала в своих интересах. В целом Лондону удалось справиться с этой сложной задачей. Для этого Великобритания использовала уже сложившуюся систему Антанты, наработанные механизмы обеспечения выгодных решений в рамках общесоюзного командования. США, которые сравнительно поздно подключились к Антанте и не были в достаточной степени интегрированы в эту систему, не могли оказывать решающее воздействие на решения, совместно вырабатываемые англо-французским альянсом. Данное обстоятельство сыграло свою роль в послевоенном мирном урегу-

лировании, отказе США от ратификации Версальского мирного договора 1919 г., связанном с их нежеланием играть по правилам, устанавливаемым англо-французским альянсом.

Разделение членов Антанты на привилегированных крупных игроков, работа с которыми выстраивалась по индивидуальному формату, и основную массу сравнительно мелких участников, с которыми можно было считаться лишь в минимальной степени, обеспечивали Великобритании возможность направлять развитие Антанты и оказывать решающее воздействие на стратегические решения, вырабатываемые в рамках этого блока в ходе Первой мировой войны.

Распределение обязанностей в рамках Антанты

Поскольку Антанта являлась порождением блоковой политики и была нацелена на ее использование как инструмента ведения войны, значительный интерес представляет ретроспективный взгляд на распределение обязанностей между участниками.

В ходе Первой мировой войны естественным стремлением каждой страны было желание минимизировать собственные издержки. Подобная политика являлась традиционной для Великобритании. В отличие от сухопутных европейских государств, ее географическое положение давало ей для этого определенные возможности.

Вплоть до 1916 г. Лондон стремился ограничить свое участие в боевых действиях, переложив основную тяжесть сухопутных сражений на плечи своих союзников. В 1917–1918 гг. британский вклад в военные усилия Антанты был значительно увеличен. По оценке У. Черчилля, «...к концу войны в области материальных ресурсов мы как раз приближались к пределу наших возможностей»¹⁸. В целом же, если сопоставить непосредственный военный вклад Британской империи с другими ключевыми участниками Антанты, он окажется значительным, но не решающим¹⁹.

Для оценки реальных масштабов британского участия необходимо взглянуть на войну в целом, с учетом всех ее составляющих: дипломатических, финансово-экономических, военно-технических и т. п. Тогда следует признать, что Великобритания находилась в центре военных усилий блока Антанты, поскольку выступала и как его крупнейший участник (Британская империя контролировала 1/4 земного шара), и как организатор всей системы ведения войны

против Центральных держав, которая моделировалась при решающем английском воздействии.

Прежде всего необходимо обратить внимание на дипломатическое измерение конфликта. Первая мировая война была коалиционной войной, и ее исход в значительной мере зависел от способности сторон привлекать на свою сторону новых союзников. Благодаря центральному положению Британской империи в системе международных отношений начала XX в., она обладала высокой союзоспособностью. Быстрое вступление Великобритании в Первую мировую войну в значительной мере способствовало изоляции Центральных держав. Отныне любое государство, рассматривая вопрос о своем вступлении в войну, должно было учитывать британский фактор. Дипломатический вес Великобритании и разветвленная сеть ее международных связей обеспечили привлечение к Антанте Японии, Португалии, решающим образом содействовали подключению к войне США. Русско-французский союз сам по себе не обладал потенциалом для формирования широкой международной коалиции против Германии.

Еще одним важнейшим индикатором лидерской роли Великобритании в системе Антанты была ее военно-морская мощь. Британский флот отрезал Германию от притока ресурсов извне. В условиях блокады германская экономика функционировала существенно менее эффективно. Последовательная реализация Англией своей блокадной политики сыграла ключевую роль в ходе войны на истощение. При этом Великобритания была единственной страной, способной реализовать данную функцию. По мнению современного британского исследователя Х. Стрэчана, «английская морская мощь являлась *conditio sine qua non* (обязательным условием. – А. С.) для реализации “большой стратегии” Антанты. Она предполагала блокаду Центральных держав как комплексное действие, включая военные операции, обработку нейтральных стран, пропаганду, снабжение союзников»²⁰.

Кроме того, Великобритания выступила организатором системы военно-экономического сотрудничества стран Антанты в годы Первой мировой войны. По оценке Т. Балдерстоуна, «война сделала жизненно важным доступ к глобальной экономике. Место Великобритании как сердца глобальной экономики... дало решающие преимущества Антанте»²¹. Британские финансы, торговый флот, ресурсы колоний позволили выстроить гибкую и динамичную систему, подключившую потенциал большей части мира к обслуживанию военной машины Антанты. С началом Первой мировой войны Великобритания взяла на себя роль координатора военно-

экономических программ стран Антанты. Передав союзникам основную тяжесть ведения сухопутной войны в Европе, Великобритания выполняла не менее важные обеспечивающие функции. За счет этого, например, Франция получила возможность пожертвовать своим гражданским производством и почти полностью переключиться на обслуживание нужд фронта²². Напротив, Россия в силу инфраструктурных ограничений в ходе войны оказалась в частичной блокаде и не смогла воспользоваться преимуществами данной системы кооперации. Как следствие, к концу 1916 г. в стране начался «общий промышленно-экономический кризис, осложненный кризисом транспорта и снабжения»²³. Упадок экономики стал одной из причин революции 1917 г., повлекшей выход России из состава Антанты.

В целом, если оценивать вклад Великобритании в Первую мировую войну не по какому-то одному критерию (например, непосредственному военному участию), а по комплексу факторов (дипломатических, экономических, военно-технических и т. д.), то данный вклад можно признать несомненно решающим среди всех участников Антанты.

Подводя итоги, следует заметить, что, в сущности, Антанта стала порождением британской дипломатии. Она возникла и развивалась как инструмент, обеспечивающий английские интересы в Европе и мире. Осью Антанты являлся англо-французский союз. Антанта существовала постольку, поскольку сохранялось сотрудничество Лондона и Парижа. Все остальные участники Антанты могли быть заменены, даже такие важные, как Россия (это показал 1917 г.). Могла ли быть заменена Франция? Исторический опыт первой четверти XX в. не дает ответа на этот вопрос. Но в 1940 г. в схожих обстоятельствах союз с Францией распался, после чего Великобритания использовала накопленный ранее опыт для выстраивания тесного союза с США.

Великобритания последовательно отстаивала свое лидерство в рамках Антанты и управляла этим союзом в своих интересах. Не обладая подавляющим превосходством в мощи и ресурсах (сопоставимым с превосходством США в рамках НАТО), она восполняла этот недостаток за счет дипломатического искусства, тщательного распределения функций в рамках Антанты, выстраивания внутри-блоковой иерархии (системы привилегированного партнерства).

К концу войны Антанта разрослась настолько, что Великобритании стало затруднительно управлять таким разношерстным блоком. В ходе послевоенных мирных конференций она уже не имела возможности навязывать свою волю ключевым игрокам. Утрата

объединяющего начала (каковым было противостояние угрозе германской гегемонии в Европе), обострение разногласий с Францией привели к тому, что Великобритания утратила интерес в поддержании существования Антанты.

Ценный наработанный опыт был задействован вновь уже в конце 1930-х гг. Предвоенный кризис 1938–1939 гг. и начало Второй мировой войны побудили Лондон возродить англо-французский союз и придать ему формы, достигнутые к концу Первой мировой войны. После поражения Франции в 1940 г. наработки Антанты были использованы в развитии англо-американского союза. Антигитлеровская коалиция 1941–1945 гг. в значительной мере повторяла опыт Антанты. Механизм тесной координации действий Великобритании и США лег в основу оформившегося в 1949 г. блока НАТО.

Примечания

- 1 Первое упоминание термина «Антанта» в контексте англо-французских отношений относится к началу 1840-х гг., когда произошло непродолжительное сближение двух держав. Данное название стало общеупотребительным после подписания англо-французских колониальных соглашений 1904 г. В современной историографии Антанты часто используются такие названия этого союза, как «Тройственное соглашение», «Сердечное согласие» (*Entente Cordial*) применительно к периоду до 1914 г. С переходом от трехстороннего к многостороннему союзу (с началом Первой мировой войны) общеупотребительным становится термин «Антанта».
- 2 Англо-французское соглашение 1904 г. и англо-русское соглашение 1907 г. касались лишь раздела колоний и сфер влияния, не затрагивая вопросы европейской политики. См., напр.: *Monger G. The End of Isolation. British Foreign Policy 1900–1907. L., 1963. P. 37.*
- 3 Речь идет о соглашении Грея – Камбона 22–23 ноября 1912 г. См.: *E. Grey to P. Cambon. November 22, 1912 // British Documents on the Origins of the War. 1898–1914. Ed. by G.P. Gooch and H. Temperley. Vol. 10. Part 2. № 416. L., 1936; P. Cambon to E. Grey. November 23, 1912 // Ibid. № 417.*
- 4 Активные переговоры английских и германских дипломатов по поводу локализации возможного конфликта между Германией и Россией зафиксированы в дипломатической переписке британского Форин-офиса. См., напр.: *Sir E. Goschen to Sir E. Grey. July 29, 1914 // British Documents on the Origins of the War... Vol. 11. № 293.*
- 5 Соглашение о не заключении сепаратного мира. 5 сентября / 23 августа 1914 г. // *Международные отношения в эпоху империализма. Т. 6. Ч. 1. № 220. М., 1935.*
- 6 *Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2. М., 1926. С. 25.*

- ⁷ Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 1. М., 2005. С. 238.
- ⁸ Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. Ser. 1. Vol. 4. P. 241–251. L., 1957.
- ⁹ Брест-Литовский мирный договор 3 марта 1918 г. между Советской Россией и Центральными державами; Бухарестский мирный договор 7 мая 1918 г. между Румынией и Центральными державами.
- ¹⁰ *Strachan H.* The War Experienced: Command, Strategy and Tactics, 1914–1918 // A Companion to World War I. Ed. by John Horne. L., 2012. P. 35.
- ¹¹ Общие потери Британской империи в Первой мировой войне составили, по уточненным современным данным, 3 190 235 человек (908 371 убитых, 2 090 212 раненых, 191 652 пропавших без вести и пленных). См.: A Companion to World War I. Ed. by John Horne. L., 2012. P. 249.
- ¹² *Prior R., Wilson T.* War in the West, 1917–1918 // A Companion to World War I... P. 134.
- ¹³ См.: *Williamson S.R.* The Politics of Grand Strategy: Britain and France Prepare for War. 1904–1914. L., 1972. P. 7.
- ¹⁴ 26 марта 1918 г. французский маршал Ф. Фош был назначен главнокомандующим союзными силами в Западной Европе, при подчинении ему британских войск. См.: A Companion to World War I... P. 37–38.
- ¹⁵ *Олейников А.В.* Кампания 1914 г. на русском фронте // Военно-исторический журнал. 2014. № 8. С. 7–8.
- ¹⁶ *Писарев Ю.А.* Образование югославянского государства. М., 1975. С. 129–130.
- ¹⁷ Италия была лишь «проинформирована» о результатах соглашения Сайкса – Пико в 1916 г. После продолжительных консультаций итальянцам удалось выговорить себе небольшую часть турецких владений в Малой Азии. 19 апреля 1917 г. было подписано соответствующее англо-франко-итальянское соглашение в Сен-Жан-де-Мориенн. См.: *Фомин А.М.* Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство». 1918–1923. М., 2010. С. 52.
- ¹⁸ *Черчилль У.* Мировой кризис 1918–1925. М., 2007. С. 9.
- ¹⁹ Иллюстрацией данного тезиса являются потери, понесенные основными участниками Антанты. Общие военные потери Британской империи убитыми, ранеными и пленными в 1914–1918 гг. составили 3,19 млн человек против 6,179 млн у Франции и 9,25 млн у Российской империи. См.: A Companion to World War I... P. 249.
- ²⁰ *Strachan H.* Op. cit. P. 46.
- ²¹ *Balderston T.* Industrial Mobilization and War Economy // A Companion to World War I... P. 217.
- ²² В ходе войны 1914–1918 гг. Франция заняла первое место по объемам выпуска вооружений среди всех держав Антанты, сыграв роль «арсенала демократии», во многом аналогичную той, что играли США в 1941–1945 гг.
- ²³ *Федосеев С.Л.* «Пушечное мясо» Первой мировой. Пехота в бою. М., 2009. С. 37.

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ О ПРИЧИНАХ НЕУДАЧИ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ: СОЮЗНИЧЕСКИЙ ФАКТОР

В статье анализируются взгляды исследователей и мемуаристов русского зарубежья 1920–1930-х гг. на причины поражения Белого движения в Гражданской войне. Особое внимание уделяется дискуссии о характере взаимоотношений лидеров Белого движения и представителей союзных войск, а также о степени влияния союзнического фактора на итоги вооруженной борьбы с большевиками.

Ключевые слова: Белое движение, русское зарубежье, историография, мемуаристика, союзники.

Проблема причин поражения Белого движения представляется одной из ключевых в области изучения истории Гражданской войны. Не теряет своей актуальности историографический аспект ее исследования, в особенности изучение исторической мысли русской эмиграции 1920–1930-х гг. Именно благодаря перу представителей русского зарубежья в исследовании Гражданской войны и Белого движения впервые ставятся и анализируются некоторые проблемы, актуальные и для современной историографии. Одной из таких проблем является союзнический фактор, который выделяется большинством исследователей и мемуаристов русского зарубежья в качестве одной из причин неудачи Белого движения, несмотря на то что в годы Гражданской войны союзники оказывали поддержку антибольшевистским вооруженным силам на всех без исключения фронтах боевых действий.

Следует отметить, что первенство в постановке вопроса о влиянии союзнического фактора на исход Гражданской войны в России принадлежит профессиональным военным. Так, например, в отсутствии реальной поддержки упрекает англичан бывший командующий

Северо-Западной армией генерал-лейтенант А.П. Родзянко. С одной стороны, мемуарист выдвигает претензии представителям союзнических миссий в несвоевременных поставках армии продовольствия, военной техники и орудий, существенная часть которых к тому же прибывала в распоряжение белых в неисправном состоянии. С другой стороны, Родзянко вынужден был констатировать нежелание английского командования принимать реальное участие в боевых действиях, в том числе отказ от использования флота, сыгравший, по мнению генерала, ключевую роль в исходе ряда ключевых операций на фронте и не позволивший Северо-Западной армии, в частности, овладеть Кронштадтом¹.

Атаман Всевеликого войска Донского П.Н. Краснов, в свою очередь, видит основную стратегическую ошибку союзников в том, что английское и французское командование упустили прекрасную возможность воспользоваться уходом германских частей из Украины и ввести на ее территорию собственные вооруженные формирования в конце 1918 г. Причину подобной нерешительности мемуарист обнаруживает как в отсутствии в Европе консолидированной позиции по русскому вопросу, так и в высоком уровне революционных настроений в союзных армиях². Указывая союзнический фактор в числе главных причин неудачи Белого движения, Краснов утверждает, что непоколебимая верность союзникам «погубила императора Николая II, она же погубила и Деникина с его Добровольческой армией»³. Подобная негативная оценка Красновым роли союзников в Гражданской войне в России имела, по всей видимости, и политический подтекст. Атаман не скрывал своих опасений в том, что в случае прихода союзных войск на Дон «готовилась полная перемена декораций», и поддержка французов и англичан была бы оказана его главному политическому оппоненту А.П. Богаевскому⁴.

Существенным моментом, характеризующим роль союзнического фактора, следует признать политику, проводимую Великобританией в Закавказье. По свидетельству генерал-лейтенанта А.С. Лукомского, возглавлявшего с июля 1919 по январь 1920 г. Особое совещание при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России (далее – ВСЮР), поддержка англичанами идеи отделения закавказских республик от России и установление британского контроля над Батуми для осуществления вывоза нефти из региона вступали в прямое противоречие с основными принципами политики ВСЮР⁵.

Политику союзников в отношении возможной военной помощи ВСЮР со стороны Сербии и Болгарии Лукомский также

оценивает неоднозначно. По свидетельству мемуариста, подобные стремления не встречали поддержки со стороны союзников: «...особенно категорично они возражали против помощи Болгарией, усматривая в этом политический с ее стороны маневр для облегчения ей условий мирного договора и для возможности образовать значительную армию»⁶. И все же главную причину сравнительно невысокой эффективности поддержки союзниками антибольшевистских сил на Юге России Лукомский видит в отсутствии у европейских партнеров четкого плана помощи белым армиям, при наличии и строгом следовании которому большевизм, по мнению мемуариста, был бы свергнут, а финансовые затраты Великобритании и Франции, связанные с его осуществлением, являлись бы не столь ощутимыми⁷.

Рассуждая о роли союзников в период пребывания Русской армии в Крыму, Г.В. Немирович-Данченко отмечает, что признание французами 13 августа 1920 г. правительства П.Н. Врангеля являлось прямым следствием успехов РККА на польском фронте, искусственным маневром, рассчитанным скорее на реакцию Москвы, нежели на оказание реальной поддержки Белому движению⁸. При этом мемуарист вынужден констатировать заискивающее и даже подбострастное отношение командования Русской армии к союзникам, выражавшееся, в частности, в предоставлении иностранным корреспондентам и членам дипломатических миссий номеров в лучших гостиницах, в то время как офицеры, прибывавшие в отпуск с фронта, сталкивались с острым дефицитом жилья⁹.

Небезынтересный анализ взаимоотношений представителей Белого движения с союзниками в крымский период Гражданской войны предлагает в своих воспоминаниях А.А. Валентинов. Автор склонен усматривать причины несвоевременной и недостаточной заграничной помощи, оказываемой Врангелю, не столько в сознательной позиции представителей иностранных держав, сколько в нежелании демонстрировать союзникам слабые стороны и очевидные проблемы белого Крыма. Данное суждение иллюстрируется на страницах мемуаров рассказом о совместной поездке Врангеля, председателя Правительства Юга России А.В. Кривошеина, зарубежных офицеров и журналистов по Крыму, в рамках которой последним были продемонстрированы хорошо укрепленные Сивашско-Таганашские позиции, в то время как Перекопский перешеек остался за рамками «экскурсии». Между тем, по мнению Валентинова, демонстрация слабо укрепленных, но стратегически значимых позиций Перекопа могла бы существенно ускорить процесс зарубежных поставок необходимых технических материалов для

строительства там фортификационных сооружений, однако, ввиду нежелания командования показать себя и армию не с лучшей стороны, подобная возможность была упущена¹⁰.

В тех случаях, когда материально-техническая поддержка со стороны союзников все же обеспечивалась, доставляемые из заграницы товары зачастую так и не поступали в распоряжение армии. Так, например, Валентинов упоминает любопытный случай реализации на рынках Константинополя проволоки, поставляемой англичанами с целью укрепления Перекопских позиций. Мемуарист объясняет данный инцидент не столько коррупционными мотивами, сколько халатностью ответственных лиц. По его свидетельству, судно, на борту которого находилась проволока, всю весну простояло в Севастополе, так и не было разгружено и благополучно вернулось в Константинополь за другим грузом. Таким образом, было принято решение в срочном порядке распродавать проволоку для того, чтобы разгрузить пароход¹¹.

По мнению А.И. Деникина, эффективному сотрудничеству представителей западных держав с руководством антибольшевистского движения препятствовало незнание союзниками политической обстановки в России и непонимание происходивших событий¹². Рассматривая Россию исключительно как фактор международной борьбы¹³, союзники изначально стремились избежать участия в Гражданской войне. В первую очередь это относилось к европейским политикам, в то время как влияние представителей генералитета союзных войск было недостаточным для изменения отношения к Гражданской войне в России в политических кругах держав Антанты. По мнению Деникина, союзники «жили еще эмоциями бранной славы и победы, располагавшими к великодушию»¹⁴, и ограниченный характер их помощи антибольшевистским силам во многом объяснялся оторванностью годами войны от политических будней своих стран. Сотрудничеству белых с союзниками не способствовала и неопределенность взаимоотношений командования западных военных миссий, осложнявшаяся соперничеством союзных держав¹⁵.

Отчасти незнанием российской действительности, а отчасти и корыстными помыслами союзников Деникин объясняет двойственный характер их политики по отношению к Белому движению. На основе ряда стратегических планов союзников он делает вывод о том, что их цели изначально удовлетворяли «скорее интересам оккупации и эксплуатации, чем стратегического прикрытия и помощи»¹⁶. В качестве примера бывший главнокомандующий ВСЮР упоминает борьбу за сохранение и единство Черноморско-

го флота, которую ему приходилось вести с союзниками с первых дней интервенции¹⁷.

Недостаточную и несвоевременную помощь союзников выделяет в качестве одной из главных причин поражения антибольшевистского движения и П.Н. Милоков. На постановку исследователем данной проблемы оказала определенное влияние трансформация политических взглядов Милокова в эмиграции, в частности, убеждение в том, что русскому зарубежью не следует рассчитывать на иностранную интервенцию в Советскую Россию, а в противостоянии большевизму необходимо полагаться лишь на собственные силы.

Особенно неоднозначно, по мнению исследователя, складывалась ситуация с участием союзников в Гражданской войне на Востоке. США, де-юре принимавшие участие в интервенции, де-факто воздерживались от участия в боевых действиях «и даже хвалились тем, что в первые месяцы оккупации не убили ни одного русского. Фактически это часто сводилось к помощи большевикам»¹⁸, – считает Милоков. Участие японской армии в интервенции на Востоке, согласно доводам историка, сыграло и вовсе роль скорее отрицательную, нежели позитивную. Взяв под свой контроль многочисленные стратегические населенные пункты и железнодорожные пути на Дальнем Востоке (что в немалой степени связывало руки как антибольшевистским силам, так и прочим союзникам), японская армия не намеревалась продвигаться дальше Байкала, «и надежда на ее деятельную помощь на “восточном фронте” была скоро потеряна»¹⁹. Кроме того, подавляющее численное превосходство японцев²⁰ над другими союзниками свидетельствовало о стремлении Японии укрепить свое влияние в регионе. По мнению Милокова, «опасения сибирского правительства, ... что цели ее (Японии – С. Н.) интервенции были совсем иные, чем помощь в борьбе с большевиками, оправдались всецело»²¹.

Милоков отмечает существенное влияние капитуляции Германии и заключения 11 ноября 1918 г. Компьенского перемирия на взаимоотношения держав Антанты и антибольшевистских сил. С этого момента антибольшевистские армии перестали рассматриваться союзниками как сила, сражавшаяся против немцев, а их дальнейшая тактика в отношении Белого движения определялась исходом Первой мировой войны, а не реальным положением и задачами белых армий. Зачастую цели союзников прямо противоречили задачам лидеров Белого движения. Так, например, стремление французов установить на некоторых российских территориях гражданскую власть, проводить мобилизацию и осуществлять самостоятельные наступательные операции с трудом согласовыва-

лись с политикой Деникина и лозунгами Добровольческой армии о сохранении единства государственного управления²².

Указывая на «бессистемность и двойственность интервенции»²³, несоизмеримость претензий, предъявляемых союзниками белым, масштабам оказываемой поддержки²⁴ и даже называя Чехословацкий корпус «единственной реальной помощью союзников»²⁵, С.П. Мельгунов также обращает внимание на проблему отсутствия должного финансирования Белого движения со стороны союзников. Однако причина, по мнению историка, заключалась не только в скупости европейских держав, но и в нехватке конкретного плана поддержки антибольшевистских организаций, т. е. возникала ситуация, в которой было непонятно, кому и в каком объеме следует выделять деньги. Во многом по этой причине, согласно меткому выражению Мельгунова, деньги «расходовались без всякого плана, по принципу ставить ставку на все лунки»²⁶. По мнению исследователя, раздельное финансирование союзниками различных антибольшевистских сил способствовало не их консолидации, а, напротив, распылению.

Д.В. Филатьев, анализируя роль союзнического фактора в поражении Белого движения, и вовсе подвергает сомнению целесообразность политики антибольшевистских вооруженных сил по неукоснительному соблюдению союзнических обязательств, ставившей армию в положение просителей, лишавшей ее потенциальных союзников (в частности, гетмана П.П. Скоропадского) и провоцировавшей многочисленные конфликты и противоречия внутри антибольшевистского лагеря²⁷.

Не отрицая изначального стремления союзников вести вооруженную борьбу с коммунизмом как с мировым злом, А.А. Зайцов констатирует, что подобные идеи вскоре сменились стремлением к созданию своеобразного «санитарного кордона» между Советской Россией и Европой и установлением контроля над областями, представлявшими для союзников стратегический интерес (главным образом Закавказье и Дальний Восток). «В смысле же поддержки вооруженной борьбы белых с красными все ограничивалось посылкой избытков запасов вооружения и снаряжения, оставшихся от мировой войны»²⁸, – подводит итог исследователь. Так, например, главной, если не единственной задачей французской интервенции летом 1918 г. Зайцов считает стремление не допустить дальнейших перебросок германских дивизий из России на французский фронт²⁹. Этой цели французы успешно достигают – в период с 1 мая по 15 сентября 1918 г. ни одной германской дивизии из России во Францию переброшено не было³⁰.

Расчет союзников на создание своеобразной «карантинной зоны», состоящей из молодых национальных государственных образований (Польшы, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы), отмечает и Н.Н. Головин. По мнению исследователя, подобный план имел трагические последствия для Белого движения, поскольку «фактически открывал ленинской большевистской власти юг России»³¹.

Тезис о том, что политические решения, принимаемые союзниками, и тактические соображения, которыми руководствовались представители военных миссий Великобритании, Франции, Японии и других государств в России, не вполне соответствовали целям и задачам Белого движения, является в историографии и мемуаристике русского зарубежья одним из ключевых. При этом анализ роли союзнического фактора в поражении антибольшевистских вооруженных сил осуществляется в эмигрантской литературе в нескольких направлениях, нередко сочетающихся в работах отдельных исследователей и мемуаристов. Первая тенденция – критика союзников за недостаточный объем оказанной ими помощи Белому движению и стремление избежать активного участия в военных действиях, констатация наличия и отстаивания собственных интересов на занимаемых их вооруженными силами территориях и последовавшей за этим постепенной утраты союзниками интереса к событиям Гражданской войны в России. Это явление объясняется отчасти изменением внутривнутриполитических приоритетов западных держав, а также внешнеполитического контекста, связанного с исходом Первой мировой войны. Другая историографическая установка ориентирует авторов на поиск причин отсутствия эффективного взаимодействия между антибольшевистскими вооруженными силами и военными миссиями союзников в особенностях внутренней и внешней политики Белого движения. Здесь отмечаются проблемы искажения истинного положения российских контрреволюционных сил в глазах союзников, неумения в полной мере воспользоваться той помощью, которая оказывалась антибольшевистскому движению, а также объективные особенности политической и военной обстановки в России, существенно влиявшие на масштабы и эффективность заграничной поддержки Белого движения. Наконец, меньшинство авторов высказывают предположение о негативных последствиях непосредственно союзнической ориентации белых, отмечая, что подобная внешнеполитическая ставка делала антибольшевистские вооруженные силы зависимыми от интервентов и сокращала возможности объединения с другими внутривнутрироссийскими силами, противостоящими большевикам.

Однако принимая во внимание вышесказанное, союзнический фактор неудачи Белого движения в историографии и мемуаристике второй волны русской эмиграции о Гражданской войне следует признать консолидирующим. Вступая в непримиримые споры и ожесточенные дискуссии, кардинально расходясь в оценках внутренних (социально-политических) причин поражения Белого движения, авторы зачастую соглашаются друг с другом в вопросах определения внешних факторов, к числу которых, в первую очередь, относится проблема взаимоотношений лидеров антибольшевистских правительств и армий с представителями союзнических вооруженных сил. В то же время на примере разработки данной проблемы отчетливо проявляется индуктивный характер исследовательской и мемуарной литературы русского зарубежья 1920–1930-х гг. о Белом движении, который выражается, в частности, в постепенном переходе от детального разбора и анализа конкретных конфликтов и противоречий между союзниками и белыми к определению роли и значения Гражданской войны в России для послевоенной внешней политики западных держав.

Примечания

- ¹ См.: *Родзянко А.П.* Воспоминания о Северо-Западной армии. Берлин: Тип. Общества «Пресса», 1921. С. 127–128.
- ² См.: *Краснов П.Н.* Всевеликое войско донское // Белое дело: Дон и Добровольческая армия. М.: Голос, 1992. С. 126.
- ³ Там же. С. 54.
- ⁴ Там же. С. 57.
- ⁵ См.: *Лукомский А.С.* Воспоминания: Период Европейской войны. Начало разрухи в России. Борьба с большевиками. М.: Айрис-пресс, 2012. Т. 2. С. 529.
- ⁶ Там же. С. 659.
- ⁷ Там же. С. 662.
- ⁸ См.: *Немирович-Данченко Г.В.* В Крыму при Врангеле: Факты и итоги. Берлин; Мюнхен: Тип. Р. Ольденбурга, 1922. С. 81.
- ⁹ Там же. С. 108.
- ¹⁰ См.: *Валентинов А.А.* Крымская эпопея // Белое дело: Белый Крым: В 16 кн. Кн. 11. М.: РГГУ, 2003. С. 328, 338–339.
- ¹¹ Там же. С. 372.
- ¹² См.: *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова: Август 1917 – апрель 1918. Минск: Харвест, 2002. С. 254.
- ¹³ См.: *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Белое движение и борьба добровольческой армии: Май – октябрь 1918. Минск: Харвест, 2002. С. 121.

- ¹⁴ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга России. Распад Российской империи: Октябрь 1918 – январь 1919. Минск: Харвест, 2002. С. 61.
- ¹⁵ Там же. С. 63.
- ¹⁶ Там же. С. 67.
- ¹⁷ Там же. С. 68.
- ¹⁸ *Милоков П.Н.* Россия на переломе: Большевицкий период русской революции. Т. 2: Антибольшевистское движение. Париж: Imprimerie d'art Voltaire, 1927. С. 36.
- ¹⁹ Там же. С. 36–37.
- ²⁰ Там же. С. 37.
- ²¹ Там же. С. 38.
- ²² Там же. С. 94.
- ²³ *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака: В 2 кн. М.: Айрис-пресс, 2004. Кн. 2. С. 68.
- ²⁴ Там же. С. 93–94.
- ²⁵ Там же. С. 95.
- ²⁶ *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники. М.: Индрик, 2003. С. 333.
- ²⁷ См.: *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири: 1918–1922: Впечатления очевидца. Париж: YMCA-Press, 1985. С. 137–138.
- ²⁸ *Зайцов А.А.* 1918 год. Очерки по истории русской гражданской войны. М.; Жуковский: Куликово поле, 2006. С. 24.
- ²⁹ Там же. С. 150.
- ³⁰ Там же. С. 151.
- ³¹ *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.: В 2 т. М.: Айрис-пресс, 2011. Т. 2. С. 604.

АМЕРИКА КАК СОЮЗНИК В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА: 1941–1945 гг.

Статья посвящена образу США как союзника в сознании советских людей в годы Великой Отечественной войны. Источниками послужили дневники и воспоминания, а также публикации в прессе и информационные материалы советских государственных и партийных органов, в том числе Наркомата госбезопасности и Наркомата внутренних дел.

Ключевые слова: советское общество, образ союзника, США, внешне-политические стереотипы, второй фронт, ленд-лиз, послевоенное урегулирование.

В военные годы представления о внешнем мире приобретают явственную черно-белую окраску. Мир делится на врагов, которые воспринимаются совершенно по-особому, на союзников и на нейтралов. Нейтралы, впрочем, за редким исключением, привлекают внимание лишь в качестве потенциальных противников или потенциальных союзников.

В массовом сознании образ союзника предстает в самых различных ипостасях. Наряду с позитивными представлениями часто встречаются и проявления традиционного недоверия (особенно в отношении Англии), которое лишь усугубилось в предвоенные годы.

Социологических опросов в современном понимании тогда не существовало, но в какой-то степени их заменяли информационные материалы НКВД, партийных и советских органов, а также доступные сейчас историкам документы личного происхождения.

Основываясь на этой источниковой базе, можно попытаться восстановить спектр настроений, существовавших тогда в советском обществе по отношению к союзникам. Открытым остается вопрос

об относительном удельном весе тех или иных настроений; об этом можно судить лишь по частоте упоминаний об этом в документах, отдавая себе при этом отчет, что внимание, например, информаторов НКВД к тем или иным высказываниям далеко не всегда отражает их реальную распространенность.

Тем не менее очевидно, что общественное мнение далеко не сводилось к воспроизведению положений официальной пропаганды. Как будет показано ниже, существовал очень широкий спектр мнений в отношении союзников, от абсолютно позитивных до резко негативных, иногда неожиданных, иногда весьма – с точки зрения современного историка – обоснованных и рациональных.

Конечно, первой реакцией на начало войны была растерянность, особенно среди людей, политикой обычно не интересующихся.

Как отмечает, основываясь на ленинградских материалах, Н.А. Ломагин, «сближение СССР с Англией и США в первые недели войны воспринималось населением с большой настороженностью и не являлось существенным фактором в развитии настроений – война с Германией представлялась своего рода дуэлью, в которой “демократии” в лучшем случае будут играть роль честных секундантов». И далее: «Большой интерес к международным событиям, которые в довоенном Ленинграде скорее напоминали мечты и грезы, нежели имели какое-нибудь реальное значение, через два месяца войны практически полностью исчез, уступив место насущным вопросам борьбы за выживание... По-прежнему по отношению к демократическим государствам доминировало недоверие»¹.

В июле 1941 г. в Красноуфимском районе Свердловской области отдел агитации и пропаганды местного райкома при проведении работы с населением выявил «неправильные» взгляды на обстановку, которые (вместе с пораженческими настроениями) включали «непонимание позиции Англии и Америки в отношении к Советскому Союзу» и проистекавшее отсюда недоверие к западным державам². Подобные суждения неоднократно высказывались и в осажденном Ленинграде³.

В информационных документах НКВД были отмечены высказывания советских граждан о том, что речь Сталина 3 июля 1941 г. была рассчитана на завоевание симпатии в Англии и Америке, «которых мы объявили союзниками». Были, впрочем, и обратные высказывания, например: «Надеяться на помощь Англии и Америки – безумие»⁴. Подобные настроения существовали и в офицерском корпусе. Так, генерал-майор М.И. Потапов, попавший в плен к немцам, на допросе в сентябре 1941 г. безапелляционно заявил, что «русские считают Англию плохим союзником»⁵.

Иногда сама необходимость создания антигитлеровской коалиции подвергалась сомнению. В докладной записке Л.П. Берии, поданной И.В. Сталину в сентябре 1941 г., приводились следующие слова одного из работников Наркомата среднего машиностроения: «Я не хочу, чтобы в результате войны победителями оказались Англия и Америка, потому что в верхних слоях опять будут евреи, так как Америка – еврейская страна, и она старается, чтобы в России господствовал еврейский капитал. Пусть лучше владеет Россией Германия и Гитлер»⁶.

Подписание США и Великобританией Атлантической хартии⁷ вызвало следующий комментарий московского режиссера П.: «Соглашение между Рузвельтом и Черчиллем без нашего участия доказывает, что мы только орудие в их руках...»⁸

Есть свидетельства того, что союз СССР и демократического Запада негативно оценивался представителями интеллигенции и по другим, противоположным мотивам. Это было связано с их резко отрицательным отношением к советскому строю как таковому. Например, историк С.Б. Веселовский записал в дневнике 20 января 1944 г.: «К чему мы пришли после сумасшествия и мерзостей семнадцатого года? Немецкий и коричневый фашизм – против красного. Омерзительная форма фашизма – в союзе с гордым и честным англосаксом против немецкого национал-фашизма»⁹.

Более развернуто эта точка зрения изложена в дневнике Л. Осиповой, оказавшейся на оккупированной территории и сотрудничавшей с немцами. В феврале 1942 г. она отмечала: «Все упорнее идет шепоток, что союзники, американцы и англичане, оказывают громадную помощь большевикам...» А примерно через год, в январе 1943 г., последовал такой комментарий: «Какое несчастье для русского народа, что ему приходится ждать помощи от немцев, а не от настоящих демократических народов. Но эти демократические народы усиленно помогают большевикам, предают русский народ на издевательство и уничтожение. Неужели они не понимают, какую петлю они готовят на свою собственную голову?.. Говорят, что они понимают только свою выгоду. И этого нет. Всякому русскому колхознику ясно, что выгоднее было бы дать немцам разбить большевиков, а потом вместе с Россией разбить немцев»¹⁰. Характерно, что помощь союзников здесь явно расценивается как решающий фактор в ходе войны.

Достаточно распространенным и среди сторонников, и среди противников антигитлеровской коалиции было скептическое отношение к мотивам поддержки, которую союзники оказывали (или обещали оказать) СССР. Практически никто не сомневался,

что союзники заботятся прежде всего о собственных интересах. Как вспоминает известный философ А.А. Зиновьев, «мы знали о том, что западные страны вроде Англии, Франции и США гораздо больше боялись победы гитлеровской Германии, чем нашей... Мы были уверены, что страны Запада, враждующие с Германией, рано или поздно присоединятся к нам в борьбе с Германией и помогут нам разгромить ее»¹¹. Московский журналист Н.К. Вержбицкий в ноябре 1941 г. записал в дневнике: «США, сбросившие фиговый листок нейтралитета, помогут во имя спокойствия и невероятных гешефтов»¹².

Вместе с тем для большинства была характерна уверенность в экономической мощи союзников, их превосходстве в ресурсах, особенно с учетом возможностей СССР¹³.

Разноречивые отклики вызвал доклад И.В. Сталина 6 ноября 1941 г., где он впервые говорил о реальной помощи союзников. Наряду с удовлетворением и надеждами на скорое открытие второго фронта были и такие оценки: «Сталин теперь открыто расписался в полном бессилии СССР в войне с Германией. Из доклада следует понимать, что теперь все зависит от помощи Америки и Англии»¹⁴.

Даже вступление в войну США было воспринято неоднозначно. 10 декабря 1941 г. в блокадном Ленинграде И.Д. Зеленская записала в дневнике: «Вчера по радио – война между Японией и Америкой. Эта дьявольская война разливается как океан. Является страх за дальневосточный фронт, за доставку американского вооружения. А с другой стороны, может быть и лучше, как широко вскрытый нарыв»¹⁵.

Подписание англо-советского и американо-советского соглашений в мае–июне 1942 г. вызвало следующие комментарии: «Договору с Америкой нельзя придавать существенного значения, так как он составлен в крайне запутанных выражениях и предусматривает главным образом выгоды Америки, а не интересы СССР... Договор означает предоставление американским банкирам концессий, а стало быть, и расширение частной инициативы внутри Советского Союза...»¹⁶.

Наибольшее опасения в качестве союзника вызывала Англия. Отношение к Америке было в общем иным. «За годы войны жители страны Советов поверили в настоящую, а не временную дружбу с американским народом. Воины и труженики тыла отдавали им заслуженное предпочтение перед другими союзниками. Американцы выполняли обязательства по оказанию помощи Красной армии, успешно воевали на Тихом океане и в Северной Африке, освободили Италию от фашистов, одержали важную победу над немецки-

ми войсками в Арденнах», – подчеркивает, например, В.Ф. Зима, несколько идеализируя ситуацию¹⁷. На самом деле, конечно, и отношение к Америке на протяжении всей войны оставалось двойственным.

В частности, своеобразным напоминанием о пропаганде и утвердившихся массовых стереотипах предвоенных лет служили довольно распространенные высказывания о том, что «для американцев и англичан одинаково ненавистен гитлеризм и коммунизм», что «Англия изменит нам и воевать придется долго – пока не ослабнет и Советский Союз, и Германия, тогда Англия и Америка продиктуют свои условия и нам, и Германии», что, наконец, «у нас такие союзники, которые в одинаковой степени ненавидят и Германию, и Советский Союз»¹⁸. И вполне логичными выглядели следующие опасения: «Не может ли получиться так же с Англией и Америкой, как получилось с Германией, которая была в дружественных отношениях с нами и в то же время вероломно напала на нас?»¹⁹

Лучше многих сформулировал свои сомнения в блокадном дневнике ленинградский архивист Г.А. Князев. 13 июля 1941 г. он пишет: «Борются две системы, два мира: коммунизм и нацизм. Ранее это формулировалось как борьба пролетарского и капиталистического миров. Теперь дело осложнилось. Есть третья система – старомодная буржуазно-демократическая, либеральная и консервативная, господствующая в Америке и Англии. И коммунисты, и нацисты – полярные точки этой древней, изживающей себя системы»²⁰.

Недавно были опубликованы документы о слухах, которые немецкие спецслужбы планировали распускать на оккупированной территории. В секретном циркуляре немецких оккупационных властей от 28 февраля 1943 г. приводились образцы таких слухов. Некоторые из них напрямую затрагивали отношения СССР с союзниками, например: «Рузвельт прислал Сталину телеграмму, в которой он его настоятельно предостерегает от продвижения вперед, так как немцы хотят заманить русских в ловушку. Если Сталин не последует этому совету, Рузвельт угрожает приостановить поставки для России и заключить сепаратный мир с Гитлером...»²¹. Понятна цель распространения этих слухов; можно предположить, что какими-то путями они проникали и в советский тыл. По крайней мере, многие высказывания, которые фиксировались вдали от линии фронта, напоминали образцы немецкой пропаганды.

Впрочем, среди населения оккупированных областей ходили и другие слухи, явно не имевшие ничего общего с немецкими спецслужбами, но также расценивавшиеся советскими пропаганди-

стами как «реакционные». Так, в одном из районов Калининской области весной 1943 г. распространялось имевшее явно церковное происхождение «святое письмо», в котором содержалось предсказание, «якобы написанное одним святым 600 лет назад, в нем предсказывается о великой войне черного орла со свастикой против красного петуха, леопарда и льва. В этой битве, в результате которой черный орел займет часть земель петуха, будет в конце концов побежден. Леопарду, сравнительно со львом, отводится более активная роль. Население делает из этих намеков свои выводы о победе Красной армии»²².

Очевидно, что красный петух здесь означает СССР, черный орел – Германию, лев – Великобританию. А вот в роли леопарда – вопреки всем представлениям средневековой геральдики – очевидно, выступают США; представления об их более активной роли хорошо соотносятся с некоторыми намеками советской пропаганды, склонной в годы войны к американцам относиться чуть лучше, чем к англичанам. Остается, впрочем, удивляться, что такие нюансы, ясные далеко не всем и на советской территории, схватывало массовое сознание людей, оказавшихся в оккупации. Возможно, свою роль сыграли и описанные выше, укоренившиеся в предвоенные годы стереотипы, в соответствии с которыми Англия традиционно представляла в роли одного из основных врагов России/СССР, а вот отношение к США было заметно лояльнее.

Многие западные дипломаты и журналисты склонны были считать, что простые люди гораздо более позитивно относятся к Западу, чем официальные власти. Это постоянно подчеркивается в книге американского исследователя Ф. Баргхорна, который даже озаглавил один из ее разделов «Русский народ: ахиллесова пята Кремля», имея в виду как раз отношение к Западу, в частности к США. Однако и архивные материалы, и свидетельства многих современников говорят о том, что ситуация была намного сложнее. По словам британского журналиста А. Верта, отношение к союзникам со стороны населения временами было намного более прохладным, чем отношение властей. «Обычно предполагается, что добрый русский народ настроен гораздо больше в пользу Запада, чем его правительство. В тот момент наблюдалось обратное», – заключает он, имея в виду 1943 г.²³ Это было связано в первую очередь с ожиданиями второго фронта.

Не только в пропаганде, но и в массовом сознании тема второго фронта занимала особое место. Хотя боевые действия против Италии и затем Германии велись союзниками в Северной Африке, а с 1943 г. и на Апеннинском полуострове, то есть в Европе, в

качестве «настоящего второго фронта» советское общество соглашалось признать лишь массированную высадку союзных войск во Франции. Именно его отсутствие было объявлено одной из основных причин тяжелых поражений Красной армии летом 1942 г. По мнению многих, открытие второго фронта означало скорый конец войны, и его ждали постоянно.

Военный корреспондент Д.В. Фибих в мае 1942 г. с горечью записывал в дневнике: «Едва ли мы сможем своими силами нанести Германии решающий удар. Идет война на измор. Последнее слово, как в ту войну, скажет Америка»²⁴.

Часть советских граждан вслед за официальной пропагандой к идее второго фронта относилась скептически. Например, в Ленинграде в ноябре 1941 г. были отмечены такие высказывания: «О втором фронте я думаю, что он будет, но тогда, когда будет крах всей системы. Этого ждет Англия и Америка»²⁵.

Бомбардировки, которым подвергали союзники территорию Германии, вызывали в общем удовлетворение. Вот как эта нетрадиционная тема преломляется в традиционном народном творчестве:

Ой, яблочко,
Да из Америки,
Довело ты врага
До истерики.

Конечно, подобные действия, как и кампания в Северной Африке, не могли заменить открытия второго фронта, под которым, вслед за официальной пропагандой, советские граждане подразумевали либо массовое вторжение союзнических войск на континент через Ла-Манш, либо (это особенно характерно для ленинградцев) ширококомасштабные боевые действия в Финляндии; упоминались также южная Франция, Италия, Балканы.

Своего апогея ожидания второго фронта достигли летом и осенью 1942 г., в дни Сталинградской битвы, вернее, ее оборонительной фазы. Так, писатель М.М. Пришвин 6 августа 1942 г. предрекал: «В ожидании 2-го фронта наше полное вымирание...»²⁶.

Академик В.Е. Вернадский отмечал в дневнике: «Сегодня, 12.VI утром по радио сообщено о возвращении Молотова из Лондона и США и подписании договора с Англией и США и образовании 2-го фронта в Западной Европе, ждут во Франции». В августе он вновь возвращается к этой теме: «Ясно, что в ближайшее время будет 2-й фронт в Германии и Западной Европе»²⁷. О том же писал домой с фронта политрук Ю.И. Каминский в июне 1942 г.: «Поздравляю

вас всех с договором 26 мая и соглашением о втором фронте. Это сразу вернет войне ее первоначальные темпы, но только в другую сторону, с нашей земли в Европу»²⁸. Вскоре последовало краткое, но многозначительное сообщение о том, что в США объявлено о создании «европейского театра военных операций» и что «командующий европейским театром» генерал Эйзенхауэр уже прибыл в Лондон²⁹.

Как отмечалось в спецсводке Особого отдела НКВД Сталинградского фронта от 30 июля 1942 г., в которой обобщались материалы военной цензуры, «заклучение договора и соглашения между великими державами – СССР, Великобританией и США – о взаимной помощи и об открытии союзниками в 1942 г. второго фронта в Европе среди военнослужащих фронта и их семей вызвало, при временных неудачах на фронте, целый ряд отрицательных суждений и разговоров. Бойцы, командиры и политработники, в своих многочисленных документах³⁰, выражают недоверие к союзникам об открытии ими второго фронта в Европе, а отдельные лица высказываются о невозможности завершения победы над врагом без эффективной помощи со стороны союзников»³¹. Другими словами, если верить данной сводке, недоверие к союзникам уже нельзя охарактеризовать как «отдельные настроения»; в данный момент оно преобладало. Так, фронтовик А.К. Чубуков саркастически констатировал: «Ну что ж, пусть терпят русские девушки, англичане и американцы лишний раз передадут по радио, что они целиком с нами, болеют душой, сочувствуют... Это нам очень поможет. Несколько миллионов вооруженной армии до зубов сидят на острове и наблюдают, как обрушиваются на нас дивизии, перевозимые с Запада, как оголяется затылок у немцев, и рассуждают, что в этом году невозможно открыть второй фронт»³².

Кажется, именно в эти дни родилось ироническое прозвище американских консервов – «второй фронт».

В сентябре 1942 г. в Москву приезжал видный американский политический деятель, лидер республиканцев У. Уилки. Он посетил многие московские учреждения и предприятия, и везде его спрашивали о втором фронте. Уилки обещал «открыть второй фронт» в будущем году, ссылаясь на возражения военных, а однажды не выдержал и заявил в ответ, что американские рабочие стараются, создавая все новое вооружение, и могут быть обижены, что их труд недооценивается в СССР, так как все разговоры только о втором фронте. В другой раз он заявил советскому собеседнику: «Я не могу с этим приехать на американские фабрики и заводы и сказать, что Россия недовольна Америкой – это отразилось бы на усилиях Америки и снизило бы темпы производства...»³³.

О том же шла речь и на встрече Уилки с советскими писателями. Как вспоминал К.М. Симонов, «наша миссия была – выложить ему все, что мы думаем по поводу того, что американцы и англичане не открыли и в ближайшем будущем не собираются открывать второго фронта. Да, собственно, ни о чем другом мы и не хотели говорить... Мне, только что вернувшемуся из Сталинграда, не хотелось в тот вечер благодарить этого американца и в его лице Америку ни за американскую тушенку, ни за американские телефонные аппараты, ни за американские “виллисы” и грузовики, ни за американские танки»³⁴.

Любопытно, что и сам Уилки, и сопровождавший его американский посол У. Стэндли были уверены, что вопросы о втором фронте задаются американскому гостю не иначе как по подсказке советских властей. Такое, разумеется, не исключено, но можно быть уверенным, что подобные вопросы прозвучали бы в любом случае – слишком большие ожидания связывались со вторым фронтом, и отнюдь не одного Уилки спрашивали об этом.

Вот, например, чем интересовались на лекциях и беседах жители Свердловска осенью–зимой 1942 г.: «Союзники заинтересованы во втором фронте, видя угрозу со стороны фашистской Германии. Но будут ли стоять английские и американские руководители за второй фронт, если начнется разгром немецкой армии, не явится ли тогда идея второго фронта как способ борьбы не с фашистской Германией, а против усиления влияния Советского Союза?.. Не стремятся ли союзники к тому, чтобы мы сами изгнали немцев со своей территории, без военной помощи с их стороны?..»³⁵

В октябре в Северной Африке перешли в наступление британские войска Б.Л. Монтгомери, а в ноябре в Марокко высадились американские войска во главе с Д. Эйзенхауэром. «Нас так убедили в невозможности второго фронта, что весь город, не обращая внимания на высадку американцев в Северной Африке и воззвание де Голля, где говорится, что американцы высаживают огромные силы, – говорят не об этом, а о том, что местоблюститель патриаршего престола назвал Сталина – “богоизбранным”», – отметил в дневнике 9 ноября писатель Вс. Иванов. Впрочем, уже через день ситуация несколько изменилась: «У газет много людей. Читают через плечи друг друга – все об Африке. Всюду повеселевшие лица»³⁶. В Казахстане академик Вернадский с удовлетворением записал: «Высадка войск США во Французской Африке. Резкое изменение обстановки. *Второй фронт приблизился* (курсив мой. – А. Г.)»³⁷.

После успешного завершения африканской кампании Д.В. Фибих записал в дневнике: «С Северной Африкой покончено. На

очереди Италия. Кажется, второй фронт становится реальной вещью»³⁸.

И все же для большинства советских граждан даже самая успешная африканская кампания не могла заменить открытие «настоящего» второго фронта.

Редким исключением являлась позиция, которую занимал, например, Г. Эфрон. «Я думаю, что если союзники не открывают сейчас второй фронт, то это объясняется не стремлением ослабить нас, как предполагают некоторые англофобы, а гораздо скорее тем, что союзники еще недостаточно подготовлены к вторжению на континент, недостаточно сильны и вооружены еще. Ведь они даже не могут вытурить войска держав оси из Туниса – куда ж им думать о втором фронте?.. Вот у нас почти все орут: “Чего они не открывают второго фронта?”, не понимая, что американские войска не имеют боевого опыта, и надо здорово их обучить и подготовить, прежде чем идти на риск такой ответственной операции, как открытие фронта в Европе. И потом, совершенно естественно, что американцы хотят иметь максимум шансов на своей стороне и компенсировать недостаток боевого опыта своих солдат огромным качественным и количественным перевесом своего вооружения»³⁹.

Последний раз тема второго фронта вышла на первый план в связи с Тегеранской конференцией. К тому времени большая часть советского общества поверила в то, что победа может быть одержана и без помощи союзников. Тем не менее решения конференции были встречены с одобрением. Так, на одном из оборонных заводов Челябинска выступления на митинге, посвященном итогам встречи в Тегеране, «сводились к выражению надежды, что война будет закончена в самый короткий срок, что второй фронт теперь безусловно будет открыт, что подтверждаются указания тов. Сталина о том, что второй фронт не за горами». Только арматурщик Осипов сохранил привычный скептицизм: «Нельзя верить Англии и Америке, они все время обещали открыть второй фронт и все время обманывают»⁴⁰. Впрочем, он был не одинок: на освобожденных территориях в декабре 1943 г. членам пропагандистской группы УПА ЦК ВКП(б) задавали вопрос: «Может ли случиться, что союзники не откроют второго фронта и в 1944 г.?»⁴¹

Наверное, многие могли бы согласиться с записью в дневнике, которую сделал видный биолог А.С. Серебровский 23 февраля 1944 г.: «Сегодня день Красной армии, в приказе т. Сталин подвел итоги года, и в шесть часов будет салют в ряде городов, итоги замечательные, но до конца войны, по-видимому, еще далеко. Мы все еще одни, а союзники все еще жалуются на плохую погоду...»⁴².

О том же писал в апреле 1944 г. в частном письме физик В.С. Соколин: «Наши проклятые союзники собираются продемонстрировать, что они собираются предпринять демонстрацию, что они собираются... (и так далее) предпринять наконец вторжение. Они описывают с величайшей обстоятельностью корабль, который они построили для перевозки войск, искусство своих будущих операций и все, относящееся к делу, из чего следует, что это все одни разговоры»⁴³.

Более того, ситуация на фронтах изменилась настолько, что с открытием второго фронта теперь связывались не только надежды, но и опасения. Среди вопросов, заданных пропагандистам ЦК на освобожденных территориях в декабре 1943 и апреле 1944 г., были и такие: «Не получится ли так, что после поражения Германии Англия и США разделят между собой территорию Германии?»⁴⁴

После высадки союзнических войск в Нормандии в июне 1944 г. американские (и в гораздо меньшей степени английские) военные и дипломаты на время стали в Москве настоящими героями: их качали на улицах, приглашали на приемы, угощали в ресторанах.

Вместе с тем, отмечал в своей шифровке глава американской военной миссии генерал Рассел Дин, в реакции москвичей на радиосообщение о высадке в Нормандии при всем «удовольствии и чувстве облегчения» не было заметно «бурного ликования»⁴⁵. Второго фронта слишком долго ждали; летом 1944 г. мало кто сомневался в исходе войны независимо от действий союзников.

* * *

Помимо второго фронта, еще два конкретных аспекта отношений с союзниками были зафиксированы в массовом сознании военного времени. Это тема ленд-лиза, поставок продовольствия, снаряжения, военной техники. И кроме того – осмысление перспектив, которые открывал на будущее сам факт возникновения антигитлеровской коалиции.

Инженер Горьковского автозавода В.А. Лапшин в июне 1942 г. писал в дневнике: «Вслед за подписанием договора с Англией опубликовано соглашение с США о помощи материалами, танками, самолетами и пр. Помощь эту мы видим ежедневно у себя. Какие машины собираются сейчас у нас из отдельных собранных узлов... Это реальная помощь»⁴⁶.

Иногда представления о военной помощи союзников принимали самые фантастические очертания. Так, среди вопросов, заданных пропагандистам ЦК ВКП(б) в декабре 1943 г. на освобожденных территориях, был и такой: «Правда ли, что Москву защищает

“Чикагское планипо” (американская пушка) (так в документе. – А. Г.), потому немцы и не могут бомбить столицу?»⁴⁷ Можно только догадываться, что означало загадочное «планипо» – возможно, что-то вроде планетария?..

Поставки продовольствия и обмундирования (независимо от их источника и предназначения все они связывались именно с загадочным, непонятым, но таким иностранным словосочетанием «ленд-лиз») напрямую затрагивали жизнь многих семей. Одни получали продукты, одеяло или отрез серого солдатского сукна, другие на рынке приобретали поношенную американскую или английскую одежду. Как подчеркивает В.Ф. Зима, «для трудного времени это было событие, которое оставалось в человеческой памяти на всю жизнь. Лауреат Нобелевской премии поэт И.А. Бродский в своих записках упомянул о впечатлении, произведенном на него американскими ботинками, которые в войну носил его отец. Через полвека жительница железнодорожной станции Шумиха (Курганской обл.) А.Н. Герасимова на вопрос, что она знает об американской помощи в войну, с ходу заявила, что хорошо помнит, как с самолетов им сбрасывали посылки с консервами и теплыми вещами»⁴⁸. Конечно, в последнем случае речь снова идет о совершенно сказочном преломлении реальности в массовом сознании. Но то, что подобные легенды, закреплявшие положительный образ союзника, не только возникали, но и существовали весьма долгое время, является весьма показательным. Не только Бродский, но и В.П. Аксенов неоднократно упоминал о вещах и продуктах, полученных по ленд-лизу, в своих сочинениях, при этом выделяя их из общего ряда. Как писал в своих воспоминаниях фантаст Кир Булычев (он же востоковед И.В. Можейко), «не было в мире ничего вкуснее американской консервированной колбасы»⁴⁹. О том же недавно вспоминал известный писатель А. Макаров: «Американская тушенка, которая попадала в те годы на сиротский российский стол, вызывала к союзникам хоть и насмешливое (вот вам и второй фронт!), но благодарно теплое отношение. И если первый в жизни автомобиль, в котором тебе с замиравшим от счастья сердцем удалось прокатиться, был американским грузовым “студебеккером”, забыть его не заставят никакие политические ссоры и обиды... И наконец, самое главное, дело было не в размерах ленд-лиза, не в сопоставлении пролитой крови с консервами и яичным порошком, а в сознании, что мы не одни в этом мире лицом к лицу с безжалостным врагом, что огромное количество людей нам сочувствует и молится – за нас и на нас»⁵⁰.

В качестве гуманитарной помощи в Советский Союз поступали не только вещи и продукты; многие общественные организации

отправляли в СССР книги, копии фильмов, пластинок и т. п. (любопытно, что в послевоенном советском обществе американские фильмы, попавшие таким образом в советский прокат и пользовавшиеся большой популярностью, именовали не иначе как «трофейными»). Мне приходилось встречать в общедоступных библиотеках американские книги, изданные в 1930–1940-х гг., с соответствующими дарственными надписями. То, что книги эти были большей частью детективами или любовными романами, делали их еще более привлекательными для советских читателей (тех, конечно, кто владел языком).

Можно только предполагать, в какой степени воспоминания о ленд-лизе, а также попавшие таким образом в СССР книги и фильмы повлияли на политические, социальные, культурные предпочтения послевоенного поколения. Но само наличие такого влияния сомнению не подлежит⁵¹.

Прозванная «вторым фронтом» американская тушенка, яичный порошок, другие непривычные продукты надолго остались в памяти как одна из примет военного времени. То, что полученное по ленд-лизу продовольствие стало не просто важной частью повседневного быта, но составляющей всей окружающей предметной среды тех лет, помогает наглядно представить фраза из дневника А.И. Пантелеева (январь 1944 г.): «На путях – бессчетное множество банок из-под американской тушенки. И тут же тучи воробьев, клюющих канадскую пшеницу»⁵².

Вместе с тем среди части интеллигенции интерес вызывали прежде всего политические аспекты помощи союзников. Она не без оснований рассматривалась, во-первых, как средство предотвращения выхода СССР из войны путем заключения сепаратного мира (как известно, этого союзники боялись вплоть до завершения коренного перелома в войне) и, во-вторых, как средство давления на СССР в вопросах послевоенного урегулирования.

Неплохо информированный благодаря многочисленным знакомствам известный писатель Вс.В. Иванов в своем дневнике 15 марта 1943 г. так прокомментировал публикацию в «Правде» отчета о помощи США: «Оказалось, что не зря наши молчали об этой помощи... Помощь, надо сказать, солидная... Отрицая же помощь или сведя ее к нулю, мы преувеличивали свои силы и заставляли Германию считаться с нами, а значит, и могли заключить сепаратный мир. Теперь, “раззвонив о помощи”, мы лишены возможности заключить мир. Мало того, американцы могут позвать нас на “конференцию” и потребовать “некоторых” политических гарантий»⁵³.

Что касается остальной части населения, то здесь, наряду с позитивной оценкой ленд-лиза, о чем речь шла выше, встречались и такие предположения: в результате ленд-лиза и заключенных в годы войны соглашений «все наши ценности союзники заберут и мы на них работай» (вариант – «после войны мы пять лет будем работать на Англию и США») или «не попадет ли СССР в кабалу Англии и Америки за их поставки»⁵⁴. Иногда подобные опасения конкретизировались: «Правда ли, что скоро будет съезд союзников Англии, США и СССР, на котором будет решаться вопрос, сколько мы должны вывезти мяса для Америки, и это мясо в скором времени начнут собирать с колхозников?» – спрашивали жители Башкирской области весной 1943 г.⁵⁵ А в Смоленской области в мае–июне 1944 г. интересовались, вспоминая, очевидно, о годах гражданской войны и интервенции, «не придется ли нам воевать с Америкой после войны за то, что мы останемся у нее в больших долгах?» Неудивительно, что колхозники из колхоза «15 лет ВЛКСМ», говоря о помощи союзников, заявили: «Помогать-то они нам помогают, но дорого придется платить потом. Это ж буржуи, и они глядят на свою пользу»⁵⁶.

* * *

Приближение окончания войны многих заставляло задуматься о перспективах послевоенного переустройства мира.

В 1944 г. на смену вопросам о втором фронте приходят такие: оккупирует ли Красная армия Германию, какой будет послевоенная Европа, есть ли противоречия между Советским Союзом, Англией и США по вопросу о западных границах СССР, что ждет послевоенную Польшу?⁵⁷ И, может быть, самое важное: «Не будут ли решены послевоенные вопросы мира без нашего равноправного участия?»⁵⁸

Уже в сентябре 1941 г. в Москве были зафиксированы скептические оценки перспектив послевоенного урегулирования. Как заметил московский писатель А.: «Мы можем, конечно, и победить, но что это будет нам стоить? Дело идет к тому, что нам придется валяться в ногах у Англии и Америки...»⁵⁹. Артист оркестра И. был еще более безапелляционен: «В настоящей войне возможно поражение Германии, но в СССР все равно будет изменена форма правления под давлением Америки и Англии в сторону создания демократической республики по их образцу. Для этого будут использованы их войска, которые Америка и Англия ввели в пределы СССР»⁶⁰.

Впрочем, более распространены были ожидания лишь некоторого смягчения советского режима в результате союза с демокра-

тическими государствами. В.И. Вернадский 15–16 ноября 1941 г. записал в дневнике: «Невольно думаешь о ближайшем будущем. Сейчас совершается сдвиг, и, вижу, многим тоже кажется – огромного значения... Союз с англосаксонскими государствами – демократиями, в которых в жизнь вошли глубоким образом идеи свободы мысли, свободы веры и формы больших экономических изменений с принципами свободы... Впереди неизбежны коренные изменения – особенно на фоне победы нашей и англосаксонских демократий...»⁶¹.

Появление в прессе большого количества позитивных, даже хотя бы чисто информационных, нейтральных по тону сообщений о жизни стран-союзниц, конечно, не могло не найти отклика в сознании советских людей.

Уже в 1943–1944 гг. органы НКГБ все чаще отмечали высказывания, в которых сравнивались политические системы и уровень жизни в СССР и странах Запада. «Вот посмотришь на нашу дикую систему и сравнишь ее с американской, так надо сказать, что там люди живут и над ними никто не издевается, сами себе хозяева, их личность неприкосновенна», – говорил в 1944 г. главный металлург одного из ленинградских заводов⁶².

В октябре 1944 г. была подготовлена докладная записка о результатах беседы с научными работниками Уральского филиала Академии наук. В ней особо отмечался интерес научных работников к президентским выборам и вообще избирательной системе в США⁶³. Хотя ни автор записки, ни те, с кем он беседовал, не делали далекоидущих выводов, трудно предположить, что, читая о выборах по-американски, ученые не сравнивали их с советской избирательной системой. И можно только догадываться, в чью пользу делались эти сравнения...

По большей части представители интеллигенции надеялись на эволюционные изменения к лучшему в результате политического взаимодействия СССР со своими союзниками; но встречались и более радикальные предположения. Уже в 1943 г. в материалах НКВД и НКГБ появляются утверждения о том, что «внутренняя оппозиция» переориентировалась в борьбе с советской властью с Германии на Англию и Америку. Арестованный (и впоследствии расстрелянный) директор ремонтно-строительной конторы ленинградец В.С. Карев, кстати, сын священника, говорил на допросах: «В результате войны СССР и Германия будут настолько обессилены, что им придется полностью капитулировать перед англо-американским блоком. Тогда с помощью Англии и Америки внутренние силы контрреволюции поднимут восстание... если убить Сталина,

в правительстве будет замешательство и народ восстанет против советской власти, а в это время нам помогут Англия и Америка»⁶⁴. Заместитель начальника Ленгорпромстроя Л.Г. Юзбашев утверждал: «Мы в основном должны надеяться на вмешательство извне, потому что США и Англия при их могуществе не будут долго нас терпеть, они либо постараются уничтожить этот порядок, либо нас совершенно изолируют»⁶⁵.

Изменения политического строя под давлением союзников ожидала не только интеллигенция. Подобные настроения существовали и в городах, и в деревне.

«Усиленно распространяются слухи о том, что скоро будет у нас введена свобода различных политических партий, а также свобода частной торговли, что будет выбран новый царь, что после войны миром будут руководить Америка и Англия и т. д.», – утверждалось в справке о политических настроениях в Свердловске в 1943 г.⁶⁶ Жители только что освобожденных территорий в декабре 1943 г. спрашивали пропагандистов ЦК ВКП(б): «Будет ли существовать советская власть после войны, или же будет такая же власть, как в Америке и Англии?.. Зачем США укрепляют свои военные базы на Аляске, не направлено ли это против СССР?..»⁶⁷

Среди вопросов, заданных весной 1943 г. во время собраний или лекций, в частности в Удмуртии, есть и такой: «Правда ли, что Америка требует от нас роспуска колхозов и восстановления церкви?»⁶⁸ Ликвидация колхозов представлялась особенно вероятной. Вот примеры подобных высказываний: «Некоторые говорят, что колхозов не будет, ибо Америка и Англия оказали свое влияние... Скоро дождемся того момента, когда будем работать на себя и жить самостоятельно, без палки. Так хотят наши союзники Англия и Америка»⁶⁹.

Характерно, что в межсоюзнической полемике (в частности, в западных средствах массовой информации) на первый план выступали требования свободы вероисповедания в СССР, а отнюдь не ликвидации колхозов. И этот сюжет нашел отражение в массовом сознании. Некоторое изменение политики в отношении православной церкви в годы войны комментировалось порой следующим образом: «Наше отношение к духовенству диктуется требованиями союзников – Америки и Англии... Двадцать восемь лет не говорили о попах, а тут заговорили, когда мы стали союзниками Англии... Англия и Америка повернут нас на старый лад...»⁷⁰.

Подобные ожидания, казалось бы, подкреплял роспуск Коминтерна в 1943 г. Независимо от общей – позитивной или негативной – оценки этого решения, причину его практически

единогласно видели в стремлении СССР сделать шаг навстречу союзникам.

Не только роспуск Коминтерна, но и гораздо менее значительные и на первый взгляд мало связанные с межсоюзническими отношениями мероприятия власти, такие как, например, введение погон в Красной армии, вызывали даже у старшего офицерского состава разговоры о влиянии союзников. Так, офицер штаба 21-й армии, майор Любомудров заявлял, что «введение погон в армии имеет определенный смысл международного характера... Америка предложила нам привести в порядок офицерский состав»⁷¹.

Иногда в массовом сознании на союзников возлагались совсем уже невероятные надежды. Так, в Удмуртии лектору был задан вопрос: «Правда ли, что Рузвельт предьявил т. Сталину, чтобы отдали Ленинград немцам, тогда будем помогать»⁷². В мае 1945 г. подобные слухи были зафиксированы в Литве: «весь Вильнюс» говорил о том, что Америка забирает весь прибалтийский край сроком на пять лет в счет долгов Советского Союза Америке за оказанную помощь в период войны⁷³.

Наиболее симпатичным и близким к реальности образ союзника рисовался в тех случаях, когда основывался на личных впечатлениях.

Впрочем, личные впечатления далеко не всегда оказывались благоприятными. Так, по воспоминаниям И.Г. Эрэнбурга, в конце 1944 г. С.М. Михоэлс, который ездил в Америку, «рассказывал писателям о своих впечатлениях. По его словам, американцы поражены расизмом, преклоняются перед машинной цивилизацией и не так уж далеки от гитлеровских идей... говорил, что союзники отнюдь не восхищены победами Красной армии»⁷⁴.

В качестве примера прямого общения обычно приводятся контакты с иностранными моряками в портах Архангельска, Мурманска, Владивостока, хотя количественно и территориально они носили ограниченный характер, да и вообще общение с иностранцами не поощрялось даже для тех, кто работал с ними «по долгу службы». Каковы были масштабы этих контактов? Например, в августе 1942 г. в Архангельске находилось 40 английских и американских судов, 14 из них торговые, команды которых составляли не менее 8 тыс. человек. Все население Архангельска в 1939 г. составляло около 280 тыс. человек; другими словами, один иностранец приходился на 30–40 местных жителей. Понятно, что в такой ситуации контакты зачастую носили несанкционированный (и, с точки зрения власти, предосудительный) характер – вольные беседы, мелкая торговля и т. п.

Контакты рядовых советских граждан с представителями союзников на протяжении почти всей войны происходили также на некоторых участках фронта (моряки и летчики на Севере, челночные полеты американцев, французские летчики знаменитой эскадрильи «Нормандия – Неман»), на территории Ирана и, наконец, в немецком плену. Пожалуй, лишь в последнем случае они были и достаточно массовыми, и подлинно неформальными.

* * *

9 мая 1945 г. Москва праздновала Победу. Как вспоминает академик Т.И. Заславская, которой тогда было 17 лет, «мы запели песню и пошли вдоль Красной площади, обошли ее раза три, не замолкая, кричали “Ура!” Красной армии и родному Сталину. Потом пошли к американскому посольству и нарочно затянули “Широка страна моя родная”. Из окон, с балконов, изо всех щелей высывались милые американцы, они хлопали в ладоши, кричали: “Ура!”, “Победа!”, “Сталин!”, а мы бесновались на улице, надрывая горло, вопили: “Привет союзникам!” и “Америка, Америка!”... После американцев пошли к англичанам, были и у французов, которые встретили нас радостно, как родные»⁷⁵.

На территории Германии в 1945 г. миллионы советских солдат встретились с американскими и английскими товарищами по оружию. Образ союзника стал меняться, конкретизироваться; одновременно размывались, теряя жесткость и однозначность, пропагандистские стереотипы. Непосредственное знакомство с повседневной жизнью европейских народов, так же как в 1813 г. и в годы Первой мировой войны, изменило взгляд на мир у сотен тысяч советских людей.

Примечания

- ¹ *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада: В 2 кн. СПб.; М.: Олма-Пресс, 2002. Кн. 1. С. 216, 228.
- ² Цит. по: *Колдомасов И.О.* Эволюция образа союзников в советском обществе военных лет: от катастрофы к «великому перелому» // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск: МАГУ; ИРИ РАН, 2006. Вып. 7. С. 342.
- ³ См.: Международное положение глазами ленинградцев, 1941–1945 (из Архива Управления Федеральной службы безопасности по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области). СПб.: Европейский дом, 1996. С. 23, 44, 48–49 и сл.
- ⁴ Москва военная: 1941–1945: Мемуары и архивные документы. М.: Мосгорархив, 1995. С. 68–69.
- ⁵ Вопиющая некомпетентность // Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 58.

- ⁶ Москва прифронтовая: 1941–1942. М.: Мосгорархив, 2001. С. 629.
- ⁷ Декларация глав правительств США и Великобритании, подписанная 14 августа 1941 г. В ней в общей форме говорилось о целях войны против фашистской Германии и ее союзников, о послевоенном устройстве мира, в частности об отказе от территориальных захватов и праве народов избирать себе форму правления. 24 сентября 1941 г. на Лондонской межсоюзной конференции СССР объявил о присоединении к основным положениям Атлантической хартии.
- ⁸ Недремлющее око спецслужб // Московский архив: Историко-краеведческий альманах. М.: Главархив, 2006. Вып. 4. С. 555.
- ⁹ *Веселовский С.Б.* Дневники 1919–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 78.
- ¹⁰ Из дневника Лидии Осиповой о жизни в пригородах Ленинграда (22 июня 1941 г. – 1944 г.) // Ломагин Н.А. Указ. соч. Кн. 2: Документы, приложения. С. 459, 468.
- ¹¹ *Зиновьев А.А.* Русская судьба, исповедь отщепенца. М.: Центрполиграф, 1999. С. 231.
- ¹² Москва военная... С. 489.
- ¹³ См., например: *Жилинский И.И.* Блокадный дневник (осень 1941 – весна 1942 г.) // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 4.
- ¹⁴ Международное положение глазами ленинградцев... С. 14.
- ¹⁵ Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. 3. Оп. 1. Д. 10. Л. 40.
- ¹⁶ Международное положение глазами ленинградцев... С. 52–53.
- ¹⁷ *Зима В.Ф.* Менталитет народов России в войне 1941–1945 гг. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 186.
- ¹⁸ Международное положение глазами ленинградцев... С. 49, 53, 75.
- ¹⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 255. Л. 100.
- ²⁰ *Князев Г.А.* Дни великих испытаний: Дневники: 1941–1945. СПб.: Наука, 2009. С. 74.
- ²¹ См.: Пропаганда немецких спецслужб на оккупированных землях // Радио Свобода. 2005. 16 апр. [Электронный ресурс] URL: <http://www.svoboda.org/content/article/126863.html> (дата обращения: 24.05.2005).
- ²² Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М.: РОССПЭН, 2007. С. 631.
- ²³ *Верт А.* Россия в войне 1941–1945. М.: Прогресс, 1967. С. 480.
- ²⁴ *Фибих Д.В.* Фронтные дневники 1942–1943 гг. // Новый мир. 2010. № 5. С. 52–53.
- ²⁵ *Ломагин Н.А.* Указ. соч. Кн. 1. С. 252.
- ²⁶ *Пришвин М.М.* Дневники: 1940–1941. М.: РОССПЭН, 2012. С. 231.
- ²⁷ *Вернадский В.И.* Дневники: Июль 1941 – август 1943. М.: РОССПЭН, 2010. С. 261, 332.
- ²⁸ Цит. по: *Сеняевская Е.С.* Человек на войне: Историко-психологические очерки. М., 1997. С. 166.
- ²⁹ Советская пропаганда... С. 365.

- ³⁰ Как вспоминал бывший советский цензор Л. Авзегер, при приеме на работу ему сразу же объяснили, что «в нашем служебном лексиконе не должно существовать слова “письмо” или “письма”... Мы работаем не с письмами, а с документами. Все, что мы читаем, просматриваем, посылаем на оперативную проверку, – все это документы, с которыми работает наша организация». Авзегер свидетельствует: «Никогда позже я не слышал из уст сотрудников ПК (политконтроля. – А. Г.) слово “письмо”, они просто не употребляли его, словно боялись, что само слово может бросить тень на их особого рода тайную деятельность, а потому всегда говорили “документы”, и это правило здесь соблюдалось довольно строго». См.: *Авзегер Л. Я вскрывал Ваши письма...: Воспоминания бывшего тайного цензора МГБ // Источник. 1993. № 0. С. 46.*
- ³¹ Сталинградская эпопея: материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М.: Звонница-МГ, 2000. С. 159.
- ³² Там же. С. 160, 223–224.
- ³³ Цит. по: *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: документальные очерки. М.: Терра, 2006. С. 76, 79–80.
- ³⁴ *Симонов К.М.* Разные дни войны: Дневник писателя. Т. 2. М., 1977. С. 191.
- ³⁵ *Колдомасов И.О.* Указ. соч. С. 348; Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 161. Оп. 6. Д. 1651. Л. 71, 76.
- ³⁶ *Иванов Вс.В.* Московские тетради: Из дневников военного времени // Дружба народов. 2001. № 8. С. 86–87.
- ³⁷ *Вернадский В.И.* Указ. соч. С. 374.
- ³⁸ *Фибих Д.В.* Указ. соч. С. 76.
- ³⁹ *Эфрон Г.С.* Дневники: В 2 т. М.: Вагриус, 2007. Т. 2: 1941–1943 годы. С. 281.
- ⁴⁰ Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. П-92. Оп. 5. Д. 168. Л. 55 об.
- ⁴¹ Советская пропаганда... С. 680.
- ⁴² Из дневниковых записей А.С. Серебровского // Вестник Российской академии наук. Т. 78. 2008. № 3. С. 252.
- ⁴³ Данный абзац в письме написан по-английски, возможно, автор опасался цензуры. Цит. по: *Сорокин В.С.* Из военных лет // Ивановский государственный университет глазами современников. Иваново, 1995. Вып. 2. С. 163.
- ⁴⁴ Советская пропаганда... С. 681, 694, 697.
- ⁴⁵ Цит. по: *Печатнов В.О.* Указ. соч. С. 151.
- ⁴⁶ Общество и власть: Российская провинция. Т. 3: Июнь 1941–1953 гг. М.: ИРИ РАН, 2005. С. 790.
- ⁴⁷ Советская пропаганда... С. 677.
- ⁴⁸ *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 107.
- ⁴⁹ *Бульчев К.* Как стать фантастом: Записки семидесятника. М.: Дрофа, 2003. С. 103.
- ⁵⁰ *Макаров А.* Заветный патриотизм // Известия. 2010. 16 апр.
- ⁵¹ Эти сюжеты, часто встречающиеся в художественной или автобиографической литературе, пока слабо исследованы в историографии. См.: *Зубкова Е.Ю.*

- Послевоенное советское общество: политика и повседневность: 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999; *Киперман Г.Ф.* Стиляги: первая советская молодежная субкультура (конец 1940 – начало 1960-х годов) // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск: МАГУ, 2006. Вып. 6. С. 448–465.
- ⁵² *Пантелеев А.И.* Январь 1944 (из старого путевого дневника) // Пантелеев А.И. Собр. соч.: В 4 т. Л.: Детская литература, 1984. Т. 3. С. 149.
- ⁵³ *Иванов Вс.В.* Указ. соч. С. 113.
- ⁵⁴ Международное положение глазами ленинградцев... С. 124; Советская пропаганда... С. 678–679.
- ⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 255. Л. 126.
- ⁵⁶ Советская пропаганда... С. 703.
- ⁵⁷ Центр документации новейшей истории Удмуртской республики (далее – ЦДНИУР). Ф. 16. Оп. 1. Д. 3929. Л. 94 об. – 95; Советская пропаганда... С. 680.
- ⁵⁸ Советская пропаганда... С. 681.
- ⁵⁹ Там же. С. 557.
- ⁶⁰ Недремлющее око спецслужб... С. 555–556. Неясно, что имел в виду автор высказывания, говоря о войсках союзников, введенных в СССР; возможно, так была расценена совместная советско-британская оккупация Ирана: многие воспринимали этот шаг как попытку Англии утвердиться на Кавказе (Там же. С. 549–556).
- ⁶¹ *Вернадский В.И.* Указ. соч. С. 69, 71. См. также: *Вернадский В.И.* «Коренные изменения неизбежны...»: Дневник 1941 года // Новый мир. 1995. № 5. С. 215–216; *Bailes K.* Soviet Science in the Stalin Period: The Case of V.I. Vernadskii and his School: 1928–1945 // Slavic Review. 1985. Vol. 45. № 1. P. 36.
- ⁶² Цит. по: *Ломашин Н.А.* Указ. соч. Кн. 1. С. 122.
- ⁶³ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1657. Л. 132–133.
- ⁶⁴ Цит. по: *Ломашин Н.А.* Указ. соч. Кн. 1. С. 116–117.
- ⁶⁵ Там же. С. 122.
- ⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 181. Л. 5.
- ⁶⁷ Советская пропаганда... С. 681.
- ⁶⁸ ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3790. Л. 12.
- ⁶⁹ Lietuvos Ūrpingasis Archivas – Литовский Особый архив (далее – LYA). F. 1771. Ap. 7. V. 193. L. 65; Международное положение глазами ленинградцев... С. 126.
- ⁷⁰ Цит. по: *Зубкова Е.Ю.* Мир мнений советского человека. 1945–1948 гг.: По материалам ЦК ВКП (б) // Отечественная история. 1998. № 3. С. 36.
- ⁷¹ Сталинградская эпопея... С. 389.
- ⁷² ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3790. Л. 14.
- ⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 262. Л. 88; LYA. F. K-1. Ap. 10. V. 10. L. 193.
- ⁷⁴ *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь: избранные фрагменты. М.: Вагриус, 2006. С. 398.
- ⁷⁵ *Заславская Т.И.* Избранные произведения. Т. 3: Моя жизнь: воспоминания и размышления. М.: Экономика, 2007. С. 281.

СССР И США В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: РОЛЬ ЛИЧНЫХ КОНТАКТОВ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ

В статье рассказывается о человеческой стороне взаимоотношений стран «большой тройки» – СССР, США и Великобритании в 1941–1945 гг. Архивные документы, открытые за последние 15–20 лет, дают возможность по-новому осветить личные контакты между представителями союзников на разных уровнях – между руководителями стран, дипломатическими представителями, военными, промышленниками, политиками, совершавшими поездки в СССР, а также деятельность Правительственной закупочной комиссии СССР в США.

Ключевые слова: «большая тройка», личные контакты, второй фронт, ленд-лиз.

Вторая мировая война явилась невиданным по масштабам, ожесточенности и потерям столкновением двух коалиций стран. Агрессивному блоку стран «оси», который стремился к завоеванию мирового господства, противостояла очень неоднородная и противоречивая коалиция стран так называемого «Большого союза», в состав которой в силу исторической обстановки вошли бывшие непримиримые противники. Решающий вклад в победу над агрессорами внесли страны «большой тройки» – СССР, США, Великобритания, а также Китай, который понес многомиллионные потери в этой войне.

Личные отношения между руководителями трех стран играли особую роль в ходе войны. Отраженные в переписке, записях бесед и решениях совместных конференций они дали новый уникальный опыт решения военно-стратегических, оперативных и общеполитических проблем. Насколько бы напряженными или даже враждебными ни были отношения между И.В. Сталиным, У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом до нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г.

и какими бы существенными ни являлись их расхождения по проблемам второго фронта, ленд-лиза, послевоенного устройства Европы и мира, они смогли хотя бы на время совместной борьбы против фашистской коалиции преодолеть разногласия и одержать общую Победу.

Заниматься изучением данной темы стало возможным в результате «архивной революции», связанной с открытием отечественных и зарубежных архивов после окончания холодной войны. К числу ключевых документальных коллекций Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) следует отнести личные фонды И.В. Сталина, В.М. Молотова, А.И. Микояна, фонд ЦК партии – документы Управления пропаганды и агитации ЦК (материалы о пропагандистской работе с представителями союзников, проводившейся на территории СССР и за рубежом, материалы обследований положения иностранных моряков и военнослужащих в северных городах России).

В Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) необходимо выделить фонды В.М. Молотова, М.М. Литвинова, И.М. Майского и ряда других руководителей советского дипломатического фронта.

Хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) фонд НКВД содержит донесения с мест о криминогенной обстановке, настроениях иностранных моряков, находившихся в Мурманске, Архангельске, Молотовске, их контактах с советскими людьми.

Особую ценность для изучения взаимоотношений СССР и США в ходе осуществления программы ленд-лиза имеет недавно рассекреченная уникальная коллекция документов Правительственной закупочной комиссии (ПЗК) СССР в США (фонд Наркомата внешней торговли СССР), хранящаяся в Российском государственном архиве экономики.

После окончания холодной войны были в массовом порядке рассекречены документальные коллекции из американских архивов. Это дает возможность использовать при исследовании темы личного общения между русскими, американцами и британцами в 1941–1945 гг. следующие документы с американской стороны: коллекции Объединенного комитета начальников штабов, Администрации ленд-лиза, Департамента военного производства и других ведомств США, хранящиеся в Национальном архиве в Вашингтоне.

Немалую роль в формировании в странах «большой тройки» новой формулы сотрудничества в чрезвычайных условиях войны сыграли личные контакты между представителями союзников на

разных уровнях. Формами контактов явились: повседневное взаимодействие военных, дипломатических представителей; визиты промышленников, журналистов, деятелей культуры, посещавших СССР в годы войны; контакты между рядовыми советскими людьми, американцами и англичанами.

География контактов была также довольно обширна. На территории СССР к числу основных районов контактов относились: дипломатические центры – Москва, Куйбышев, Владивосток; порты прибытия союзных конвоев – Архангельск, Мурманск, Владивосток; авиабаза в Полтаве, где базировались американские самолеты; Советский Дальний Восток (аэродромы авиатрассы Аляска – Сибирь и места вынужденных посадок американских самолетов); места посещений делегаций союзников в советском тылу и на фронте (Урал, Сталинград, Кавказ, Ленинград). На территории Ирана зонами контактов являлись места прохождения маршрута ленд-лиза.

На территории США – районы совместной деятельности ПЗК СССР в США и американских органов (Администрации ленд-лиза, Управления военного производства и др.): г. Вашингтон, порты Западного и Восточного побережья, авиабазы на Аляске, предприятия, где работали советские уполномоченные.

Формирование хоть и временного военного союза между государствами с разными общественными системами проходило очень трудно. В самый тяжелый период Великой Отечественной войны, в конце 1941 и в 1942 г., союзники по антигитлеровской коалиции терпели серьезные поражения от стран Оси на различных фронтах – в Азии, Северной Африке, в СССР на южном направлении.

Даже после блестящей победы Красной армии под Москвой противники СССР в США продолжали развивать мысль, что в дальнейшем Советский Союз может не выдержать натиска немцев. После нападения Японии на США возобновились дискуссии о сокращении военной помощи СССР и даже Англии и сосредоточении всех военных ресурсов для обеспечения нужд американских вооруженных сил. В 1942 г. развернулась интенсивная борьба в политических, военных кругах, в общественном мнении и средствах массовой информации по вопросу о необходимости помощи СССР. Обзоры союзнической прессы по этому вопросу проводились сотрудниками ПЗК СССР в США. Обратимся к подборкам статей из американской прессы и аналитическому обзору «США и СССР в течение Второй мировой войны», сделанным сотрудником ПЗК К.И. Лукашевым, что позволит нам определить основные спорные вопросы. К числу аргументов противников оказания помощи СССР относились, например, следующие: «СССР продолжает под-

держивать нормальные отношения с Японией» и не может считаться «надежным союзником» США, «нельзя быть уверенным, что в случае успешного наступления Германии весной сего года СССР не заключит сепаратного мира с Германией»¹. Однако уже к концу февраля 1942 г. во многом благодаря твердой позиции президента Ф. Рузвельта в пользу поддержки СССР был достигнут консенсус в вопросе о необходимости продолжения помощи. К примеру, в передовой статье от 23 февраля 1942 г. даже такой консервативной газеты, как «Уорлд Телеграм», говорилось: «В эти мрачные времена мы каждый день обращаемся к сообщениям из России для получения более яркой перспективы и бодрости. Русские дают миру неоценимое доказательство, что Гитлер не непобедим. Они показывают военную силу и искусство первого разряда. Они хорошо заслужили те денежные средства и все то военное оборудование, которое мы, США, можем им послать. Мы должны только ценить и выражать восторг по отношению к ним как к нашим военным союзникам»².

Еще более высоко в США оценили историческую миссию СССР по спасению человечества к концу критического 1942 г. Сенатор Д. Моррей восторженно писал в статье от 7 ноября 1942 г. «Четверть столетия прогресса»: «Мир теперь убедился, что отважная борьба России против зловещих сил Германии спасла демократический мир от неизбежного уничтожения... “Если бы не миллионы павших русских героев, – заявил на днях заместитель судьи Верховного суда Соединенных Штатов Ю. Блэк на собрании в Норд Каролайне, – свист падающих бомб был бы нам так же знаком, как жителям Лондона”»³.

Самых острым пунктом разногласий между союзниками в 1942 г. (как и в следующем 1943 г.) являлся, безусловно, вопрос об открытии второго фронта в Европе. Особой остроты обсуждение этого вопроса в средствах массовой информации союзников достигло после известного визита лидера республиканской партии У. Уилки в СССР и Китай в сентябре 1942 г.⁴ В тот период после летних поражений на южном направлении советско-германского фронта было тяжелое положение, шло интенсивное наступление немцев на Сталинград и Кавказ, и в некоторых неофициальных выступлениях советских дипломатов проскальзывали намеки, что Сталинград может не устоять. В отличие от многих посещавших СССР представителей союзников Уилки скептически относился к сотрудничеству с СССР, но поездка заставила его поменять свое мнение и стать «другом Советского Союза». В ходе визита события, связанные с героической обороной Сталинграда, неоднократно

но затрагивались в беседах Уилки с советскими представителями. В негативном духе отзывался об американце работавший тогда на «дипломатическом фронте» в Куйбышеве А. Вышинский: «Между прочим, Уилки спросил: “Как вы думаете, куда двинутся немцы после взятия Сталинграда – на юг или на север?” Я ответил: “Я об этом вовсе не думаю. Я хочу думать, что они не возьмут Сталинграда и никуда не смогут двинуться”. Уилки сделал вид, что ему этот ответ понравился»⁵.

Более реалистичную позицию высказал сам И.В. Сталин, который заявил, что немцы «могут взять Сталинград». По словам Уилки, Сталин «не делал никаких прогнозов насчет способности России выстоять и со всей определенностью говорил о том, что ни любовь к Родине, ни храбрость солдат сами по себе не могут спасти Отечества, ибо исход сражений определялся числом, умением и техникой»⁶.

После возвращения из СССР в массовых публичных выступлениях Уилки утверждал, что «США еще не заявили свою определенную программу целей в этой мировой войне»⁷, и настаивал на открытии второго фронта. Этот визит был одной из первых серьезных попыток наладить в том числе личные контакты с представителями стран, которые несли наибольшие человеческие и материальные потери в войне. Любой визит, любое личное впечатление от поездки в СССР в военное время, как правило, вызывало подъем желания помочь СССР и очередную волну пропаганды в странах-союзниках в пользу более активного участия в войне.

Американцы, как и англичане, несли свою долю вины за «перекладывание» основной тяжести войны на плечи СССР – начиная от производителей свиной тушенки, которые в разгар тяжелейших боев за Сталинград «придерживали» мясные консервы, предназначенные для поставок на советско-германский фронт, дожидаясь более выгодной цены (зимой 1942/43 г. имели место недопоставки обещанных мясных консервов по ленд-лизу для Красной армии), и заканчивая военачальниками, многие из которых проповедовали «эгоистическую» стратегию «экономии сил».

Эта позиция вызвала вал усиливавшейся критики внутри США. Лейтмотивом таких настроений было противопоставление героизма и жертвенности русских, символом которого служило «сверхчеловеческое сопротивление» Сталинграда, достигшее апогея во второй половине сентября – середине ноября 1942 г.⁸ Критика шла даже от здравомыслящих военных. Так, помощник морского министра в сентябрьском выступлении обрушился на сторонников традиционной политики «американского изоляционизма»: «Не вижу

я духа жертвенности в этих групповых свистоплясках в конгрессе... Мы свистим из кладбища, вместо того чтобы посмотреть фактам в лицо. Мы болтаем о единстве целей, а потом мы запираемся в дровяном сарае с карандашом в руке и высчитываем, кто захватит в свои руки индустрию синтетической резины и будет ли восстановлен после войны англо-голландский резиновый картель... Мы надеемся, что русские побьют немцев, но не проявят слишком большой разумности по вопросу о распространении их неудобных доктрин вне пределов России...

Мы все еще играем воображаемыми мускулами и кричим: “Погодите, вот я поймаю этого гуся, который меня ударил, когда я посмотрел в другую сторону”»⁹.

А вот как писал журналист Майкл Стрейт в статье «Что воспрепятствовало открытию второго фронта в этом году», опубликованной в нью-йоркском журнале “New Republic” в ноябре 1942 г.: «Советская стратегия в 1942 г. заключалась в использовании сразу всех возможных ресурсов в борьбе против немецких армий...

Первый план генеральных штабов Англии и США намечал начало союзного наступления в июне 1943 г. – через месяц после того, как советское сопротивление НАКОНЕЦ рухнет (выделено М. Стрейтом. – *И. Б.*).

В 1942 г. эта точка зрения укрепились в американском военном руководстве.

В то время как Красная армия утверждает, что критическим годом является 1942 г., а англичане намекали, что, возможно, 1943 г. является критическим, мы действовали на основании, что 1945 г. явится критическим. Для русских, китайцев и англичан... наше отношение означало одно: что мы готовы принести в жертву Россию, Китай и, если необходимо, саму Великобританию, ради того, чтобы обеспечить (так в документе. – *И. Б.*) Америку от угроз победившей Германии...

Наша военная разведка относится с презрением к Англии и Китаю и с ненавистью к России. В отделе снабжения некоторые офицеры говорят, что англичане не способны сражаться, что русские уже разбиты, что китайцы продажны и безнадёжны и что мы сражаемся ради того, чтобы Соединенные Штаты стали сильнейшей державой в мире, которая сумеет диктовать условия мира союзникам или же странам Оси.

Генерал-лейтенант Б. Sommerwell откровенно выступает с этой точки зрения. Он окружил себя единомышленниками в лице генерала Клея, заведующего снабжением, генерала Гросса, заведующего транспортом, полковника Робинсона, заведующего распределением в ведомстве снабжения.

Военные руководители, которые не соглашаются с этой группой, не могут выдвинуться в Вашингтоне»¹⁰.

Ничто не могло заменить личного впечатления от посещения советско-германского фронта, поэтому представители союзников так настойчиво обращались с просьбами к Сталину и Молотову разрешить им поездки на фронт. Однако постоянный персонал военных миссий союзников в СССР, как правило, получал такие разрешения с большим трудом. Как писал помощник военного атташе США в Москве подполковник Ричард Парк в отчете в Комитет начальников штабов от 25 января 1943 г., «в течение одиннадцати месяцев в России он практически не получал информации от Советов в отношении их операций на фронте. Было множество трудностей, с которыми он сталкивался в получении информации о русских операциях. Русские брали его в окрестности фронта и объясняли, что за сражение там идет, но из-за расстояния, погодных условий и т. д., он ничего не мог увидеть»¹¹.

Попасть на фронт ему удалось только благодаря визиту генерала Хэрли. Лидеры «большой тройки», в особенности президент Рузвельт, неоднократно посылали в СССР своих личных представителей со специальными «миссиями», чтобы увидеть происходящее на фронте своими глазами. В ноябре 1942 г., в разгар Сталинградского сражения, в Москву прибыл американский генерал Патрик Хэрли, который «будучи динамичной личностью, уговорил Сталина разрешить американцам посетить какой-либо из активных фронтов. Были выбраны районы реки Дон и Кавказа. Эта поездка, которая продолжалась месяц, была удачной. Было получено хорошее общее описание, но многие детали отсутствовали. Русские просто не объясняли свои операции в деталях»¹².

По описанию Парка, группа американцев «покинула Москву и отправилась в город Серафимович на реке Дон. В городе находился штаб пяти русских армий. Во время пребывания здесь командующий офицер сообщил миссии, что русские знали точно, где находились войска стран «оси» в любое время. Это достигалось в основном путем наблюдений с воздуха. Американская миссия не увидела в этом районе скоплений немцев. Казалось, что все боевые действия ведутся румынской армией и ее сопротивление очень слабое. Их моральный дух был в плохом состоянии, их вооружение было слабым, и они, очевидно, бросили тысячи и тысячи своих лошадей, которые дико бродили по Донскому бассейну. По контрасту, русские солдаты были очень сильны, хорошо экипированы, под блестящим руководством и с высоким моральным настроением.

Генерал Хэрли решил, что миссия Соединенных Штатов обследует с целями наблюдения одну дивизию. Везде, куда бы генерал ни пришел, русские его хорошо принимали. Русским солдатам, то есть рядовым, нравились американцы и не нравились англичане... Русский солдат не имел вообще никакого толку от британцев.

Все армии в этом районе снабжались из Москвы. Коммуникации были не очень хорошие. Главная дорога была абсолютно лишена средств обслуживания, и линии (снабжения. – *И. Б.*) были крайне протяженными. Большие операции снабжались через одну только железнодорожную разгрузочную станцию на линии... В деле доставки оборудования к войскам русские коммуникации во многом зависели от крестьян. Любой человек с телегой, или с лошадью, или с тачкой включался в линию коммуникации... В этом был ключ к успехам русских в снабжении войск. Немцы осуществляли снабжение воздушным транспортом.

Русские окружили 6-ю немецкую армию между излучинами Дона и Волги, но не могли прервать их (немцев. – *И. Б.*) линии снабжения, поскольку немцы осуществляли снабжение по воздуху». Парк полагал, что «6-я армия могла продержаться еще некоторое время. Во время визита в этот район американская миссия видела много использовавшихся материалов из Соединенных Штатов, особенно грузовиков. Во время путешествия в сектор Дона самолетов и танков США не было видно»¹³ (однако эти виды ленд-лизовой техники американцы увидели во время своего последующего посещения советско-германского фронта на Кавказе).

Передвижение американской миссии строго контролировалось советскими органами безопасности. По данным органов НКВД относительно поездки миссии Хэрли в район Сталинграда, которая продолжалась с 28 ноября по 7 декабря, «американцы вели личное наблюдение, встречались и беседовали с советскими солдатами, офицерами и генералами (собирали военную и политическую информацию, которая давала им наглядное представление об обстановке в районе Сталинграда в первые дни контрнаступления Красной армии). Хэрли, посетив центральный участок (около 30 дивизий) северной части кольца окружения немецко-фашистских войск (22 дивизии) в Сталинграде, заключил, что части Красной армии не позволят выйти из окружения в районе Сталинграда германским войскам и их союзникам»¹⁴.

«Другом» СССР и поклонником русского народа вернулся из поездки в СССР в октябре 1943 г. один из лидеров военной промышленности США, председатель Управления по делам военного производства Дональд Нельсон. Влиятельный представитель биз-

неса и военно-промышленного лобби пропагандировал идеи общности русского и американского народов, достижений русской промышленности и победы Красной армии на многочисленных митингах в США и в средствах массовой информации, помогал организовать военно-экономическую помощь и, более того, стал горячим сторонником продолжения экономического сотрудничества с Советским Союзом после войны.

Свои личные впечатления Д. Нельсон выразил в речи на митинге американо-советской дружбы в Нью-Йорке 8 ноября 1943 г.: «В октябре советское правительство предоставило мне возможность видеть собственными глазами результаты грандиозного усилия, которое напрягает русский народ, чтобы поскорей победоносно завершить войну»¹⁵. Нельсон имел продолжительные беседы с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым¹⁶. Однако, обращаясь к простым американцам, он говорил больше о своих неформальных контактах с русскими, к примеру о случае «две недели тому назад... в г. Новосибирске»: «Это было одно из тех сердечных русских собраний, с которыми я познакомился во время своего короткого визита. Один из чинов там – богатырского сложения человек – подошел ко мне, пожал руку и сказал, как он любит американцев. Но этим он не удовлетворился – ему это хотелось выразить действием. Он посмотрел вокруг и схватил большую фарфоровую тарелку, стоявшую на столе. Он сказал: “Когда мы русские любим кого-либо, мы в его честь ломаем тарелку – вот так!” Он поднял свой огромный кулак и обрушил его на тарелку, разбив ее вдребезги.

Подобный славный жест я не мог оставить без ответа. Я сообразил, что тут не время для официальностей. Я схватил две тарелки... и ударил кулаком по двум тарелкам. Тарелки разбились, и мой друг и остальные горячо меня обняли. Потом они заметили, что один из осколков поранил мне руку, и обеспокоились. Но я не тужил о порезе, ибо это дало мне возможность сказать, что моя кровь – это символ объединения военных усилий – не много американской крови пролито на русском фронте, где столько было пролито ее для общего дела»¹⁷.

В статье «Что я видел в России» (журнал «Коллиер» от 29.01.1944) Д. Нельсон писал: «Я проходил мимо огромного часового в коридоре, ведущем в кабинет Сталина, он был недвижим, как камень, его лицо было невыразительным, как маска, с глазами, устремленными в одну точку впереди себя: “Американец, я тебя люблю”. Я ответил, как полагалось в этом случае, – “спасибо, взаимно”, но его лицо не выразило никакого понимания. Это были, как мне

потом сказали, единственные английские слова, которые он мог произнести или понять».

Нельсон много рассуждал по поводу известного сюжета об общности русских и американцев: «Неоднократно видел я примеры суровой решимости и высокого духа народа – пионера, подобного американским пионерам, которыми мы так гордимся. Я почувствовал независимость мысли и дерзновенную смелость, скорее присущую Новому свету, чем Старому свету. И я уехал убежденный, что стоит нам познакомиться лучше и преодолеть преграду языка, как нельзя будет найти в мире двух народов, лучше квалифицированных для того, чтобы завоевать обоюдное уважение и восхищение и дружбу, чем русские и американцы»; «никакое качество русского характера не произвело на меня более глубокого впечатления, чем деловая прямота, с которой они подходят к своим практическим проблемам»; «Россия не является конкурентом Америки, но она может превратиться в прекрасный источник коммерческой деятельности для Америки»; «если имеется какое-либо непонимание между народами России и США, то это в значительной мере на нас». Американский представитель делился богатыми личными впечатлениями о русском народе и проводил аналогии между русскими и американцами. В частности, он подчеркивал, что «русские рабочие любят американские машины, стремятся работать по-американски». Он отмечал и своего рода превосходство русских: «Правительство и народ объединены так, как Америка не может мечтать, и русский рабочий воодушевлен значительно большим желанием, чем только победить врага. Они хотят продолжать развитие страны после того, как фашисты будут побеждены»; «Россия хорошо использует в качестве рабочих стариков, молодых женщин и подростков 10–11–12 лет... Дисциплина очень высокая, создается впечатление, что подростки... предпочитали бы посвятить работе 7–8 часов для того, чтобы поддержать их братьев и отцов, которые борются на фронте... Нигде в мире нет такой смычки между армией и рабочими... рабочие, производящие военное снаряжение, рассматривают себя как на передовой линии фронта...»; «в интересах скорости машины не полировались и выходили с грубой отделкой. Когда я упомянул об этом, женщина-работница посмотрела на меня остро и ... твердо сказала: “Полировка не убивает немцев”»¹⁸.

Об общности русских и американцев писали и американские военные, сотрудничавшие с СССР и посещавшие страну. Так, после длительного опыта совместных военных операций в Европе и пребывания в Москве по приглашению Сталина в августе 1945 г. генерал Д. Эйзенхауэр писал в своих мемуарах о русском народе:

«Русские великодушны. Они любят делать подарки, принимать гостей, и это может подтвердить почти любой американец, которому приходилось работать вместе с ними. По своему великодушию, по своей преданности товарищу, по своему здравому смыслу и прямому взгляду на дела повседневной жизни обыкновенный русский, как мне кажется, очень похож на так называемого среднего американца»¹⁹.

Вопросы частной жизни также обсуждались в дискуссиях между советским руководством и представителями союзников. В частности, состояние здоровья самих участников дипломатических приемов и других их общих знакомых постоянно затрагивалось в этих беседах, что объяснялось не только соображениями этикета, но и чисто человеческим любопытством, сочувствием и другими эмоциями. К примеру, во время встречи И.В. Сталина с британским послом А. Керром и послом США А. Гарриманом 23 сентября 1944 г. последний заявил о том, что «президент (Ф. Рузвельт. – И. Б.) просил генерала Хэрли переговорить также с маршалом Сталиным о том, что маршал Сталин думает по поводу возможности встречи с президентом и Черчиллем в какое-нибудь время в ноябре, т. к. это время года исключает встречу на Аляске, президент предлагает район Средиземного моря.

Т. Сталин отвечает, что встреча желательна, но дело в том, что за последнее время он, т. Сталин, стал все чаще и чаще болеть. Недавно, вернувшись из поездки на фронт, он заболел. Раньше у него, т. Сталина, грипп продолжался один-два дня, а теперь он длится полторы-две недели. Возраст сказывается.

Гарриман заявляет, что он об этом очень сожалеет, и он уверен, что президент также будет об этом сожалеть...

Гарриман говорит, что, может быть, все-таки климат Средиземного моря будет полезным для маршала Сталина.

Т. Сталин отвечает, что вообще ему трудно переносить большие поездки. Например, когда он, т. Сталин, летел на высоте 4 тыс. метров из Ирана, у него в течение двух недель болели уши.

Т. Молотов говорит, что т. Сталину нужно беречь свое здоровье. Таково мнение всех коллег т. Сталина.

Т. Сталин говорит, что его вполне может заменить Молотов, который является его первым заместителем»²⁰.

Обсуждению личных проблем, обмену подарками обычно отводилась заключительная часть беседы (при этом не исключено, что эти вопросы затрагивались и в ходе бесед, что не всегда фиксировалось официальными протоколами). В качестве характерного примера можно привести выдержки из записи беседы И.В. Сталина с американским послом Б. Стэндли и английским поверенным в де-

лах Баггалеем 26 января 1943 г. «Сталин спрашивает, как выглядит президент и как его здоровье.

Стэндли отвечает, что он виделся с президентом и на нем не видно следов напряжения.

Т. Сталин спрашивает, как здоровье Гопкинса (личный представитель президента США, 30–31 июня 1941 г. вел в Москве переговоры со Сталиным и Молотовым об американских поставках СССР. – И. Б.). Полгода назад его считали обреченным.

Стэндли отвечает, что он виделся с Гопкинсом, беседовал с ним. Гопкинс выглядит хорошо. Он недавно женился. Он, Стэндли, видел также Гарримана. Как Гопкинс, так и Гарриман шлюет И.В. Сталину свой привет.

Т. Сталин благодарит.

[В заключение беседы] Стэндли говорит, что он хотел бы передать т. Сталину в качестве подарка от американских друзей зажигалку, сделанную в одной из авиационных мастерских в Эритрее из алюминия, который идет на изготовление пропеллеров.

Т. Сталин принимает зажигалку и благодарит Стэндли.

Затем Стэндли говорит, что от американских друзей И.В. Сталина в США он привез в подарок И.В. Сталину табак. Он пошлет этот табак И.В. Сталину через В.М. Молотова.

Т. Сталин спрашивает, действительно ли у него, И.В. Сталина, так много друзей в Америке.

Стэндли отвечает, что И.В. Сталин имеет в Америке много почитателей»²¹.

знаком уважения со стороны советского вождя к «сединам» Стэндли – довольно пожилого человека – явилось особое разрешение на прилет из США в Москву самолета Стэндли (как сообщил американский посол Молотову, это была гражданская двухмоторная машина типа «Дуглас») – первого самолета, который прилетел через Аляску в Москву под управлением американских летчиков (это случилось в июле 1943 г.). В беседе с Молотовым от 23 июля Стэндли поблагодарил советские власти за содействие, оказанное новому советнику посольства США Гамильтону, который прилетел в Москву на самолете посла. Стэндли сообщил, что он «уже был на аэродроме и осматривал свой самолет, который ему очень понравился. Самолет прекрасно оборудован и имеет все удобства. Если бы Молотов когда-либо захотел совершить небольшую прогулку, он, Стэндли, был бы очень рад предоставить ему свой самолет. Во всяком случае, Стэндли хотел бы, чтобы Молотов, когда найдет время, осмотрел его самолет. Молотов отвечает, что он с удовольствием осмотрит самолет Стэндли, когда будет иметь время»²².

Дипломатические представители США и Великобритании наиболее тесно и непосредственно общались с В. Молотовым, А. Вышинским, В. Павловым (переводчиком, представителем Наркомата иностранных дел (НКВД) СССР). Личные отношения сложились у них и с И.В. Сталиным: регулярно шел обмен подарками, послы хорошо знали привычки советского вождя. Одним из любимых видов подарков были кинофильмы (в частности, посол США Стэндли передал Сталину кинокартину «Диктатор» с участием Ч. Чаплина, сотрудник американского посольства Янг привозил в СССР фильмы американского производства, прежде всего для «развлечения» самих представителей США, подолгу оторванных от родины и жаждавших посмотреть что-либо на английском языке).

Вместе с тем отношения военных и дипломатических представителей союзников с советской стороной были далеки от идиллии. Несмотря на тесные личные контакты между лидерами, достичь согласия во многих вопросах было непросто. Одна из коллизий, свидетельствовавших о реальной мере доверия между союзниками, возникла в связи с полетами американских самолетов над советской территорией. С октября 1942 г. начала функционировать трасса «Аляска – Сибирь» (АлСиб), по которой американские самолеты, поставлявшиеся по ленд-лизу, перегонялись в СССР.

Президент США Ф. Рузвельт предлагал И.В. Сталину, чтобы американские самолеты пилотировались американскими летчиками до озера Байкал. Сталин в ответ довольно ехидно отметил: «Должно быть, президент полагает, что мы не в состоянии выделить своих летчиков для этой цели?» Он предложил, чтобы русские летчики принимали американские самолеты в Номе и оттуда пилотировали их в СССР, мотивируя это тем, что «советским летчикам легче это сделать, так как они хорошо знают трассу и условия полета по этой трассе». Руководство СССР явно стремилось предотвратить полеты американцев над своей территорией (однако Сталин согласился, что американские пилоты могли «сопровождать» советских летчиков в полетах)²³. Была укреплена инфраструктура сибирских аэродромов Красноярской воздушной трассы (Уэлькаль, Сеймчан, Якутск и Киренск). С октября 1942 до начала 1943 г. по АлСибу в среднем отправляли 132 самолета в месяц (все-го было отправлено 1185 самолетов)²⁴.

Широкая сеть контактов между русскими и американцами была создана и на территории США. Вскоре после нападения Германии на СССР в Вашингтон прибыла советская военная миссия во главе с генерал-лейтенантом, будущим маршалом Советского Союза Ф. Голиковым, перед войной начальником Главного раз-

ведывательного управления. Делегация вместе с послом СССР в США К. Уманским, исполнявшим роль переводчика, посетила генерала Д. Маршалла и других официальных лиц США. Был создан межправительственный комитет по оказанию помощи России, в который вошли Г. Гопкинс и К. Уманский.

С октября 1941 г. ленд-лизровский акт был распространен на СССР. С ноября 1941 г. ленд-лиззовскими операциями занимался АМТОРГ. Правительственная закупочная комиссия СССР в США была создана на основании постановления Совета народных комиссаров (СНК) в марте 1942 г. На ПЗК были возложены следующие задачи: «закупка и размещение заказов на оборудование и материалы, необходимые для различных объединений, наркоматов и заключение контрактов с правительственными организациями и агентствами США в связи с коммерческими, транспортными, финансовыми и другими вопросами, а также выполнение обязательств от имени правительства СССР по ленд-лиззовскому снабжению, займам и кредитам, предоставляемым правительству Советского Союза правительством США»²⁵.

На 1 мая 1942 г. ПЗК состояла из руководящего аппарата в Вашингтоне, отделений в Балтиморе, Нью-Йорке, Филадельфии, Сан-Франциско. В сентябре 1942 г. было создано отделение в г. Фэрбенксе на Аляске. В связи с ростом ленд-лиззовских отправок с Западного побережья США с 1 ноября того же года открылось отделение в г. Портленде, в то время как на Восточном берегу отделения в Бостоне и Балтиморе были закрыты. На 1 января 1943 г. был сформирован специальный аппарат уполномоченного комиссии по Западному побережью в составе отделений в Сиэтле, Такоме, Олимпии, Сан-Франциско, Портленде²⁶.

В числе важных партнеров с американской стороны следует выделить руководителей Администрации ленд-лиза (администраторы ленд-лиза Э. Стеттиниус, Д. Варнеке, заместитель администратора Дж. Хазард), Управления по делам военного производства (Д. Нельсон, председатель; У. Батт, заместитель председателя, вице-президент Военно-промышленной комиссии), Комитета по распределению военных материалов (управляющий, генерал-майор Дж. Бернс), Военного министерства США (министр Г. Стимсон), видов Вооруженных сил США. В особо важных случаях в дело вмешивались личный представитель президента Рузвельта по всем ленд-лиззовским операциям Гарри Гопкинс и сам президент. К примеру, как докладывал на заседании 30 октября 1942 г. член ПЗК т. Степанов, поставки медикаментов на советско-германский фронт стали налаживаться только после вмешательства «сверху»:

«По-видимому, меморандум, написанный тов. Литвиновым Гопкинсу, подействовал. Правда, американцы говорят так, что если мы Вам обещаем дать товары, то мы должны обязательно выполнить свое обещание, а если мы не выполним, то согласно указания Рузвельта, нас повесят»²⁷.

Первым руководителем Администрации ленд-лиза был Эдвард Р. Стеттиниус, впоследствии ставший государственным секретарем США (с 12.01.1944 по 06.07.1945). Еще в годы войны вышла в свет знаменитая книга Э. Стеттиниуса «Ленд-лиз – оружие победы», где он характеризовал трудности налаживания советско-американского сотрудничества следующим образом: «В 1942 г. русские и мы только учились работать вместе, как союзники. И было бы глупо делать вид, что наши отношения с Россией с самого начала были столь же дружественными и откровенными, как с Англией и Китаем. Мы не просили у русских подробной информации об их армии или о положении внутри страны, чего мы всегда ожидали от других стран, получавших помощь по ленд-лизу. Да и трудно было бы получить подобную информацию, помня наше взаимное недоверие в предыдущие годы... Теперь мы видим, как тесно связаны наши национальные интересы... Чем больше мы работаем вместе, тем больше понимаем друг друга...»²⁸.

Налаживанию взаимодействия в ранний период во многом препятствовала позиция военных США, что неоднократно отмечали сотрудники ПЗК. Можно привести типичную цитату из беседы одного из них – К.И. Лукашева – с представителем советской секции Военно-промышленного комитета М. Шнейдером 2 апреля 1943 г.: «Со стороны Армии и Флота огромный нажим в отношении выполнения их программы, никто в Комитете военного производства не решается давать преимущества нашим заказам»²⁹.

Многие американские военные стояли на эгоистических позициях, стремились преувеличить роль США в войне. К примеру, в своем докладе в ПЗК о ходе поставок нефтепродуктов и медикаментов 4 ноября 1942 г. сотрудник Комиссии т. Степанов ссылаясь на услышанный им спор между американскими военными: «Когда Берд в своем выступлении сказал, что Красная армия при таком масштабе боев несет большие потери, поэтому медикаменты нужны Советскому Союзу очень срочно, – полковник Пинк в реплике заявил, что наши бои на Соломоновых островах гораздо больше, чем под Сталинградом, а поэтому мы должны в первую очередь позаботиться о своей армии»³⁰.

В начальный период сотрудничества, оказавшись в США, сотрудники ПЗК зачастую испытывали своего рода «культурный

шок» из-за существенных различий в менталитете, образе жизни и представлениях советских людей и американцев. Поэтому документы демонстрируют даже большее напряжение и непонимание друг друга при взаимодействии на территории США, чем на территории СССР. Ситуация усугублялась из-за незнания многими сотрудниками ПЗК английского языка.

Создание ПЗК помогло дальнейшему налаживанию повседневного практического сотрудничества между русскими и американцами. Первый председатель ПЗК генерал А.И. Беляев неоднократно пытался увещевать своих сотрудников, склонить их к поиску компромиссных решений с учетом интересов противоположной стороны. К примеру, на заседании Комиссии от 8 августа 1942 г. обсуждался вопрос о передаче функций фирмы «Мур Маккормик», которая от лица американского правительства занималась поставкой грузов для СССР в американские порты и обработкой связанных с этим документов, советской организации. Деятельность американской фирмы критиковали почти все выступавшие на заседании работники ПЗК. Генерал Беляев выразился осторожно: «Наше правительство заинтересовано в скорейшем получении грузов... В условиях Америки мы не можем избавиться от профашистских элементов, ибо своих людей со знанием языка у нас не хватает. Следовательно, мы все равно будем окружены американцами. Важно учесть взгляды на это американцев...»³¹. В результате, несмотря на то что ПЗК приняла решение «взять на себя функции фирмы “Мур Маккормик”, итоговая резолюция на документе гласила: «Вопрос отпадает, т. к. Ампра (американское правительство. – И. Б.) не согласна»³².

Постепенному улучшению взаимоотношений, как правило, способствовали контакты – полуофициальные, неофициальные, дружеские (завтраки, обеды, ужины и т. д.). Документы ПЗК содержат немало ярких примеров такого рода. В качестве типичной по тону, характеру, кругу обсуждавшихся вопросов можно процитировать беседу председателя ПЗК генерала А.И. Беляева с одним из главных военачальников США, командующим ВВС генералом Г. Арнольдом от 8 апреля 1943 г. Согласно записи беседы, советский представитель был приглашен Арнольдом на обед, который «состоялся в офицерском клубе на военном аэродроме г. Вашингтона». «Кроме меня, – сообщает Беляев, – на обеде присутствовали: заместитель министра авиации Англии Криббет, английский генерал... Фостер и два американских генерала, фамилии которых я не знаю. Обед проходил в неофициальной обстановке, а поэтому разговор носил самый общий характер. Политические темы не затрагивались вовсе». В ходе беседы «генерал Арнольд сказал, что

ему известно о поездке на фронт Советского Союза группы инженеров-самолетостроителей фирмы “Белл Компани”. “Верно ли это?” – спросил генерал Арнольд, и когда я подтвердил, что это... так, генерал Арнольд спросил разрешения включить в число этой группы инженеров одного инженера ВВС, на что я попросил сообщить фамилию этого инженера и обещал запросить согласия моего Правительства».

«В конце обеда генерал Арнольд предложил мне участвовать вместе с ним в его очередной инспекционной поездке по авиационным частям на территории США, которая займет не больше 2–3 дней, на что я поблагодарил генерала и дал свое согласие»³³.

Типичные темы неформальных бесед председатель ПЗК назвал во время встречи на ужине в отеле «Статлер» в компании заместителя начальника снабжения Армии США генерала Клея и начальника штаба ВВС генерала Стратемейера: «Беседа носила общий характер, в частности о моей поездке на Западный берег, о моих впечатлениях о стране, о последних событиях на фронтах, об охоте и т. п.»³⁴.

Генерал А.И. Беляев так передает содержание своей беседы с офицером для особых поручений при военном министре США Риккенбакером: «...военный министр хотел бы, чтобы Риккенбакер получил возможность полета из Китая в СССР с целью лично посмотреть и выяснить, как ведут себя американские самолеты в Союзе в условиях боевых действий и в чем эти самолеты нуждаются...

Я ответил... что срочно пошлю доклад моему Правительству и информирую Риккенбакера о результатах».

В заключительной части беседы Беляев «просил капитана рассказать о его трагическом путешествии в течение 23 суток на резиновой лодке в южной части Тихого океана, что капитан охотно сделал»³⁵.

Многие практические вопросы решались на местах в неофициальном порядке. Приведем выдержки из протокола заседания ПЗК от 5 марта 1943 г., где слушался доклад тов. Пискунова о состоянии заказов по авиационному отделу: «Майор Собин, которого направили в Мемфис для ускорения отправки самолетов для СССР, заметил: “Пришло 25 самолетов, которые после дождя обмерзли”. Он просил американцев отправить самолеты, а они отвечают: “Пусть растает лед”. Для того чтобы счистить лед, необходимо иметь специальные приспособления. В течение трех дней шли разговоры. В результате чего т. Собин пригласил американцев к себе на обед, на следующий же день самолеты были отправлены».

Вывод докладчика гласил: «Как видите, насколько важно личное присутствие нашего представителя, личное обращение к американским офицерам»³⁶.

В целом личные контакты стали в годы войны уникальным «мостом дружбы» между странами «Большой тройки», установление которого, хотя бы и временно, способствовало налаживанию экономического и боевого сотрудничества для достижения общей Победы.

Примечания

- ¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Оп 1. Д. 7995. Л. 82.
- ² Там же. Л. 80.
- ³ Там же. Л. 4.
- ⁴ Уилки, Уэнделл (1892–1944), американский юрист, кандидат от Республиканской партии на президентских выборах 1940 г. Выборы выиграл Ф.Д. Рузвельт, однако в годы войны президент США использовал Уилки в качестве неформального посланника, который облетел мир на бывшем бомбардировщике «Гул-ливер». В своем бестселлере «One World» описал встречи с руководителями, солдатами и рядовыми гражданами стран-союзниц во время поездки в СССР и Китай в сентябре 1942 г. В публичных выступлениях пропагандировал идею второго фронта и усиления помощи СССР. Проводимый им либеральный курс лишил его поддержки республиканцев. Скончался от сердечного приступа в 1944 г.
- ⁵ Цит. по: *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006. С. 76.
- ⁶ Там же. С. 82.
- ⁷ РГАЭ. Ф. 413. Оп 12. Д. 7995. Л. 71.
- ⁸ Подробнее о героической обороне Сталинграда см.: *Куманев Г.А.* Сталинградская битва (Краткий военно-исторический очерк, документы, материалы). М., 2007. С. 41–83.
- ⁹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Оп 1. Д. 7995. Л. 73.
- ¹⁰ Там же. Л. 75–76.
- ¹¹ Remarks by Lt. Col. Richard Park, Jr., U.S.A., American Military Attaché in Russia, 25 January, 1943 // National Archives. College Park. R.G. 218. Geographic file, 1942–1945. Box 212.
- ¹² Ibid.
- ¹³ Ibid.

- ¹⁴ Христофоров В.С. «Сталинград яркой звездой будет сиять на страницах истории...» // Родина. 2013. № 1. С. 29.
- ¹⁵ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12. Д. 7995. Л. 13.
- ¹⁶ Подробнее см.: Быстрова И.В. Поцелуй через океан: «большая тройка» в свете личных контактов (1941–1945 гг.). М.: РОССПЭН, 2011. С. 18–20.
- ¹⁷ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12. Д. 7995. Л. 13.
- ¹⁸ Там же. Л. 79–81.
- ¹⁹ Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра / Сост. Е. Трояновская. М., 1990. С. 527.
- ²⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 377. Л. 61.
- ²¹ Там же. Д. 379. Л. 37–38.
- ²² Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 5. Пор. 334. Папка 29. Л. 36–37.
- ²³ Там же. Оп. 4. Д. 236. Папка 22. Л. 23–24.
- ²⁴ Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои: 1941–1945 гг. М., 1997. С. 155.
- ²⁵ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12. Д. 6211. Л. 2.
- ²⁶ Там же. Л. 2а.
- ²⁷ Там же. Д. 5967. Л. 160.
- ²⁸ О загадках ленд-лиза см.: Стеттиниус Э. Ленд-лиз – оружие победы. М., 2000. С. 201.
- ²⁹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12. Д. 6802. Л. 67.
- ³⁰ Там же. Л. 82.
- ³¹ Там же. Д. 5966. Л. 182.
- ³² Там же. Л. 155.
- ³³ Там же. Д. 6730. Л. 36–35 (в деле обратная нумерация страниц).
- ³⁴ Там же. Л. 24.
- ³⁵ Там же. Л. 34.
- ³⁶ Там же. Д. 6796. Л. 245.

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

В.М. Шнейдер

ВОПРОС ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЫБОРА УКРАИНЫ В ПРОГРАММАХ ВЕДУЩИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ (2012, 2014)

В статье представлен анализ предвыборных программ ведущих политических партий Украины в 2012 и 2014 гг. Особое внимание уделено сравнению позиций, касающихся ее цивилизационного выбора. Выявлены основные тенденции, связанные с изменением представлений украинского общества о внешнеполитической ориентации страны.

Ключевые слова: Украина, цивилизационный выбор, программы политических партий, внешняя политика.

Украина – одно из самых больших по площади и населению государств Европы, поэтому вопрос ее цивилизационного выбора и внешнеполитической ориентации представляется важным не только для нее самой, но и для других стран континента, в том числе и Российской Федерации. В первые годы независимости внешнеполитический курс Украины не был однозначно определен: страна активно налаживала контакты как с западноевропейскими государствами, так и с партнерами по СНГ. Украина сохраняла нейтральный внеблоковый статус, который был закреплен в Законе «Об основах внутренней и внешней политики», принятом в 2010 г.¹

В 2014 г. ситуация в стране кардинально изменилась. Были избраны новые президент и парламент, которые взяли курс на вхождение Украины в состав Евросоюза и, возможно, НАТО. Резко изменились и внешнеполитические ориентации жителей Украины, в частности вдвое выросло число сторонников ее вступления в НАТО – с 20 % в 2013 г.² до 41 % в 2014 г.³ Ввиду этого представляет интерес сравнение позиций, касающихся цивилизационного

выбора Украины, которые были выражены в предвыборных программах парламентских партий в 2012 и 2014 гг. Это позволит выявить основные тенденции, связанные с изменением представлений украинского общества о внешнеполитической ориентации страны.

По итогам парламентских выборов, которые состоялись в Украине в 2012 г., в Верховную раду прошли пять политических партий – Партия регионов, «Батькивщина», УДАР, «Свобода» и Коммунистическая партия Украины. Партия регионов заняла первое место, набрав 30 % голосов избирателей⁴. В ее программе ставилась цель получения ассоциированного членства в Евросоюзе и создания зоны свободной торговли с ЕС, но в то же время подчеркивалась необходимость сохранения внеблокового статуса Украины, стратегического партнерства с Россией и усиления экономического сотрудничества в рамках зоны свободной торговли со странами СНГ⁵. Таким образом, позиция Партии регионов фактически олицетворяла собой политику «многовекторности», проводимую руководством Украины во время правления Виктора Януковича (а ранее – Леонида Кучмы и Леонида Кравчука). Исходя из этого, можно прийти к выводу, что Партией регионов не был предусмотрен некий цивилизационный выбор Украины, осуществлялась попытка сохранить сложившийся на тот момент статус-кво.

Второе место с результатом 25,5 % голосов заняла «Батькивщина»⁶. В программе партии подчеркивалась важность европейского выбора Украины, ее приверженность общеевропейским ценностям. Выдвигалась цель подписания и ратификации соглашения об ассоциации и зоне свободной торговли Украины с ЕС, а также установления безвизового режима с Евросоюзом⁷. В то же время указывалось на необходимость партнерства с Российской Федерацией⁸. В программе не говорилось о присоединении Украины к какому-либо блоку, включая НАТО, т. е., по сути, предусматривалось сохранение внеблокового статуса страны.

Схожие позиции демонстрировались в программе партии УДАР Виталия Кличко, занявшей третье место с результатом почти 14 %⁹. В ней также подчеркивалась неотвратимость демократического выбора Украины¹⁰, необходимость проведения политики евроинтеграции, в частности подписания и ратификации соглашения об ассоциации и зоне свободной торговли с ЕС, а также введения безвизового режима со странами Евросоюза. Помимо этого, в программе говорилось о важной роли США как стратегического партнера Украины. В то же время отмечалась необходимость активного сотрудничества с Россией; вопрос отношений с Российской Федерацией был назван «жизненно важным для Украины»¹¹.

Таким образом, при осуществлении Украиной европейского выбора предполагалось развитие отношений со всеми партнерами, участие страны в военно-политических блоках не было прописано в программе партии.

Четвертое место, получив более 13 % голосов, заняла Коммунистическая партия Украины¹². Коммунисты выступали за построение социалистического общества, включая возврат к плановой экономике и общественной собственности, борьбу с капитализмом и империализмом¹³. Внешнеполитический курс партии предусматривал сближение со странами бывшего СССР, в частности вхождение в Таможенный союз и Единое экономическое пространство (ЕЭП)¹⁴. Ее программа не предполагала сотрудничество Украины с «империалистическими» силами и блоками, включая ВТО, Евросоюз и НАТО. Таким образом, курс, предлагаемый коммунистами, резко отличался от политики большинства партий Украины, а цивилизационным выбором страны, по их мнению, должен был стать возврат к социалистической системе и последующая интеграция Украины с Россией, Беларусью и Казахстаном.

Пятое место заняла националистическая партия «Свобода», набравшая более 10 % голосов¹⁵. В ее программе в качестве стратегического курса государства указан «европейский украиноцентризм»¹⁶ – усиление роли Украины в мировой политике с целью стать геополитическим центром Европы. Партия призывала к «прекращению участия Украины во всех образованиях, инициированных Москвой, в частности СНГ, ЕврАзЭС и ЕЭП»¹⁷. Таким образом, по отношению к России предусматривалась жесткая политика, включающая введение визового режима и выведение российских военных баз с территории Украины. Вместо этого предлагалось развивать геополитический проект ГУАМ, а также выстроить дружественные отношения с «естественными союзниками – странами Балто-Черноморской оси»¹⁸, в том числе государствами Балтии, Скандинавии, Польшей и Болгарией. Кроме того, «Свобода» предложила программу восстановления ядерного статуса Украины. В отличие от других оппозиционных на тот момент партий «Свобода» не выступала за интеграцию и ассоциацию с Евросоюзом. Причиной этого во многом являлась националистическая идеология партии, отвергающая ряд либеральных ценностей, принятых в ЕС. В то же время «Свобода» – единственная из парламентских партий созыва 2012 г., которая обозначила намерение вступить в НАТО и получить военную помощь от стран Западной Европы и США. Таким образом, цивилизационный выбор Украины фактически определялся как усиление ее позиции и роли в мире при

военно-политической помощи стран Запада. Националистический проект партии «Свобода» не предполагал интеграцию Украины с крупными политическими объединениями, такими как Евросоюз и Таможенный союз.

Итак, в Верховной раде созыва 2012 г. места получили различные политические силы, однако наибольшее влияние на внешнеполитический курс Украины сохранила Партия регионов, не акцентирующая внимание на проблеме цивилизационного выбора страны и придерживающаяся многовекторной политики.

События, которые происходили на Украине начиная с ноября 2013 г., резко изменили основную повестку дня. Отказ В. Януковича подписать договор об ассоциации с Европейским союзом привел к массовым акциям протеста в различных регионах страны. Для значительной части граждан стала очевидной важность цивилизационного выбора Украины. Драматические события первой половины 2014 г. показали, что Верховная рада не смогла справиться с проблемами, с которыми столкнулись украинское общество и государство. В результате были назначены внеочередные парламентские выборы, которые прошли 26 октября 2014 г.

По сравнению с выборами 2012 г. в программах большинства политических сил вопрос цивилизационного выбора Украины был четко обозначен. Изменились и внешнеполитические ориентации большинства жителей страны. Если на выборах 2012 г. партии, выступающие за евроинтеграцию Украины («Батькивщина» и УДАР), получили в сумме около 40 % голосов¹⁹, то в 2014 г. число проголосовавших за проевропейские политические силы («Народный фронт», «Блок Петра Порошенко», «Самопомощь», Радикальную партию и «Батькивщину») выросло до 68 %²⁰. В какой-то мере такая разница объясняется тем, что в этих выборах не принимали участие жители Крыма и части Донецкой и Луганской областей, однако стоит подчеркнуть, что за два года число сторонников европейского курса Украины выросло в большинстве регионов страны. Все пять проевропейских политических сил организовали коалицию «Европейская Украина», в которую вошло большинство (302) депутатов нового состава парламента²¹.

Первое место на выборах заняла партия «Народный фронт» во главе с премьер-министром Украины Арсением Яценюком. Она набрала более 22 % голосов²², получив самую большую поддержку на западе страны (более 30 % в Тернопольской, Ивано-Франковской, Львовской, Вольнской и Черновицкой областях²³). В программе партии определены ее главные цели, в числе которых реализация договора об ассоциации с Евросоюзом и «стратегического курса на

евроатлантическую интеграцию»²⁴, что может трактоваться как курс на вхождение страны в НАТО. В заголовок программы вынесена фраза «Наша цель – европейская Украина»²⁵, что свидетельствует о четко обозначенном в этом документе европейском выборе страны.

Второе место занял «Блок Петра Порошенко», набравший немногим менее 22 % голосов²⁶. Основную поддержку партия получила в Центральной Украине (Винницкая, Сумская, Хмельницкая области) и Закарпатье²⁷. Следует отметить, что блок набрал более 14 % голосов во всех областях Украины, что свидетельствует о соответствии высказанных партией позиций настрою значительной части украинского общества. Также представляет интерес тот факт, что в список блока вошло много бывших депутатов партии УДАР. В программе «Блока Петра Порошенко», названной «Жить по-новому», в качестве внешнеполитического приоритета указано «полноценное членство Украины в Европейском союзе». При этом «ЕС – не цель, а инструмент, чтобы изменить страну и ввести в ней европейские стандарты»²⁸. Интеграция в какие-либо другие структуры (в том числе НАТО) в программе не обозначена, акцент сделан на соблюдении прав человека и борьбе с коррупцией.

Третье место сенсационно заняло объединение «Самопомощь» во главе с мэром Львова Андреем Садовым. Эта партия набрала почти 11 % голосов²⁹, получив основную поддержку в крупных городах, включая Киев и Львов, а также в Ивано-Франковской и Львовской областях³⁰. В программе партии основное внимание уделяется экономическим реформам; вопросы, связанные с цивилизационным выбором страны, практически не упоминаются. В то же время прописано, что партия будет отстаивать «отказ от внеблокового статуса Украины»³¹.

Четвертое место получил «Оппозиционный блок», набравший более 9% голосов³² и победивший в Донецкой, Луганской, Харьковской, Днепропетровской и Запорожской областях³³. Эта политическая сила многими рассматривается как преемница Партии регионов. В резолюции «Мир. Стабильность. Возрождение», принятой на форуме «Оппозиционного блока»³⁴, тема цивилизационного выбора Украины не поднимается. Очевидно, что партия не поддерживает европейскую интеграцию Украины, однако, учитывая конфликт между Россией и Украиной, предпочитает не высказываться по вопросу изменения вектора внешней политики страны, сосредоточив основное внимание на критике властей и призывах к прекращению боевых действий на Донбассе.

Пятое место с результатом почти 7,5 % голосов³⁵ заняла Радикальная партия Олега Ляшко. Для сравнения, на выборах 2012 г.

эта политическая сила набрала всего 1 %³⁶. Основную поддержку партия получила в Центральной Украине (Черниговской, Кировоградской и Полтавской областях)³⁷. В программе партии основное внимание уделено внутривнутриполитическим процессам³⁸. Что касается отношения к цивилизационному выбору Украины, Ляшко и его соратники подчеркивают важность европейской интеграции и вошли в коалицию «Европейская Украина».

Наконец, шестой парламентской партией стала «Батькивщина», набравшая менее 6 % голосов³⁹. Таким образом, несмотря на возвращение Юлии Тимошенко в политику, показатели партии за два года серьезно ухудшились. Это может быть связано с тем, что значительная часть ее членов во главе с Арсением Яценюком перешла в новую политическую силу «Народный фронт». «Батькивщину» традиционно поддерживают в первую очередь в Центральной Украине⁴⁰. В программе партии подчеркивается важность сотрудничества Украины с западными странами и международными организациями, в том числе предусмотрено «немедленное вступление Украины в НАТО»⁴¹. Отмечается, что «Батькивщина» «инициировала проведение Всеукраинского референдума по поводу вступления Украины в НАТО»⁴². Отдельной задачей ставится «полноправное членство Украины в Европейском союзе уже в ближайшей перспективе»⁴³.

Итак, подавляющее большинство партий Украины, прошедших в парламент, ориентируются на интеграцию с ЕС. Впервые в их программах был четко обозначен курс на вступление Украины в Евросоюз, а некоторые партии («Народный фронт» и «Батькивщина») подчеркивают важность вступления страны в НАТО. Если в предыдущие годы вопрос цивилизационного выбора не стоял настолько остро, а население в целом поддерживало официальную политику многовекторности, то события 2013–2014 гг. привели к появлению разногласий между жителями различных регионов. Можно сделать вывод о том, что за два года, разделяющих парламентские выборы, представления жителей Украины о цивилизационном выборе страны изменились, и этот вопрос стал играть важную роль в ее общественно-политической жизни.

События 2014 г., и в первую очередь конфликт с Россией, способствовали окончательному оформлению европейского внешнеполитического вектора Украины. Так, прошедшие выборы показали, что на сегодняшний день большинство жителей различных регионов страны выступают за сближение с Евросоюзом. В 2012 г. проевропейские партии и политики составляли в

парламенте меньшинство, а в 2014 г. получили более 300 мандатов, смогли сформировать коалицию «Европейская Украина» и на данный момент фактически определяют внешнюю политику государства.

Примечания

- ¹ Набув чинності закон, що закріплює позаблоковий статус України [Электронный ресурс] // ZN.ua. URL: http://dt.ua/ARCHIVE/nabuv_chinnosti_zakon_scho_zakriplyue_pozablokoviy_status_ukrayini.html (дата обращения: 05.12.2014).
- ² Большинство украинцев выступило против членства в НАТО [Электронный ресурс] // Независимое бюро новостей. URL: <http://nbnews.com.ua/ru/news/102500/> (дата обращения: 05.12.2014).
- ³ Соціологічне опитування: Ви за вступ України до НАТО чи проти? [Электронный ресурс] // Центр Разумкова. URL: http://www.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=962 (дата обращения: 05.12.2014).
- ⁴ Вибори народних депутатів 2012 [Электронный ресурс] // Центральна виборча комісія України. URL: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2012/wp300?PT001F01=900> (дата обращения: 07.12.2014).
- ⁵ От стабильности к благополучию: предвыборная программа Партии регионов [Электронный ресурс] // Партия регионов. URL: <http://partyofregions.ua/news/event/5018ed00c4ca42cc440002a0> (дата обращения: 07.12.2014).
- ⁶ Вибори народних депутатів 2012...
- ⁷ Ухвалено передвиборчу програму Батьківщини [Электронный ресурс] // Всеукраїнське об'єднання Батьківщина. URL: <http://batkivshchyna.com.ua/news/11910.html> (дата обращения: 07.12.2014).
- ⁸ Там же.
- ⁹ Вибори народних депутатів 2012...
- ¹⁰ Програма Партії [Электронный ресурс] // Партія УДАР Віталія Кличка. URL: <http://klichko.org/about/programma/> (дата обращения: 08.12.2014).
- ¹¹ Там же.
- ¹² Вибори народних депутатів 2012...
- ¹³ Програма Комуністичної партії України [Электронный ресурс] // Комуністична партія України. URL: <http://www.kpu.ua/programmakpu/> (дата обращения: 09.12.2014).
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Вибори народних депутатів 2012...
- ¹⁶ Програма ВО Свобода (чинна) [Электронный ресурс] // ВО Свобода. URL: http://www.svoboda.org.ua/pro_partiyu/prohrama/ (дата обращения: 09.12.2014).
- ¹⁷ Там же.

- 18 Там же.
- 19 Вибори народних депутатів 2012...
- 20 Позачергові вибори народних депутатів 2014 [Электронный ресурс] // Центральна виборча комісія України. URL: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2014/wp300?PT001F01=910> (дата обращения: 09.12.2014).
- 21 Коалиция «Европейская Украина» получила в Раде конституционное большинство [Электронный ресурс] // Slon. URL: <http://slon.ru/fast/world/koalitsiya-evropeyskaya-ukraina-poluchila-v-rade-konstitutsionnoe-bolshinstvo-1188905.xhtml> (дата обращения: 09.12.2014).
- 22 Позачергові вибори народних депутатів 2014..
- 23 Політична партія «Народний фронт» [Электронный ресурс] // Центральна виборча комісія України. URL: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2014/wp302?PT001F01=910&pf7171=182> (дата обращения: 12.12.2014).
- 24 Програма Народного Фронту – «Відновлення України» [Электронный ресурс] // Народний фронт. URL: <http://nfront.org.ua/bazovi-dokumenti/programma> (дата обращения: 12.12.2014).
- 25 Там же.
- 26 Позачергові вибори народних депутатів 2014..
- 27 Партія «Блок Петра Порошенка» [Электронный ресурс] // Центральна виборча комісія України. URL: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2014/wp302?PT001F01=910&pf7171=202> (дата обращения: 12.12.2014).
- 28 Програма партії «Блок Петра Порошенко» [Электронный ресурс] // Центральна виборча комісія України. URL: http://solydarnist.org/?page_id=915 (дата обращения: 12.12.2014).
- 29 Позачергові вибори народних депутатів 2014..
- 30 Політична партія «Об'єднання «Самопоміч» [Электронный ресурс] // Центральна виборча комісія України. URL: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2014/wp302?PT001F01=910&pf7171=185> (дата обращения: 14.12.2014).
- 31 Програма на виборах 2014 року [Электронный ресурс] // Політична партія «Об'єднання «Самопоміч». URL: <http://samopomich.ua/documents/program/> (дата обращения: 14.12.2014).
- 32 Позачергові вибори народних депутатів 2014..
- 33 Політична партія «Опозиційний блок» [Электронный ресурс] // Центральна виборча комісія України. URL: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2014/wp302?PT001F01=910&pf7171=199> (дата обращения: 15.12.2014).
- 34 Резолюция Оппозиционного блока [Электронный ресурс] // Оппозиционный блок. URL: <http://opposition.org.ua/resolution.html> (дата обращения: 15.12.2014).
- 35 Позачергові вибори народних депутатів 2014..
- 36 Вибори народних депутатів 2012...
- 37 Радикальна партія Олега Ляшка [Электронный ресурс] // Центральна виборча комісія України. URL: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2014/wp302?PT001F01=910&pf7171=144> (дата обращения: 15.12.2014).

- ³⁸ Програма Радикальної партії Олега Ляшка [Електронний ресурс] // Радикальна партія Олега Ляшка. URL: <http://www.liashko.ua/program> (дата обращения: 15.12.2014).
- ³⁹ Позачергові вибори народних депутатів 2014...
- ⁴⁰ Політична партія Всеукраїнське об'єднання «Батьківщина» [Електронний ресурс] // Центральна виборча комісія України. URL: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2014/wr302?PT001F01=910&pf7171=149> (дата обращения: 16.12.2014).
- ⁴¹ Програма «Україна переможе» [Електронний ресурс] // Всеукраїнське об'єднання «Батьківщина». URL: http://batkivshchyna.com.ua/storage/article/user-files/files/programa_2014_1.pdf (дата обращения: 16.12.2014).
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ КИТАЙСКИХ ЛИДЕРОВ

С началом проведения политики «реформ и открытости», а также постепенным возрастанием экономической мощи Китая стала меняться и его внешняя политика. Руководством страны предпринимаются серьезные шаги для того, чтобы она играла все большую роль в мире. Статья посвящена изучению тех изменений, которые произошли во внешнеполитической риторике китайских лидеров за последние два десятилетия, с целью выявления особенностей их стратегического мышления в указанной сфере, а также отличий от общепринятой англосаксонской риторики.

Ключевые слова: КНР, внешняя политика, политическая риторика, Си Цзиньпин.

Определение направлений эволюции внешней политики Китая, подхода руководства КНР к постановке задач в рассматриваемой сфере требует проведения лингвистического анализа политических выступлений китайских лидеров. В этих документах, как в открытом, так и зачастую в скрытом виде, отражается их восприятие мира. Такой междисциплинарный подход часто применялся моим академическим учителем Ю.М. Галеновичем¹. Сочетание анализа дискурса, политики и медиа в КНР представлено в работах китайского лингвиста Тяна Хайлуна².

Для нашего исследования было выбрано два основных типа текстов: выступления Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао на съездах Коммунистической партии Китая (КПК) и выступления Си Цзиньпина по международным вопросам. Они изучались на нескольких уровнях.

На *первом уровне* важно было выявить наиболее часто употребляемые термины и понятия, которые являются в пространстве

китайских политических текстов самыми устойчивыми словами-смыслами. На *втором уровне* проводился сравнительный лингвистический анализ выступлений Цзян Цзэминя на XIV съезде КПК 1992 г. и Ху Цзиньтао на XVIII съезде 2012 г. с целью проследить динамику развития китайской политической риторики, изменения отношения к различным процессам в мировой политике. Для *третьего уровня* был выбран более широкий пласт источников. За основу была взята официальная интернет-страница КПК, на которой публикуется информация о деятельности членов ЦК партии. Интерес представляли выступления Си Цзиньпина, затрагивающие вопросы мировой политики и экономики, внешней политики КНР, китайской цивилизации.

На первом уровне были изучены выступления лидеров Китая на XIV–XVIII съездах КПК с целью определения частотности употребления общих для международных текстов понятий англосаксонской школы и терминов, отражающих специфическое китайское восприятие проблем мировой политики.

Были выбраны следующие термины:

1) «суверенитет», «безопасность», «вызовы», «риски», «стратегическое партнерство», «великая держава», «развивающиеся страны», «развитые страны»;

2) «мир», «развитие», «гегемонизм», «гармоничный мир», «сотрудничество», «взаимовыгода».

В результате была составлена следующая таблица.

Частотность использования англосаксонских и «китайских» терминов в выступлениях лидеров КНР на XIV–XVIII съездах КПК

Термин / Съезд №	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII
	Количество повторений				
Суверенитет (чжуцюань)	7			1	2
Безопасность (аныцюань)		1	3	5	5
Стратегическое партнерство (чжэньлюэ хобань)					
Вызовы (тяочжань)		1	1	2	1
Риски (фэнсянь)					1
Великая держава (даго)		2			1
Мир (хэпин)	14	17	10	16	13
Развитие (фачжань)	15	11	11	18	18

Продолжение табл.

Термин / Съезд №	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII
	Количество повторений				
Развивающиеся страны (фачжаньчжун гоцзя)	6	4	2	4	6
Развитые страны / страны Запада (фада гоцзя) / (сифан гоцзя)	1	1	1	1	1
Гегемонизм (бацоаньчжуи)	3	2	2	2	2
Сотрудничество (хэцзо)	7	6	8	15	11
Гармоничный мир (хэсе шицзе)				1	1
Взаимовыгода (хули)	3	2	1	1	2

Прежде всего стоит отметить, что лидеры Китая в выступлениях на съездах КПК не используют западный термин «стратегическое партнерство», который обычно указывает на высокий уровень отношений между государствами. Термин «великая держава» присутствует в политическом лексиконе, но употребляется редко, причем не по отношению к Китаю³.

Термины «мир» (как антипод «войне»), «развитие» и «сотрудничество» – ключевые понятия во внешнеполитической риторике КНР. При этом они являются неразделимыми и взаимозависимыми. Производными от этих терминов стали китайские понятия «мирное сосуществование» («хэпин гунчу»), «взаимовыгодное сотрудничество» («хули хэцзо») и др.

Заметно повышение заинтересованности властей Китая в вопросах национальной, региональной и глобальной безопасности за последние 15 лет. Если в материалах XIV съезда 1992 г. общепринятое понятие «безопасность» не употреблялось, то на протяжении дальнейших 20 лет оно все больше включалось в политическую риторику китайских лидеров. Кроме того, в отличие от текстов 1990-х гг., в которых это понятие было связано в основном с нестабильностью в мире, возможностью возникновения войн и столкновений, в выступлениях начала XXI в. о безопасности говорится в связи с более широким кругом вызовов и угроз. Так, например, на XVIII съезде, состоявшемся в 2012 г., Ху Цзиньтао упоминает о новых видах безопасности: продовольственной, энергетической, сетевой и др.

Англосаксонский термин «суверенитет» наибольшее количество раз встречается в докладе на XIV съезде 1992 г. Это может быть связано с тем, что в то время политический язык нового, «открытого» Китая только формировался и для того, чтобы описать свое представление о безопасности, лидерами КНР использовался лишь этот термин. Как мы видим в таблице, в дальнейшем он будет почти полностью заменен термином «безопасность». Кроме того, необходимо иметь в виду нестабильную глобальную обстановку в конце XX в.: разрушение двуполярной системы международных отношений, крах СССР, возникновение точек напряженности на китайских границах, возможность локальных конфликтов.

В программной речи на XVIII съезде КПК были использованы термины «риски и вызовы» – «фэнсянь тяочжань» («фэн» – «ветер», «сянь» – «опасность», «тяо» – «выбирать», «чжань» – «война»). Данные термины активно используются в китайской политической терминологии и точно разделяются по степени/уровню опасности: более высокий уровень опасности означает слово «тяочжань».

Термин «хэсе шицзе» («гармоничный мир») состоит из слов «хэсе» – «гармония» и «шицзе» – «мир». Данное словосочетание, означающее направленность внешнеполитических действий КНР, впервые появилось в политическом лексиконе Ху Цзиньтао в 2005 г. и окончательно закрепилось в партийных и правительственных документах официального Пекина к 2006 г. На XVIII съезде Ху Цзиньтао уточнил, что это означает прочный мир и всеобщее процветание.

Интересна картина дифференциации мира в представлениях лидеров КНР. Они делят страны по экономическому и географическому признакам – на «развитые», «развивающиеся», «страны с формирующимся рынком» и «соседние». При этом не упоминается ни одного названия страны, региона или объединения государств. Термины «Запад» и «Восток» для противопоставления политико-социальных моделей развития государств не встречаются. Однако говорится о проблеме Север – Юг как различии в скорости и качестве развития разных стран.

Следует отметить, что геополитические термины, сформулированные по западной модели («мультиполяризация», «экономическая глобализация», «культурное многообразие», «общественная информатизация»), в определенном смысле «уравновешиваются» применением многосложных терминов, сформулированных по конфуцианской традиции («равенство и взаимное доверие», «сотрудничество и общий выигрыш»).

Для формулировки основных принципов и направлений внешней политики страны власти Китая предпочитают использовать специфические «китайские» термины и слова-смыслы. Англосаксонские термины в общепринятых значениях применяются для характеристики вопросов безопасности, экономики и финансов. Это говорит как об особенностях развития китайского языка в целом, так и о специфике наполнения китайского политического языка. Таким образом народу Китая и всему миру преподносится особый китайский путь развития, подчеркивается его уникальность, устанавливается историческая и культурная связь с прошлым.

Интересно и то, что руководители КНР используют образные выражения, понятные не только китайцам, но и представителям других цивилизаций. Так, Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК при изложении внешнеэкономической стратегии заявил, что «Китай никогда не вредит другим ради собственной выгоды, не приносит в жертву ближнего», что явно является обращением ко всему христианскому миру. А на XVIII съезде КПК, излагая задачи во внешнеполитической сфере, он отметил: «История говорит нам, что волчьи законы – не путь к сосуществованию человечества, бряцание оружием не ведет к прекрасному миру». Образ волка в китайской языковой культуре имеет отрицательную коннотацию, означает агрессию, нападение, причинение вреда. Аналогична трактовка этого образа в культурах многих других стран. Очевидно, что использование таких выражений обусловлено тем, что официальные выступления не только являются источником информации для собственных граждан, но и в значительной мере адресованы всему миру, прежде всего руководителям ведущих держав.

Далее был проведен сравнительный лингвистический анализ выступлений китайских лидеров по вопросам внешней политики на XIV и XVIII съездах КПК.

В своей речи «Международная обстановка и наша внешняя политика», произнесенной на XIV съезде КПК (1992 г.), Цзян Цзэминь перечисляет группы стран, с которыми Китай развивает отношения. Прежде всего, это «сопредельные страны»⁴, с которыми КНР вышла на «лучший этап» развития отношений со времени создания государства. Затем идут «развивающиеся страны», с которыми укрепляется «тесное сотрудничество». И наконец, отмечается, что на основе пяти принципов мирного существования КНР отношения со всеми государствами, включая «развитые страны Запада», получили импульс к улучшению.

Таким образом, можно говорить о том, что лидеры КПК формируют свое представление о мире главным образом на основе геогра-

фического и экономического признаков. Они используют термины «сопредельные», «развивающиеся» и «развитые» страны, не классифицируя их по политическому, национальному или религиозному признакам.

Власти КНР были обеспокоены такими масштабными переменами в мире, как распад СССР, крах КПСС, провал попыток реформирования социалистического государства, разрушение bipolarной системы международных отношений, доминирование США. Цзян Цзэминь описывает современную мировую обстановку и выделяет основные международные тенденции, используя следующие выражения:

- «исторический период больших изменений»;
- «переформатирование сил»;
- «развитие в многополярном направлении».

Он также перечисляет главные угрозы международной безопасности:

- угрозу «новой мировой войны»;
- «появление немалого количества национальных и региональных этнических конфликтов, территориальных споров и религиозных конфликтов, вплоть до кровопролитных столкновений и локальных войн»;
- «ухудшение экономической обстановки многих развивающихся стран, продолжающийся увеличиваться разрыв между Севером и Югом».

Далее Цзян Цзэминь формулирует основные цели и принципы внешней политики страны:

- «Китай неизменно придерживается курса самостоятельной мирной внешней политики»;
- «охранять независимость и суверенитет Китая, стимулировать мир и развитие – основная цель внешней политики Китая»;
- КНР не объединяется с какими-либо странами или группами государств, не принимает участия в каких-либо военных блоках;
- Китай никогда не станет гегемоном, выступая против любой формы гегемонизма и политики силы.

Чтобы проследить эволюцию внешнеполитической мысли китайских лидеров, перейдем к анализу выступления Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК, который состоялся в 2012 г.

Описывая современную международную обстановку, товарищ Ху говорит о том, что мир «переживает глубокие и сложные изменения», «мировая мультиполяризация и экономическая глобали-

зация набирают обороты», «единая мощь стран с формирующимся рынком и развивающихся стран увеличивается»⁵.

Китайский лидер выделяет следующие основные проблемы мирового развития:

- «глубокое влияние глобального финансового кризиса»;
- «усиление дисбаланса глобального развития»;
- «рост гегемонизма, политики силы и неоинтервенционизма»;
- «еще большее проявление глобальных проблем продовольственной безопасности, безопасности энергоресурсов, сетевой безопасности».

Мы видим, что по сравнению с 1992 г. основные тенденции и проблемы развития человечества получают более объемную и точную характеристику. Ху Цзиньтао использует как общепринятые мировые термины, так и китайские.

В основе внешней политики Китая, согласно Ху Цзиньтао, должны лежать следующие принципы:

- «равенство и взаимное доверие»;
- «толерантность и взаимное обучение»;
- «дух сотрудничества и общего выигрыша»;
- «совместная защита международной справедливости»⁶.

В соответствии с этими принципами «Китай будет неуклонно идти по пути мирного развития», «твердо проводить независимую и самостоятельную мирную внешнюю политику».

Ху Цзиньтао не говорит о предпочтениях КНР в отношении каких-либо стран или регионов. О дифференциации мира упоминается лишь в связи с тем, что Китай, по мысли докладчика, должен совместно расти с развивающимися странами. С одной стороны, подчеркивается близость Китая к развивающимся странам, неприемлемость гегемонизма и политики силы, которая ассоциируется с государствами Запада. С другой – стремление КНР взаимодействовать со всем миром, в связи с чем внешняя политика республики приобретает по-настоящему глобальный характер.

Китайский лидер не выделяет конкретных направлений внешней политики КНР, ее региональных, религиозных и иных приоритетов. Слова «Запад» и «Восток» в выступлении не употребляются. Главные понятия в докладе – «мир» и «развитие». «Китай выступает за мирное урегулирование международных споров и наиболее горячих вопросов», «против использования при всяком случае силы или угрозы силой», «подрыва законной власти», «всех форм терроризма».

На третьем уровне исследования анализировалась официальная интернет-страница КПК на языке оригинала. Отметим, что данный сайт работает на шести языках: китайском, английском, японском,

немецком, французском и русском. При этом материалы, опубликованные, например, на китайском и русском языках, отличаются.

Интернет-страница содержит подборки важных выступлений и встреч всех членов ЦК КПК. Нас больше всего интересовали выступления председателя КНР Си Цзиньпина на темы внешней политики. Он представляет страну на международной арене и лично наносит визиты в другие государства, в том числе европейские, хотя раньше этим занимался премьер Госсовета⁷.

Информация о деятельности Си Цзиньпина разделена на четыре основных блока: собрания, важные выступления, посещенные мероприятия и встречи. В рамках данного исследования были просмотрены все материалы второго и четвертого блоков⁸ за 2014–2015 гг. (до 10 июля 2015 г.) и сделаны следующие наблюдения.

В разделе «Важные выступления» содержится 130 документов, из которых 61 (около 47 %) – касается международных проблем. Из них Азии посвящено 18 % выступлений, Латинской Америке – 6 %, Европе – 5 %, Африке – 4 %, Австралии и Океании – 1,5 %, США – 1,5 %. Россия упоминается в четырех публикациях, в которых идет речь о сотрудничестве Китая с другими странами в рамках ШОС и БРИКС. Отдельно России не посвящено ни одного выступления.

В разделе «Встречи» за указанный период опубликовано 348 выступлений, около 90 % из них затрагивают международные проблемы: связанные с Азией – 42 %, Европой – 18 %, Африкой – 8 %, США – 7 %, Латинской Америкой – 5 %, Россией – 4,8 %, Австралией и Океанией – 3,2 %.

Проведенные подсчеты показывают, что приоритетными для Си Цзиньпина направлениями являются Азия, Европа и Африка. Следующее по внешнеполитической значимости направление – американский континент: США, Канада и страны Латинской Америки. России уделяется не так много внимания, несмотря на высокий уровень отношений между двумя странами.

По итогам просмотра материалов было решено отобрать для дальнейшего анализа следующие выступления Си Цзиньпина:

- выступления на встрече с президентом США Б. Обамой 13 ноября 2014 г. и госсекретарем США Дж. Керри 10 июля 2014 г.;
- выступление на собрании, посвященном 50-летней годовщине установления дипломатических отношений Франции и КНР, 27 марта 2014 г.;
- выступление в парламенте Бразилии 16 июля 2014 г.;
- выступление на Бандунгской конференции 22 апреля 2015 г.;
- выступление во время официального визита премьер-министра Индии Н. Моди в КНР 15 мая 2015 г.;

- выступление на Китайско-Японской конференции дружбы и связей 24 мая 2015 г.;
- выступление на встрече с президентом РФ В. Путиным 9 июля 2015 г.;
- выступление на VI саммите БРИКС 10 июля 2015 г.;
- выступление на XV съезде Совета глав государств ШОС 11 июля 2015 г.

Такая подборка представляется оптимальной, поскольку позволяет получить представление о внешнеполитической риторике Китая в отношении разных стран и регионов.

Анализ текстов приводит к следующим выводам:

- стиль данного типа выступлений не очень сильно отличается от сугубо официальных посланий на съездах КПК; язык лишь чуть более свободный и разговорный, употребляется больше различных средств украшения речи: китайских пословиц, поговорок, идиом, изречений Конфуция;
- заметен высокий уровень закрытости информации, упоминаются лишь общие тенденции или проблемы международного развития. Наиболее точные характеристики и конкретный план действий содержатся в выступлении на XV съезде Совета глав государств ШОС в 2015 г. Си Цзиньпин говорит о необходимости укрепления боеспособности стран-членов, создания «занавеса безопасности в регионе», борьбы с терроризмом и распространением ультрарелигиозных идей, реагирования на ситуацию в Афганистане и т. д.⁹ Другие выступления менее конкретные, а некоторые и вовсе кажутся «абстрактными»;
- в политической риторике Китая сохраняется спокойный и позитивный тон, даже при описании серьезных международных проблем и вызовов. Лидер КНР избегает прямой конфронтации, вуалирует внутренние решения. Таким образом он заявляет о сильной международной позиции своей страны, отсутствии страха, политической истерии. Это определенный инструмент политической репрезентации китайской власти. На проблемы Си Цзиньпин смотрит позитивно – с точки зрения тех возможностей, которые в связи с ними открываются. Негативный тон был отмечен лишь в одном из отобранных выступлений – на Китайско-Японской конференции по дружбе и связям в мае 2015 г. Большая его часть посвящена милитаристскому прошлому Японии, борьбе китайского народа против японских захватчиков. Си Цзиньпин заявил, что «любые высказывания, пытающиеся исказить и приукрасить историю японского милитаризма и агрессии, не будут восприняты народом Китая и

- народами других пострадавших стран...»¹⁰. «Помните историю, чтобы создавать будущее; не забывайте войну в целях защиты мира», – призвал лидер КНР¹¹. Таким образом, можно сделать вывод, что данная тема – наиболее чувствительная для КНР, ее отношения с Японией строятся через призму прошлого, которое часто вызывает негативную реакцию у народа и власти Китая;
- прослеживается «китайское видение» устройства мира. Как и в выступлениях на съездах КПК, страны разделяются по экономическому признаку на «развитые», «развивающиеся» и «страны с формирующимся рынком»; «Север» и «Юг» противопоставляются как модели и уровни развития государств. При этом Си Цзиньпин по-разному характеризует Китай в зависимости от того, с лидером какой страны он общается или в рамках какого формата делает выступление. Например, на встрече с госсекретарем Дж. Керри в июле 2014 г. председатель КНР неоднократно повторяет, что США и Китай являются «великими державами»: «Летом прошлого года мы провели историческую встречу с президентом США Бараком Обамой и пришли к взаимопониманию о необходимости упорно создавать новую модель китайско-американских великодержавных отношений»¹². А вот выступая в бразильском парламенте, Си Цзиньпин говорит о том, что Бразилия и Китай «являются развивающимися странами с огромным влиянием и формирующимся рынком»¹³. Такой же позиции он придерживается и в беседе с премьер-министром Индии, и в выступлении на Бандунгской конференции;
  - прослеживается разная оценка уровня отношений с другими странами, как по отдельности, так и в рамках международных организаций. Так, связи с США характеризуются как «новая модель великодержавных отношений»¹⁴, с РФ, Бразилией и Индией – как стратегическое партнерство (лишь с небольшой разницей в формулировках), со странами в рамках Бандунгской конференции – как «партнерские отношения развивающихся стран», «отношения формата “Юг – Юг”»;
  - рассматривая перспективы развития отношений, Си Цзиньпин обычно выдвигает китайскую программу, которая состоит из 3–6 «шагов». Каждый из них имеет короткое название, которое в определенной степени раскрывает его смысл. Затем он переходит к планам и действиям, которые нужно произвести, чтобы реализовать замысел. Таким образом, можно отметить существование системного подхода в формировании внешнеполитического курса по отношению к разным регионам и странам.

В целом проведенное исследование показало:

1. Истинные цели и задачи внешней политики Китая камуфлируются в выступлениях высших чиновников КНР, предпочитающих не раскрывать свою позицию по различным острым международным проблемам, ограничиваясь провозглашением общих целей и принципов, таких как «мир», «развитие», «равенство», «гармония», «сотрудничество», «общий выигрыш».

2. Существует особый китайский политический язык, обладающий следующими характеристиками:

- использование англосаксонских базовых международно-политических терминов;
- повторение политических клише, как западного, так и чисто китайского типа;
- построение выступления по определенному канону – краткая формулировка темы, исторический экскурс, описание текущей ситуации, проблем и вызовов, перечисление политических «шагов», необходимых для развития, выводы;
- использование китайских поговорок, идиом, терминов, изречений Конфуция.

3. Существует специфическое «китайское» видение мира, для которого характерно использование прежде всего экономических и географических категорий, а не политических, религиозных и др.

4. В большинстве своем тон выступлений позитивен; негативное отношение к проблемам не показывается, что может свидетельствовать как о сильной позиции Китая, так и о нежелании лидеров страны говорить о реальном положении дел.

5. В период с 1992 по 2015 г. политический язык руководства КНР стал более разнообразным и ярким; в обиходе появляются новые термины, как западные, так и китайские; заметно, что с течением времени власти стали уделять большее внимание не только реальным событиям, но и формам и методам их представления внутри страны и на международной арене.

Примечания

---

¹ См.: Галенович Ю.М. Наказы Цзян Цзэминя: принципы внешней и оборонной политики современного Китая. М.: Муравей, 2003; *Он же*. Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае. М.: Памятники исторической мысли, 2006; *Он же*. Российско-китайские отношения (конец XIX – начало XXI в.). М.: РАН,

- Ин-т Дальнего Востока, 2007; *Он же*. Китайские интерпретации. М.: Восточная книга, 2011; *Он же*. «Великое возрождение» «Великой нации Китая» и Россия. М.: Восточная книга, 2013.
- ² См.: *Tian H.* Political Language Studies: A Critical Survey // Foreign Language Education. 2002. № 1. P. 23–29; *Chilton P., Tian H., Wodak R.* Discourse and Socio-political Transformations in Contemporary China. Lancaster Univ.; Tianjin Univ. of Commerce, 2010; *Cao Q., Tian H., Chilton P.* Discourse, Politics and Media in Contemporary China. Durham Univ.; Tianjin Univ. of Commerce; Lancaster Univ., 2014.
  - ³ При этом во время встречи с президентом США Б. Обамой и госсекретарем Дж. Керри Си Цзиньпин использует термин «великая держава» как по отношению к США, так и по отношению к КНР.
  - ⁴ Цзян Цзэминь цзай чжунго гунчаньдан ди шицы цы цюаньгодайбяодахойшан дэ баогао (Доклад Цзян Цзэминя на XIV съезде КПК, 1992). Информационный интернет-центр КПК. [Электронный ресурс] URL: <http://cpc.people.com.cn/G/64162/64168/64567/65446/4526313.html> (дата обращения: 20.07.2015).
  - ⁵ Ху Цзиньтао цзай чжунго гуанчаньдан ди шиба цы цюаньгодайбяодахойшан дэ баогао (Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК, 2012). Информационный интернет-центр КПК. [Электронный ресурс] URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2012/1118/c64094-19612151-11.html> (дата обращения: 21.07.2015).
  - ⁶ Там же.
  - ⁷ Подробнее см.: *Виноградов А.О.* Европейский визит Си Цзиньпина: новая китайская дипломатия в действии // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. Вып. 19. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 155.
  - ⁸ Разделы «Собрания» и «Посещенные мероприятия» не представляли для нас интереса, так как размещенная в них информация касается вопросов внутренней политики.
  - ⁹ Си Цзиньпин цзай Шанхай хэцзо цзучжи чэнюаньго юаньшоу лишихой ди ши у цы хойи дэ цзянхуа (Выступление Си Цзиньпина на 15-ом заседании Совета глав государств-членов ШОС). Информационный интернет-центр КПК. [Электронный ресурс] URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2015/0711/c64094-27287860.html> (дата обращения: 20.07.2015).
  - ¹⁰ Си Цзиньпин чуси чжун жи юхао цзялю дахой бин фабяо чжуньяо цзянхуа (Си Цзиньпин принял участие в Китайско-Японской конференции по дружбе и связям и выступил с важным заявлением). Информационный интернет-центр КПК. [Электронный ресурс] URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2015/0524/c64094-27046720.html> (дата обращения: 22.07.2015).
  - ¹¹ Там же.
  - ¹² Си Цзиньпин: нули гоуцзянь цжун мэи синьсин даго гуаньси (Си Цзиньпин: прилагать усилия для создания китайско-американских отношений нового типа). Информационный интернет-центр КПК. [Электронный ресурс] URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2014/0710/c64094-25261696.html> (дата обращения: 21.07.2015).

- ¹³ Си Цзиньпин цзай басы гохой дэ яньцзян: хунъян чуаньтун юхао гунпу хэцзо синьянь (Си Цзиньпин на саммите в Бразилии: передавать традиции дружбы, совместно написать новую главу сотрудничества). Информационный интернет-центр КПК. [Электронный ресурс] URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2014/0718/c64094-25296593.html> (дата обращения: 24.07.2015).
- ¹⁴ Си Цзиньпин хойцзянь мэйго гоудин Керри (Си Цзиньпин принял государственного секретаря США Д. Керри). Информационный интернет-центр КПК. [Электронный ресурс] URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2015/0518/c64094-27014278.html> (дата обращения: 24.07.2015).

Н.А. Жерлицына

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ С ТУНИСОМ В СВЕТЕ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

В статье исследуются новые реалии российской внешней политики после «арабской весны», а также перспективы усиления российского влияния в Магрибе и Средиземноморском регионе на примере двусторонних отношений с Тунисской Республикой. Анализируется воздействие недавних политических катаклизмов в Северной Африке на внутреннюю и внешнюю политику Туниса. Хотя Тунис считается символом арабских демократических перемен и существуют большие надежды на то, что именно здесь будет построена первая современная демократия в арабском мире, нерешенные внутренние проблемы и серьезные внешние угрозы делают ситуацию в этой стране не столь однозначно позитивной. Российская Федерация поддерживает демократический выбор тунисского народа и готова оказывать ему помощь в укреплении экономики и борьбе с международным терроризмом.

Ключевые слова: «арабская весна», международный терроризм, радикализация, российско-тунисское сотрудничество, торговля, инвестиции.

Тунисская Республика – одна из наиболее развитых стран Северной Африки, успешное взаимодействие с которой является ключевым фактором продвижения экономических и политических интересов России в Средиземноморье. Достижение мира и укрепление стабильности в этом регионе не только прямо отвечает российским геополитическим интересам, но и может способствовать повышению эффективности внешнеэкономических связей РФ в результате обеспечения безопасности транспортных артерий и расширения круга внешнеэкономических партнеров, что

© Жерлицына Н.А., 2016

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-07-00017 «Сотрудничество России со странами Магриба: динамика и перспективы в свете политических изменений в арабском мире и российской внешней политике».

особенно важно в условиях переориентации российской внешней политики.

В последние несколько лет Северная Африка непрерывно привлекает внимание международного сообщества, что связано с появлением новых вызовов и угроз. Череда арабских революций, социально-политических потрясений в регионе, разгул международного терроризма и гуманитарные кризисы, связанные с незаконной миграцией, заставили внести коррективы в свой внешнеполитический курс многие страны мира, в том числе и Россию.

За десятилетия независимого развития за Тунисом закрепился образ самой космополитичной и образованной страны арабского Средиземноморья, стабильного, открытого государства, занимающего прагматическую, умеренную позицию в политических и экономических вопросах. Неожиданная роль буревестника «арабской весны» и особенно приход к власти вследствие революции 2011 г. исламистской партии «Ан-Нахда» породили опасения, что на смену «арабской весне» может прийти «исламская зима»¹. Но в Тунисе залогом успешной реализации целей «революции достоинства и свободы» стало сплоченное гражданское общество страны, основу которого составляют влиятельные общественные организации, профсоюзы, женские объединения. Хотя и здесь имела место жесткая борьба за власть и безобразные акты насилия, ответ общества заключался в поиске политического компромисса.

Политический консенсус в Тунисе стал образцом цивилизованного урегулирования конфликта между исламскими и светскими силами для всех стран «арабской весны». Важной вехой на этом пути было принятие 26 января 2014 г. новой Конституции республики, оказавшейся самой прогрессивной в арабском мире и создающей благоприятную почву для развития демократии. В Конституции ислам не упоминается в качестве источника права, хотя признается как религия страны. Гарантируется свобода вероисповедания, мужчины и женщины уравниваются в правах².

Тунис олицетворяет надежды на построение первой современной демократии в арабском мире. По словам посла этой республики в РФ А. Гутали, Тунис «дает пример мирного перехода к демократии, он показал, что это возможно в арабо-исламской стране»³. Россия, как заявил министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, приветствовала «мирный характер происходящих в Тунисской Республике трансформаций через широкий национальный диалог». «Подтверждаем солидарность с дружественным тунисским народом, поддержку проводимых в Тунисе фундаментальных преобра-

зований. Готовы содействовать этому процессу как в двустороннем формате, так и в рамках коллективных усилий»⁴.

Однако демократия в Тунисе остается весьма хрупкой. Несмотря на позитивные итоги выборов, рано говорить о том, что население бесповоротно определилось в пользу светского пути развития. Нерешенные внутренние проблемы дополняются новыми внешними угрозами национальной безопасности.

Самую серьезную опасность для тунисской демократии представляют накопившиеся экономические, социальные и демографические проблемы. Повышение уровня жизни было одним из основных требований революции, однако ее следствиями стали спад в экономике, девальвация, долговой кризис и рост безработицы. Хроническая молодежная безработица (более 30 % среди жителей до 30 лет) является проблемой не только Туниса, но и соседних арабских стран, что создает угрозу стабильности во всем регионе.

Другой серьезный вызов тунисской государственности, тесно связанный с безработицей, – радикализация молодежи. По данным МВД Туниса, с 2011 г. 2400 граждан страны стали боевиками⁵. Основными причинами активного участия молодежи в джихаде являются безработица, тяжелое экономическое положение в стране, грамотная, интенсивная вербовка и доступность пропагандистских материалов в Интернете. Разочарование в итогах революции вывело Тунис в лидеры поставщиков рекрутов для самой одиозной террористической организации современности – Исламского государства (ИГ).

В результате революции в Тунисе и продолжающейся войны в Ливии существенно снизилась безопасность в стране. Значительно увеличился объем контрабанды оружия в Тунис и уровень организованной преступности. Власти принимают меры, чтобы не допустить распространения ливийских проблем в Тунис, в частности усилено патрулирование всех участков ливийско-тунисской границы. Проблемы безопасности в Северной Африке и на Ближнем Востоке стали главной темой переговоров министра иностранных дел Туниса М. Хамди с российским коллегой С. Лавровым в Москве в сентябре 2014 г. На пресс-конференции в МИД РФ по итогам переговоров С. Лавров отметил: «У нас общая решимость объединять усилия в двустороннем плане и в многосторонних форматах, чтобы более решительно и эффективно бороться с главной угрозой региона Ближнего Востока и Северной Африки – угрозой международного терроризма»⁶. Россия заявила о готовности оказать помощь Тунису в области обеспечения безопасности, поставив стране военное снаряжение, в частности бронежилеты и оборудование для ночного видения.

Несмотря на все достигнутые результаты в политической сфере, сегодня Тунис оказался зажатым в тисках радикальных исламистских группировок, действующих в Ливии и на границах с Алжиром. Группировка ИГ, укрепившись в Сирии и Ираке, открыла второй фронт в арабском мире – уже на западе, в Магрибе. Впервые представители ИГ появились на ливийской территории в октябре 2014 г., объявив о создании Ливийского эмирата и поставив под контроль ливийский город Дерна. Это новое крыло называет себя «Барка». Вооруженные группы ИГ продолжают захватывать новые территории в Ливии, продвигаясь к границам с соседним Тунисом. Тунисская Республика одной из первых испытывает на себе новый, более жесткий натиск экстремизма. Так, тунисские террористы, члены ИГ, взяли на себя ответственность за громкие убийства прогрессивных деятелей Ш. Белаида и М. Брахми в Тунисе в 2013 г. Настоящими ударами по молодой тунисской демократии и экономике страны, в которой туризм является одной из основных отраслей, стали жестокие террористические акты 18 марта в Национальном музее Бардо и 26 июня 2015 г. в курортном городе Суссе. Ответственность за них также взяла на себя организация «Исламское государство».

После достижения политической стабильности тунисские власти начали предпринимать активные усилия по возвращению в республику мировых инвесторов и бизнеса. До революции в стране работало более 600 иностранных компаний, которых привлекали стабильность и предсказуемость местной экономики, наличие у Туниса соглашений с африканскими государствами, упрощающих движение товаров на африканском континенте, а также географическая близость к Европе. По окончании протестов в ходе «арабской весны» экономика Туниса вышла на устойчивые темпы роста. Обществом внешнеэкономической деятельности ФРГ Тунис был приравнен к рынкам с наиболее перспективными инвестиционными возможностями для немецких компаний, таким как Монголия, Перу, Мексика, Словакия, Индонезия и Норвегия⁷. В России также высоко оценивают перспективы экономического роста арабского партнера: в сентябре 2014 г. РФ дала принципиальное согласие предоставить Тунису заем в размере 500 млн долл. на выгодных условиях⁸.

Политические изменения в Тунисе и необходимость корректировки внешней политики Российской Федерации в связи с негативными последствиями взаимных экономических санкций РФ и Запада открывают новые возможности для развития сотрудничества двух стран. Оно опирается на прочный фундамент доверия

и дружбы, заложенный несколько десятилетий назад. Поддержка Советского Союза оказала положительное влияние в деле предоставления независимости Тунису в 1956 г. и способствовала дальнейшему развитию дружественных отношений. Основными направлениями сотрудничества являлись гидротехническое строительство и подготовка кадров на базе Национального технического института с участием советских преподавателей. Объекты, построенные в Тунисе при содействии СССР, сыграли важную роль в увеличении сельскохозяйственного производства. При участии СССР, а впоследствии России разработана и реализуется Генеральная схема использования стока вод Севера Туниса для водоснабжения столицы и южных районов страны. ВО «Сельхозпромэкспорт» подготовило проектную документацию и до 2006 г. осуществляло авторский надзор за строительством ряда крупных гидроузлов (Джумин, Седженан, Гезала, Сиди эль-Барак)⁹. Еще одно направление сотрудничества связано с развитием здравоохранения Туниса – работой советских, а затем и российских врачей по контрактам в тунисских государственных госпиталях и больницах. С 1996 г. ГП ВО «Здравэкспорт» имеет в Тунисе свое представительство, в 30 населенных пунктах страны работает более 150 российских врачей различных специальностей¹⁰.

Российская и тунисская стороны считают, что имеется большой потенциал для стимулирования торговых отношений. В российском экспорте преобладают сырьевые товары, прежде всего нефтепродукты (52 %). Кроме того, в Тунис поставляются пиломатериалы, бумага, целлюлоза, аммиак, отдельные виды станков и сельскохозяйственного оборудования. Тунисская сторона неоднократно высказывала озабоченность несбалансированностью товарооборота. Так, например, во время переговоров министров иностранных дел двух стран в сентябре 2014 г. М. Хамди отметил: «Товарооборот пока не соответствует нашим ожиданиям, однако есть возможности для укрепления данного сотрудничества»¹¹.

Последовавший за революцией 2011 г. в Тунисе экономический спад и политическая нестабильность в определенной степени сказались на объеме взаимной торговли: если в 2011 г. он составлял 1,347 млрд долл., то в 2013 г. только 682 млн долл.¹² Однако в 2014 г., несмотря на сложности постреволюционного периода, товарооборот вырос относительно 2013 г. на 44 %, составив 1,072 млрд долл. Российский экспорт в Тунис в 2014 г. увеличился до 1,050 млрд долл., что на 75 % превышает показатель 2013 г. Наибольший рост наблюдался в поставках жиров и масел животного и растительного происхождения, черных металлов и органических

химических соединений¹³. Вместе с тем структура российского экспорта не изменилась: на 59 % это углеводороды и их производные, 13 % – металлы и металлоизделия, 9,8 % – соль, сера, известь, цемент, 4 % – сельхозпродукция, остальное – лес, изделия из древесины, удобрения¹⁴.

В рамках визита в Россию в сентябре 2014 г. министр торговли Туниса Н. Харруш и министр сельского хозяйства Л. Лашааль провели встречу с вице-президентом Торгово-промышленной палаты РФ Г. Петровым. В условиях взаимных экономических санкций стран Запада и России первоочередной задачей было названо развитие российско-тунисских отношений в области сельского хозяйства. Стороны подчеркнули, что у тунисских поставщиков появилась прекрасная возможность расширить свое присутствие на российском рынке. Тунис способен заместить ряд товаров, которые Россия обычно закупала в Европе, например оливковое масло. «Мы готовы поставлять в Россию продукты, которые она не получает от стран ЕС», – заявил министр иностранных дел Туниса М. Хамди. Тунис ежегодно отправляет в Европу порядка 200 тыс. тонн сельхозпродукции, в Россию – около 18 тыс., то есть резерв роста налицо¹⁵. Принято решение о значительном увеличении поставок тунисского оливкового масла, а также ряда других продуктов. По словам М. Хамди, это позволит не только укрепить торговое сотрудничество двух стран, но и ликвидировать его дисбаланс. Стороны пришли к общему мнению о необходимости снижения налоговых пошлин на ввоз тунисских товаров¹⁶.

Позитивным фактором для развития двусторонних отношений является желание Туниса присоединиться к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), что позволит республике диверсифицировать экспорт, который в настоящее время ориентирован в основном на Европу, и торговать с РФ и странами ЕАЭС на более выгодных условиях. Тунис готов поставлять в Россию кроме традиционного оливкового масла финики, свежие овощи и фрукты, сыры, мясо птицы, сардины, молочную продукцию. Участие в ЕАЭС также позволит Тунису привлекать инвестиции из стран Союза.

Действенными инструментами выработки новых форматов двустороннего взаимодействия и конкретных механизмов реализации достигнутых договоренностей стали Российско-Тунисская межправительственная комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству (РТМК), созданная в 1999 г., и Российско-Тунисский деловой совет. В мае 2014 г. РТМК провела в Тунисе пятое заседание в рамках Российско-Тунисского делового форума. Представители бизнеса двух стран определили в качестве

перспективных направлений сотрудничества освоение водных ресурсов Туниса и гидротехническое строительство, инфраструктурные проекты в сфере строительства дорог, мостов, промышленных объектов, поставки российской техники тунисским строительным компаниям, проведение геологоразведочных работ, строительство горно-обогатительных предприятий. Тунисская сторона представила на рассмотрение российским коллегам в качестве возможных сфер для инвестиций и сотрудничества проекты строительства контейнерного терминала в морском порту Радес и глубоководного порта в Энфиде, проект развития свободной экономической зоны в Бизерте, включающий модернизацию и расширение порта, строительство причала для яхт, набережной и жилого комплекса. Представители ЗАО «Росэкология» и тунисского предприятия «Sfaxi Moules» обсудили вопросы поставки в Тунис листовых полимерных материалов для организации российско-тунисского производства локальных систем очистки бытовых и коммунальных вод. Привлекательной сферой сотрудничества может стать разработка минерально-сырьевой базы Туниса, в особенности месторождения фосфатов Сра-Уэртэн в провинции Кеф. Российские компании проявляют интерес и к реализации инфраструктурных проектов – прокладке железнодорожных путей и формированию железнодорожного кластера, строительству сети автодорог. Еще до начала «арабской весны» тунисским правительством был утвержден план строительства к 2020–2023 гг. АЭС мощностью 900 МВт. «Росатом» выразил готовность к диалогу на предмет разработки проектов строительства. В апреле 2010 г. российская делегация провела в Тунисе Дни российских ядерных технологий. В 2015 г. между РФ и Тунисской Республикой был подписан меморандум о сотрудничестве в области мирного атома. Документ закладывает основу для взаимодействия сторон по широкому спектру вопросов: строительство и эксплуатация ядерных реакторов, фундаментальные и прикладные исследования, использование изотопов в промышленности, медицине и сельском хозяйстве, подготовка специалистов в области ядерной физики и энергетики¹⁷.

Таким образом, невзирая на политические катаклизмы в Тунисе, за последние годы России удалось наладить активное сотрудничество с этой весомой страной Магриба. «Тунис – проверенный временем партнер Российской Федерации в регионе Северной Африки и Ближнего Востока. Мы приветствуем продвижение политических преобразований в дружественной нам стране. Уверены, что это поможет еще более активно развивать наши двусторонние связи», – подчеркнул министр иностранных дел РФ С.В. Лавров¹⁸. Для

будущего этих взаимоотношений особенно важно, что постепенно на первый план выходит сотрудничество в области современных технологий и инвестиционной деятельности. Региональные трансформации 2011–2014 гг., несмотря на рост политических рисков и возникновение очагов политического хаоса, открыли России новые возможности для продвижения в странах Магриба. Расширяя свое присутствие в Северной Африке, в Средиземноморье, РФ имеет шансы стать важным игроком в условиях нового баланса сил в регионе, усилить свое влияние на формирование нового облика международных отношений, более эффективно противостоять главной угрозе современности – международному терроризму.

Примечания

- ¹ Видясова М.Ф., Гасанбекова Т.И. Двудликий Янус умеренного исламизма. М.: ИССА МГУ, 2013. С. 96–100.
- ² Видясова М.Ф., Гасанбекова Т.И. Катаклизмы в арабском мире, год четвертый: Новые конституции Туниса и Египта. М.: ИСАА МГУ, 2014. С. 30–32.
- ³ Посол: Тунис показал пример мирного перехода к демократии // Dailynewslight. 2014. 19 ноября. [Электронный ресурс] URL: <http://dailynewslight.ru/?u=191120142428> (дата обращения: 20.11.2014).
- ⁴ Лавров прибыл в Тунис с рабочим визитом // Newsland. 2014. 4 марта. [Электронный ресурс] URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1332772> (дата обращения: 17.11.2014).
- ⁵ Карта показывает расположение ИГИЛ от Алжира до Афганистана // Sivilink. 2015. 1 марта. [Электронный ресурс] URL: <http://sivilink.ru/igil-ot-alzhira-dofghanistana/> (дата обращения: 25.03.2015).
- ⁶ О переговорах министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова с министром иностранных дел Тунисской Республики М. Хамди // МИД РФ. 2014. 2 сент. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/maps/tn/-/asset_publisher/YE8L4Vxg8LkI/content/id/672233 (дата обращения: 25.03.2015).
- ⁷ Берг И.С. Инвестиционные шансы германского бизнеса в Тунисе // Институт Ближнего Востока. [Электронный ресурс] URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/22-02-12b.htm> (дата обращения: 30.01.2015).
- ⁸ Тунис: Российский кредит в US \$ 500 млн и соглашение с Москвой // Российско-Арабский деловой совет. 2014. 15 сент. [Электронный ресурс] URL: http://www.russarabbc.ru/rusarab/index.php?ELEMENT_ID=33558 (дата обращения: 25.05.2015).
- ⁹ Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 563. Оп. 11. П. 11. Д. 4. Л. 84; Оп. 20. П. 20. Д. 13. Л. 27–34.
- ¹⁰ Там же. Оп. 17. П. 17. Д. 10. Л. 20–25.

- 11 О переговорах министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова с министром иностранных дел Тунисской Республики М. Хамди...
- 12 Тунис: обзор рынка, российский экспорт, торговый оборот за 2014 год // Экспортеры России: Единый информационный портал. 2015. 28 апр. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/2159/> (дата обращения: 21.08.2015).
- 13 Россия в 2014 году увеличила поставки в Тунис на 75 % // Все о таможене. 2015. 12 мая. [Электронный ресурс] URL: <http://www.tks.ru/news/nearby/2015/05/12/0005> (дата обращения: 12.05.2015).
- 14 Тунис: обзор рынка, российский экспорт, торговый оборот за 2014 год...
- 15 Тунисские сельхозпроизводители готовы увеличить экспорт своей продукции в Россию // polpred.com. Новости. Тунис. Агротром. 2014. 16 сент. [Электронный ресурс] URL: <http://polpred.com/?cnt=159&ns=1&sector=22> (дата обращения: 21.09.2014).
- 16 О переговорах министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова с министром иностранных дел Тунисской Республики М. Хамди...
- 17 В Тунисе хотят, чтобы атомную станцию им построила Россия // Электровести. 2015. 20 июля. [Электронный ресурс] URL: http://elektrovesti.net/40506_v-tunise-khotyat-chtoby-atomnyu-stantsiyu-im-postroila-rossiya (дата обращения: 19.08.2015).
- 18 *Студнева Е.* Россия и Тунис против двойных стандартов в борьбе с терроризмом // Международная жизнь. 2014. 3 сент. [Электронный ресурс] URL: <https://interaffairs.ru/news/show/11717> (дата обращения: 03.12.2014).

РАЗВИТИЕ АРМИИ ЕГИПТА В ПЕРИОД 1920–1940-х гг.: ОТ НЕЗНАЧИТЕЛЬНОЙ СИЛЫ ДО КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО ИГРОКА

Статья посвящена развитию института египетской армии в период от обретения Египтом политической самостоятельности в 1922 г. до конца 1940-х гг., когда военная карьера стала считаться достаточно престижной среди среднего слоя и интеллигенции и когда выходцы из армейской среды сформировали движение «Свободных офицеров», в состав которого вошли будущие руководители Египта.

Ключевые слова: Египет, Великобритания, армия, Братья-мусульмане, Свободные офицеры, Гамаль Абдель Насер.

28 февраля 1922 г. британское правительство приняло Декларацию об отмене британского протектората над Египтом и провозглашении независимого королевства Египет, которое стало конституционной монархией во главе с бывшим султаном, который стал королем, Фуадом I. В 1923 г. появилась Конституция, предусматривающая создание двухпалатного парламента. В январе 1924 г. прошли первые парламентские выборы. Однако, несмотря на провозглашение независимости, четыре немаловажных аспекта оставались в ведении британского правительства. Одним из этих аспектов была оборона Египта против любой иностранной агрессии или вмешательства, прямого или косвенного¹. Таким образом, военные силы оставались под управлением Великобритании, что было подкреплено остальными аспектами (безопасность путей сообщения британской империи, защита иностранных интересов в Египте и суданский вопрос). Это означало, что самостоятельность действий Египта, в том числе в том, что касалось его армии, была существенно ограничена.

В скором времени египетской стороной стали предприниматься попытки повлиять на эту ситуацию. Национальное правительство

партии «Вафд», избранное в 1924 г., настояло на законодательном уменьшении количества британских офицеров, контролирующих армию. Кроме того, в ноябре того же года произошло убийство сирдара Ли Стэка, главнокомандующего египетской армией, который олицетворял собой британское военное присутствие. Покушение на сирдара повлекло за собой ряд серьезных последствий для Египта, среди которых был крах вафдистского правительства, отставка лидера партии «Вафд» Саада Заглуля, усиление власти короля и обострение отношений с Великобританией. Лидеры последующих правительств придерживались умеренной тактики, пытаясь убедить Великобританию понизить статус своих сил до военной миссии. Эти действия не были безуспешны: британцы изменили титул сирдара на генерального инспектора, и было уменьшено количество офицеров-англичан: теперь одной боевой единицей командовал только один британский офицер.

До 1936 г. египетская армия находилась под контролем Великобритании. Она была отделена от политической власти и представляла собой скорее род полиции. Военная карьера считалась достаточно престижной, но она не рассматривалась как путь к государственной власти. В 1936 г. Военную академию впервые открыли для египтян². На то у англичан были причины, поскольку приближалась Вторая мировая война, и британские военнослужащие были востребованы за пределами Египта.

Значимые изменения произошли в 1936 г., когда было заключено англо-египетское соглашение, в соответствии с которым Египту передавалось руководство его военными силами, однако англичане оставили 10 000 человек в зоне Суэцкого канала и Британия оставляла за собой право оккупировать Египет в случае международного кризиса. Египетская армия по-прежнему зависела от Великобритании в плане подготовки кадров. В январе 1937 г. англичане прислали свою военную миссию, в состав которой вошли 32 офицера и унтер-офицера. К 1939 г. миссия была расширена до 51 офицера и 98 унтер-офицеров. Взамен египетские офицеры получили право проходить обучение в британских военных академиях. В 1937 г. с помощью Великобритании в армии были созданы школы подготовки офицеров в следующих областях: артиллерия, бронетанковые войска, легкие вооружения и военная инженерия. Был также основан штабной колледж, в который был зачислен первый поток кадетов в октябре 1938 г. Кадеты этого потока стали выпускниками в следующем июне. К 1944 г. через колледж прошли семь выпусков, каждый приблизительно по 20 студентов. К 1947 г. в армии было уже 188 штабных офицеров³.

1930-е гг. стали особой эпохой для армии в современной истории Египта. Сменяющие друг друга египетские правительства увеличили военный бюджет и расширили ряды военных на всех уровнях. В 1936 г. вооруженные силы состояли из 398 офицеров и 11 991 унтер-офицеров и рядовых. По прошествии нескольких лет эти цифры достигли 982 и 20 783 соответственно. С тем чтобы увеличить офицерский корпус, высшее командование удвоило число приема в военную академию с 150 до 300 кадетов и уменьшило период обучения с двух лет до одного года. Таким образом, египетская армия начала укрепляться и набирать силу, чтобы вскоре стать одним из основных институтов египетского общества.

Те, кто впоследствии стал основателями движения «Свободных офицеров», и большинство его внутреннего основного состава поступили в академию в 1937–1939 гг. В первом выпуске были будущие руководители Египта – Насер и Садат. Большинство кадетов были одного возраста и происхождения, представляя слой госслужащих, мелких землевладельцев, однако были и те, кто происходил из более обеспеченных семей. Абдель Латыф аль-Багдади и Абдель Хаким Амер были сыновьями деревенских нотаблей. Отец Хусейна аш-Шафии был архитектором, а его тесть – мэром г. Танта. Отец Сарвата Укаша был офицером. Двоюродные братья Закария и Халед Мохиддин происходили из семьи, которая владела землей в дельте Нила. Поступить в военную академию стоило 60 египетских фунтов, что было недешево даже для людей со средним доходом (средний доход выпускника университета составлял в то время 8 египетских фунтов)⁴. По словам исследователя Елиезара Беери, они происходили «по большей части из благополучных семей, некоторые из обеспеченных и более высоких классов, некоторые из средних и более низких классов. Большинство происходило из семей, чьим доходом были зарплаты; многие происходили из семей, чьи доходы давала рента, особенно за землю; многие другие из семей, члены которых относились к свободным профессиям; только некоторые происходили из семей капиталистов, промышленников и бизнесменов. Не было офицеров, которые были членами высшей египетской социальной «аристократии»; также не было никого из сельских и городских народных масс»⁵. Член «Свободных офицеров» Ахмад Хамруш, анализируя сферы деятельности отцов тридцати пяти офицеров, утверждал, что из них было девять государственных чиновников, восемь землевладельцев, три офицера, три деревенских нотабля, три инженера, два судьи, два юриста, два бизнесмена и по одному учителю, журналисту и политику⁶.

Таким образом, военная карьера становилась новой альтернативой для средних слоев. По данным американского журнала «Американ Политикал Сайнс Ревью», преподаватели и адвокаты, которых не устраивали перспективы в их областях деятельности, выбирали военную карьеру и поступали в военные учебные заведения, в том числе в штабной колледж. Примером этого стал Мухаммед Нагиб, который был далеко не единственным из числа бывших юристов⁷.

В это время англичане носили египетские воинские звания, такие как «паша» и «бек», однако это не прибавляло им значимости в глазах египетских военных. В своей книге «Мое слово для истории» первый президент Египта Мухаммед Нагиб вспоминает эпизод, когда он, возвращаясь из Судана, где он служил, в отпуск в Каир, неожиданно встретил британского офицера, который спросил его, почему он не отдал ему воинское приветствие, на что Нагиб ответил ему, что «мы находимся на пути революции против англичан, и, если я отдам тебе военное приветствие, это станет позором для меня»⁸.

После начала Второй мировой войны армия вновь стала предметом разногласий между египетским правительством и британской администрацией. Нежелание премьер-министра Али Махира объявлять войну Германии привело к его отставке в июне 1940 г., инициированной англичанами. В октябре англичане надавили на короля Фарука, настаивая на увольнении известного своими националистическими взглядами генерала Азиза аль-Мысри, и приказали египетским войскам покинуть стратегически важные позиции вдоль границы с Ливией и побережья Средиземного моря в Александрии, а также сдать оружие и оборудование британской армии. После своего прихода к власти в 1942 г. партия «Вафд», постепенно приобретающая репутацию союзника англичан, уволила еще одного известного офицера Абдель Рахмана Аззама, посадила Али Махира под домашний арест и арестовала бывшего при Махире министром по делам войны Салиха Харба⁹.

После окончания войны британские войска ушли из зоны Суэцкого канала, в то время как сменяющие друг друга египетские правительства принимали меры по расширению и модернизации армии. В 1947 г. правительство Нукраши отменило систему «бадаль», которая представляла собой плату, которую вносили те, кто был годен к военной службе, однако не хотел служить в армии. В годы войны 40% тех, кто мог служить, пользовались этой системой, в результате качество армии ощутимо страдало – 90% всех призванных на военную службу были неграмотными, и в рядах военных была

распространена преступность¹⁰. Также Нукраши предпринял шаги для того, чтобы выдворить британскую миссию. В апреле 1947 г. он отправил делегацию в США, чтобы изучить возможности для закупки вооружений и подготовки прибытия американской военной миссии. В 1951 г. вафдистское правительство, не информируя об этом Великобританию, отправило еще одну миссию в Европу.

Вследствие происхождения из средних слоев, патриотических взглядов и хорошей репутации офицеров называли «интеллигенция в хаки»¹¹. Они росли, вращаясь в беспокойной атмосфере 1930-х гг. и принимая со школьных лет активное участие в демонстрациях. В среде, которая их окружала, существовали различные идеологии, среди которых были египетский национализм, исламизм и в меньшей степени арабизм: «У офицеров-националистов не было никаких партийных или политических связей... мы все плыли с потоком национализма»¹². Они не были привязаны к одной определенной идеологии, что стало позитивным фактором в успешной деятельности движения, поскольку предотвращало разобщенность. Для мощной ассоциации «Братьев-мусульман» они были небольшой подгруппой. Левые силы повлияли на них в плане восприятия идей социальной справедливости. Также в их взглядах присутствовали ноты парламентской системы, к которым исторически апеллировала партия «Вафд». В таких условиях «Свободные офицеры» выглядели приемлемо для всех политических сил, которых не устраивала текущая ситуация, и они могли присоединять к своим рядам сторонников из всех оппозиционных режиму групп.

Ассоциация «Братьев-мусульман» оказала большое воздействие на становление мировоззрения офицеров. По словам некоторых египетских авторов, ассоциация в 1945–1949 гг. имела достаточно сил, чтобы «руководить движением народа в Египте»¹³. По свидетельству французского писателя Роже Вайана, который находился в Египте в то время, египетская армия почти полностью находилась под влиянием «Братьев-мусульман»¹⁴. В 1940-е гг. «Братья-мусульмане» пополнили свой состав представителями офицерского класса: в 1943–1944 гг. к ним присоединились будущие «Свободные офицеры», Насер и его единомышленники. Представление о будущем страны не вызывало сильных противоречий у «Братьев-мусульман» и «Свободных офицеров». Оно включало в себя актуальные идеи национализма и социальной справедливости с тем лишь отличием, что «Братья-мусульмане» апеллировали к исламской доктрине, которая могла внушить доверие большинству населения страны. В отношении основной цели и миссии также не возникало противоречий, поскольку она была очевидной и заклю-

чалась в «полной эвакуации иностранных войск и единстве долины Нила»¹⁵. Большинство лидеров будущих революционных событий, в том числе Насер и Нагиб, принадлежали к так называемым «мусульманским секуляристам» – слою, который включал в себя «военную интеллигенцию» и некоторые сегменты национальной буржуазии¹⁶. В их представлении развитие Египта зависело от продолжения социальной, политической и экономической модернизации, с тем чтобы страна стала «здоровым современным государством, экономически развивающимся, с высокими жизненными стандартами и светской властью»¹⁷. «Мусульманские секуляристы» разделяли концепции, альтернативные традиционному исламскому консерватизму, такие как отделение религии от политики. Люди, входившие в состав «Братьев-мусульман» и «Свободных офицеров», имели очень схожие представления о том, в каком направлении должна двигаться страна.

Армия стала той средой, где появилось движение «Свободных офицеров». Данные относительно времени создания движения разнятся. По словам Садата, уже в начале 1939 г. офицеры, служившие в Манкабаде, «основали секретное революционное общество, посвященное задаче освобождения»¹⁸ благодаря действиям Насера, который инициировал формирование нового движения. По другим данным, это произошло значительно позднее, зародившись в 1942 г., проведя первое организованное заседание в 1944 г. и приняв более серьезную упорядоченную форму в конце 1949 г.

В начале 1942 г. египетское правительство под руководством Хусейна Сирри прекратило отношения с французским правительством Виши. Это произошло по настоянию Великобритании. В это время король Фарук был в отъезде, и решение было принято без него. Вернувшись, он потребовал, чтобы министр иностранных дел ушел в отставку. В ответ на это 2 февраля в отставку ушло правительство Хусейна Сирри, что ознаменовало начало политического кризиса. Великобритания опасалась, что король вернет правительство Али Махира, которое будет настроено нейтрально или пронемецки. Британский посол Майлс Лэмпсон направил королю ультиматум, с тем чтобы король сформировал новое, более надежное для Великобритании правительство под руководством лидера «Вафда» Наххаса. Фарук согласился на это, однако написал ответную ноту, в которой выразил протест против «агрессии, направленной на независимость Египта»¹⁹. Лэмпсон решил действовать немедленно и направил батальон английских войск к королевскому дворцу Абдин. Для египтян эти события стали очередным свидетельством национального унижения. Насер, так же, как и другие офицеры,

воспринял это событие как оскорбление для своей страны. Нагиб в знак протеста отправил письмо о своей отставке, которую король не принял²⁰. После этих событий развитие движения «Свободных офицеров» перешло на новый уровень.

Что касается качества египетской армии, в целом оно оставалось невысоким. Британские аналитики полагали, что египетская армия способна выполнить оборонную функцию, однако неспособна к наступательной кампании²¹. Это проявилось в первой арабо-израильской войне 1948 г., где арабы потерпели поражение как в военно-политическом, так и в моральном плане, что стало одним из факторов, ускоривших развитие движения «Свободных офицеров». Когда Насер вернулся с войны, он стал реорганизовывать свою секретную организацию. В это время впервые появилось название «Свободные офицеры»²². Был сформирован исполнительный комитет, в состав которого вошли десять офицеров. В октябре 1949 г. было решено провести переворот в течение пяти лет.

Таким образом, за период, охвативший около тридцати лет, армия прошла путь развития от слабоорганизованной силы, находящейся под полным контролем англичан, до игрока, претендующего на участие в политической жизни страны. Военная карьера стала считаться более престижной среди представителей среднего слоя. К концу 1940-х гг. оппозиционное движение «Свободных офицеров» приобрело потенциал, достаточный для того, чтобы планировать изменения в политической ситуации в Египте.

Примечания

¹ *Marsot A. A history of Egypt: from the Arab conquest to the present. L.: Cambridge Univ. Press, 2007. P. 97.*

² نجيب م. كلمتي للتاريخ. القاهرة: المكتب المصري الحديث، 2011. ص. 16.

³ *Gordon J. Nasser's Blessed Movement Egypt's Free officers and the July Revolution. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1992. P. 41.*

⁴ *Ibid. P. 42.*

⁵ *Be'ery E. Army officers in Arab politics and society. N.Y., 1970. P. 316–319, 496.*

⁶ *Gordon J. Op. cit. P. 42.*

⁷ *Мурский Г.И. Армия и политика в странах Азии и Африки. М., 1970. С. 13.*

⁸ نجيب م. كلمتي للتاريخ. القاهرة: المكتب المصري الحديث، 2011. ص. 7.

⁹ *Gordon J. Op. cit. P. 41.*

¹⁰ *Ibid. P. 42.*

¹¹ *Ibid. P. 43.*

¹² نجيب م. كلمتي للتاريخ. القاهرة: المكتب المصري الحديث، 2011. ص. 9.

- ¹³ شوكي م. الاخوان المسلمون والمجتمع المصري. القاهرة، 1954. ص. 23.
- ¹⁴ *Vaïan P.* Что я видел в Египте. М.: Изд-во ин. лит., 1953. С. 52.
- ¹⁵ *Wilton W.* Nasser of Egypt: the search of dignity. Cambridge [Mass], 1959. P. 25.
- ¹⁶ Египетская национальная буржуазия начала формироваться вследствие притока иностранного, в первую очередь, английского капитала после событий 1882 г.; дополнительный импульс к развитию буржуазия получила после 1931 г., когда в качестве уступки Великобритании ввела новый таможенный тариф, призванный защитить египетскую промышленность и торговлю от конкуренции.
- ¹⁷ *Harris C.P.* Nationalism and revolution in Egypt: the role of the Muslim brotherhood. The Hague: Mouton and Co, 1964. P. 95.
- ¹⁸ *Ibid.* P. 49.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 54.
- ²⁰ *Stephens R.* Nasser: a political biography. L., 1971. P. 56.
- ²¹ *Gordon J.* *Op. cit.* P. 43.
- ²² *Stephens R.* *Op. cit.* P. 89.

Общественно-политические процессы и социальные коммуникации: теория и методология

А.С. Панов

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ОБРАЗА ОДЕССЫ В РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ РУССКИХ И АМЕРИКАНЦЕВ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

В статье рассматривается образ Одессы в репрезентациях американских и русских путешественников, побывавших в городе в первой трети XIX в. На ментальной карте России крупнейший порт недавно образованной Новороссии предстает младшей сестрой столицы империи – Санкт-Петербурга, – открывающей второе окно в Европу на Юге. Подобное представление в зависимости от политических и историософских установок русских и иностранных современников формирует двойственную природу восприятия города. Особый интерес в этой связи представляет видение Одессы американскими путешественниками, только начинающими в XIX в. «изобретать» образ русского «Другого».

Ключевые слова: российско-американские отношения, имагология, ментальная география, ориентализм, имперское пространство, модернизация.

«Не судите Одессу как русский город. Это разноплеменный рынок, где выгода соединила людей из разных мест в одно общество. Этот город – явление искусственное, но, однако же, не насильственное, как Петербург. Это город, весь созданный из иностранных элементов, связанных довольно дружелюбно русским цементом», – так писал в письме о столице Новороссии публицист, поэт и славянофил Иван Сергеевич Аксаков в 1848 г.¹ Еще одно его высказывание, уже 1855 г., логически продолжает эту мысль: «Одесса город не русский <...>, город, созданный барышом, город, во многих отношениях производящий то же впечатление, как и Петербург»².

Несмотря на то что эти два высказывания Аксакова относятся к чуть более позднему периоду, они очень точно передают то, как русские интеллектуалы первой половины XIX в. воспринимали Одессу. Для них она во многом была младшей сестрой столицы Российской империи – Санкт-Петербурга, и это легкообъяснимо. У двух городов схожая судьба: на их месте когда-то была почти пустота – рыбацкие деревеньки, окруженные просторами степей или лесов, – но по воле правителей береговая линия покрылась гранитом и каменными домами. Если петровская столица России символизировала вхождение страны в сонм европейских держав Севера, то Одесса стала своеобразным ключом империи к Югу и важной частью наследия Екатерины II, второго великого правителя XVIII в.

Проблема восприятия Одессы, и косвенно Санкт-Петербурга, современниками может быть рассмотрена еще в одном измерении: культурно-цивилизационном. Имперская столица была главным экспонатом успеха европейского модернизационного проекта послепетровского времени. И если одних представителей интеллигенции, либералов и западников, примеры Петербурга и Одессы вдохновляли и заставляли с надеждой смотреть в европейское будущее страны, то для других эти два города являлись горькими признаками продолжающейся деградации нации, отвернувшейся от своих корней ради «гнилого Запада»³. «...От людей так и несет холодом. Русского радушия и слыхом не слыхать, не то чтобы видом повидать. Да и как существовать ему, этому свежему, теплему, святому чувству, в городе, населенном преимущественно Евреями и выходцами из Западной, дряхлой, хладеющей и отживающей век свой Европы», – так характеризовал Одессу один из анонимных читателей «Москвитянина»⁴. Ему отвечал другой корреспондент: «Ради Бога, господа, удержитесь от таких юношеских фраз и погодите еще отпевать Западную Европу, когда она, слава Богу, здравствует. Чем виновата эта Европа, что она – не то, что мы»⁵.

Подобная амбивалентность в характеристике образа города характерна не только для внутрироссийских дискуссий, укладывающихся в более широкий контекст споров славянофилов и западников о роли и судьбе России. Привлечение записок иностранных путешественников поможет раскрыть дополнительные контексты, например о представлениях людей того времени о границе между Востоком и Западом и месте России на философской карте мира. Предзнание европейцев и американцев о России в начале XIX в. формировалось под влиянием ориенталистского дискурса, ключевым элементом которого был образ «ширмы» или «фасада». Ведя свою родословную от знаменитых «Потемкинских деревень», он

представлял всю Россию своего рода огромным театром, на сцене которого поставлен спектакль, имитирующий европейский образ жизни, но за кулисами которого сохраняются азиатские (полуварварские) практики⁶.

Анализ образов Одессы в репрезентациях русских и американских путешественников будет опираться на методологию имагологического исследования, позволяющего понять, почему реальное воображается именно так, а не иначе, почему в тот или иной момент времени оказываются востребованы именно эти сюжеты, а не другие, каковы дискурсивные практики конструирования образов «Другого», насколько последние подвижны и т. п.

В статье будут рассмотрены три травелога – два американского и один российского происхождения, – авторы которых побывали в Одессе примерно в одно время – в середине 1830-х гг. Первый из них – Джон Ллойд Стефенс, профессиональный путешественник, издавший несколько книг о своих приключениях в Европе, Африке и Южной Америке. «Случаи в путешествии по Греции, Турции, России и Польше», опубликованные в 1838 г., получили широкое распространение среди читательской аудитории: через две недели после начала продаж готовилось уже третье издание, а всего за год их было шесть. Путешествие Стефенса по России началось в Одессе, после чего он отправился через Киев и Москву в Петербург. Второй американец – Генри Уикофф, также профессиональный путешественник и дипломат, пользовавшийся репутацией авантюриста и ловеласа, что еще раз подтвердили «Воспоминания бездельника», вышедшие в 1880 г. В своем российском путешествии Уикофф следовал в направлении, обратном маршруту Стефенса, – из Санкт-Петербурга в Одессу. Автор российского травелога – Николай Сергеевич Всеволожский, государственный и военный деятель, библиофил и издатель, близкий к пушкинскому кругу. Его «Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Африку и Париж в 1836 и 1837 годах» было впервые опубликовано в 1839 г. В отличие от американцев Н.С. Всеволожский не был профессиональным путешественником. Он сделал типичную карьеру имперского чиновника рубежа XVIII–XIX вв.⁷, проявив себя сначала как военный, а потом как государственный деятель.

Следует отметить, что все три травелога, два из которых были опубликованы непосредственно после завершения путешествий, писались специально для продажи. Для американцев наиболее важно было представить «экзотические» страны и свои приклю-

чения максимально привлекательно, чтобы увеличить продажи. Н.С. Всеволожский же констатировал успех имперского проекта России, конструируя Юг как европейское пространство, противопоставленное азиатской Турции, расположенной по соседству.

Свидетельства американцев об Одессе вызывают большой интерес, так как для многих жителей новообразованных Соединенных Штатов Америки Россия оказалась близка в культурно-историческом плане⁸. Кроме того, страны сближал тот факт, что и для России, и для Америки европейский «Другой» был конституирующим, а для Европы-центра обе страны выполняли функцию полудивилизованной периферии⁹. Одесса же, как и Петербург, напоминала темпами своего роста и экономическим успехом города Новой Англии.

Вот что пишет по этому поводу Дж.Л. Стефенс, предпринявший путешествие в Россию в 1835 г.:

Для американца она [Россия] представляет большой интерес. Действительно, у нее необычная история, но я, побывав в поблекших и состарившихся королевствах Старого Света, был готов к чему-то новому. Как и мы, Россия – новая страна и во многих отношениях похожа на нас. Это правда, что мы начали жизнь по-разному. Россия проторила свой путь к цивилизации из состояния абсолютного варварства, в то время как мы вышли на свет с преимуществом всего блеска Старого Света. Есть еще много тем для сравнения и даже подражания между нами, и нигде во всей России невозможно найти более подходящей темы, чем место моей первой высадки [т. е. Одессы]¹⁰.

Далее Стефенс проводит интересную параллель. Для него Одесса олицетворяет в миниатюре тот путь, который проходит вся Россия: от нескольких рыбацких хижин к прекрасному городу, от страны, покоящейся во тьме и забвении, к блестящему и великому государству:

Нет такой страны, где города появлялись бы из ниоткуда столь быстро и росли бы так стремительно, как наша. В общем и целом, возможно, ничто в мире не может быть сравнимо с нашими Буффало, Рочестером, Цинциннати и т. д. Но Одесса выросла быстрее, чем любой из них, и не имеет ничего общего с внешним обликом ни одного из этих новых городов¹¹.

Примерно о том же размышлял и Г. Уикофф: «История Одессы занята, и ее рождение произошло также не столь давно, как и у американских городов»¹².

В свою очередь Н.С. Всеволожский, как и его американские коллеги-путешественники, тоже удивляется скорости и масштабу роста города:

Одесса, прежде бедная татарская деревенька, Гаджибей, при которой находилось небольшое турецкое укрепление, показалась Адмиралу О.М. де Рибасу удобным местом для построения города и пристани. <...> Но до восшествия на престол Императора Александра I Одесса еще мало подвигалась к цветущему состоянию. [При графе де Ришелье] город со своей стороны застроил пристань, новый и обширный карантин, положил основание огромному собору, католической церкви, госпиталю, театру, словом: почти всем заведениям, которые ныне ставят Одессу наравне с богатейшими городами в Европе¹³.

Для Г. Уикоффа Одесса также предстала западным городом, который будто перенесся сюда из Италии:

На восьмой день мы приехали в Одессу, и я испытывал желание поверить, что по какому-то волшебству мы оказались в маленьком итальянском городке: настолько ароматным был воздух и настолько прекрасным был вид города с его величественными гранитными домами, широкими улицами, богатой листвой и очаровательным променадом на набережной Черного моря, почти такого же прелестного, как Средиземное. <...> Я не мог даже представить себе, что все еще нахожусь в Российской империи, ассоциируемой с холодом, снегом и огромными меховыми накидками даже в теплом октябре. <...> В ней [Одессе] не было ничего или почти ничего русского. Ее жители были по большей части итальянцами или греками, также встречались французы, немцы и англичане¹⁴.

Последняя черта – пестрая интернациональность местного населения – удивляла всех путешественников в Одессе. «Я видел здесь людей всех наций: греков, итальянцев, немцев, французов, жидов (их здесь много), армян и толпу украинцев, отдыхающих между волами и фурами своими на площадях», – так описывает жителей города Всеволожский¹⁵. Дж.Л. Стефенс, только-только сойдя с корабля для прохождения регистрации, также отмечает эту особенность города:

Нас всех вызывали по одному: капитана, кока, юнгу, пассажиров из салона и палубы, так что никогда, вероятно, стимбот не извергал из себя столь пестрой компании, как наша. В ней были евреи, турки и христиане; русские, поляки и немцы; англичане, французы и итальянцы; австрийцы, греки и иллирийцы; молдаване, валахи, болгары и славяне; армяне, грузины и африканцы, а также один американец¹⁶.

Очевидно, что Стефенса очаровала эта разношерстная компания, проходящая регистрацию в одесском порту: его описание этой процедуры выдает восторг путешественника от того, что в этом миниатюрном вавилонском столпотворении поучаствовал и представитель США. Еще больший восторг у него вызвал русский офицер, «который проводил осмотр и который обращался к каждому на его родном наречии, очевидно, с той же легкостью, будто это его собственный язык»¹⁷.

Эта деталь является для нас чрезвычайно важной, поскольку позволяет еще раз вернуться к более широкой теме: представлений о России и ее месте на карте воображаемой географии. Топос «смешения языков» характерен для западных представлений об Oriente, напоминая о Вавилоне, однако тот факт, что имперский (т. е. правительственный) представитель – офицер – был настолько образован, что, казалось, говорил с каждым на его собственном наречии, свидетельствует одновременно и о просвещенности власти, и о ее *внеположности*. Это, с одной стороны, заставляло западного путешественника проникнуться уважением к ней, а с другой – побуждало игнорировать представителя империи как *истинно русского* и требовало искать подтверждения предзнанию о России как о стране полуварваров.

Так, например, Стефенс, несмотря на постоянный восторг от успеха одесского проекта, напоминающего прогресс городов США, постоянно делает замечания по поводу нравов жителей, обнажающих их «нецивилизованность». В лазарете он отмечает разное отношение людей к знатым господам и беднякам, а также находит странным запрет на чтение Байрона¹⁸. В *первоклассном французском* отеле Одессы постелью ему служит лишь деревянное реечное днище кровати¹⁹. Как ему позднее скажут, гости приносят матрасы и постельные принадлежности самостоятельно. Стефенсу подобные сочетания отсталого и прогрессивного представляются совершенно невероятными, в чем он и признается, говоря о том, «что Россия – это страна аномалий»²⁰.

Одним из эпизодов, еще более подчеркивающих эту *аномальность*, может служить неудачное посещение американцем одесской оперы. С одной стороны, «интерьер театра согласуется с красотой его внешнего вида. Все декорации отвечают самому высокому вкусу. Особенно прекрасны коринфские колонны, поднимающиеся от пола до самой вершины». Но с другой – «опера называлась “Севильский цирюльник”, вся труппа была *полностью* раздета и выглядела настолько *по-варварски*, что я не смог смотреть представление»²¹. Читая это признание Стефенса, поневоле вспоминаются

образы *фасада* и *ширмы*, которые являлись ключевыми компонентами характеристики России как недопросвещенного пространства: несмотря на внешний прогресс страны и ее жителей, где-то внутри все равно остаются элементы той, до-исторической, доевропейской Татарики или Скифии, которые то и дело прорываются наружу через повседневные практики и вкусы.

Проводимые путешественниками параллели с прошлым и в особенности с древнегреческими мифами только подчеркивали амбивалентность восприятия Одессы. Тот факт, что она находилась на берегу Черного моря, издавна ассоциировавшегося с аргонавтами и вход в которое – Босфор – разделял географические (но не для всех воображаемые) Европу и Азию, помогал идентификации города на карте философской географии. Американец Стефенс, отплывая из Стамбула в направлении русского Северного Причерноморья, рисовал ориентальный идиллический образ, где смешались мифы, история и реальность:

Когда узкий проход [Босфора] закрылся за нами, я почувствовал себя входящим в новый мир. Я плыл почти по той же воде, которая когда-то, согласно древним легендам, была смешана с Каспийским морем и покрывала великую восточную равнину *Татарии* и по которой Ясон вместе с доблестными аргонавтами, убив дракона и забрав золотое руно из Колхиды, если те самые легенды были правы (в чем есть сомнение), плыл к великому океану²².

Очевидно, исходя из представлений читателей, Стефенс описывает свое удивление, не найдя русских холодов в Одессе: «Здесь ничего не подтвердило моих предвзятых ожиданий: вместо того, чтобы обнаружить суровый край вечных снегов, мы страдали от изнуряющего жаркого солнца»²³.

Таким образом, предзнание Стефенса о пространстве Российской империи конструировалось исходя из идентификации ее как Оrients (в противопоставлении Цивилизации Запада *Татарии* Востока) или холодного Севера (на основе введенной философами Возрождения ассоциации теплого Юга с интеллектом и культурой, а Севера – с силой и дикостью).

Миф о Ясоне и аргонавтах был важен и для мироощущения Всеволожского во время его путешествия из Одессы в Стамбул.

Мы пошли к Фракийскому Босфору: уже виден был берег Европы. Я заметил, что Азиатская сторона вообще гораздо выше Европейской. <...> Тысячи мыслей и воспоминаний исторических теснились в моем

воображении: я видел, кажется, Язона и знаменитых его сопутников, выплывающих из Босфора Фракийского и утраченных Кианийскими скалами. <...> Я воображал также древних предков наших, смелых норманнов, плывущих на легких и утлых ладьях своих, под предводительством Олега, Игоря, опустошать богатые берега и налагать дань на приведенных в ужас слабых императоров Константинопольских. Железные предки наши как будто указывали путь могущественным наследникам своим.

Воображаемые границы, разделяющие Восток и Запад, у Всеволожского отличаются от тех, которые рисует Стефенс. Если американец не делает особой разницы в культурном измерении между покидаемой им Турцией и Россией – для него обе страны есть часть одного большого, внутренне неоднородного Ориента, – то русский путешественник ясно ощущает, что, отплыв из Одессы, он покидает воображаемую Европу и попадает в Азию, подчиненное отношение которой к России конструируется через реактуализацию легендарной истории о походах первых русских князей на столицу Византии. Идентификация русских как европейцев достигается двумя способами на уровне языка. Во-первых, сам факт превосходства русских над ромеями, наследниками древних римлян, имеющих сакральный статус в череде образов, характеризующих самоидентификацию современных европейцев, формально ставит их на один уровень на воображаемой цивилизационной лестнице с «просвещенными» нациями. После вышеприведенного отрывка из травелога Всеволожский также рассуждает об интересе России к Босфору, теперь уже занятому турками-азиатами. Ее многочисленные военные победы над своим соседом, по мысли путешественника, также свидетельствуют о подчиненном, вторичном положении Турции-востока к России-западу. Во-вторых, именование русских князей «норманнами» апеллирует к североевропейской, а не к азиатской (как это было у Стефенса) теории происхождения русских как народа и России как государства в целом.

Таким образом, что русские, что американские путешественники в первой половине XIX в. в целом отказывались однозначно идентифицировать культурную принадлежность Одессы, несмотря на ее европейский облик и имперское происхождение. Однако американцам Одесса выдавала свое восточное (русское) происхождение «аномалиями», которых не было в истинных западных городах. Ожидание обнаружить пресловутые «аномалии» диктовалось культурным предзнанием о России как стране, только прикрытой

тонким слоем *цивилизации*, под которым можно обнаружить остатки древней страны скифов и татар.

Русские же отказывались принимать Одессу как «свой» город именно потому, что в ней было слишком много иностранного. Она представляла своего рода приятной диковинкой, кусочком итальянской Ривьеры, по удивительному стечению обстоятельств оказавшейся на Черноморском побережье России, не вписывающейся в привычные культурные рамки и застрявшей между Востоком и Западом.

Если русским путешественникам Босфор виделся границей между Европой и Азией, то американским – он лишь напоминал о внутренней неоднородности Ориента. Особенность взгляда на Россию из-за океана первой трети XIX в. заключается в том, что американцы лишь начинали не только «открывать» ее для себя, но и изобретать собственную идентичность, которой требовались свои «Другие». Во многом поэтому и благодаря геополитической обстановке, где обе страны находились на периферии просвещенного мира и не имели пересекающихся интересов, образ России в США становился более позитивным, чем в странах Европы.

Примечания

- 1 Аксаков И.С. Письма к родным: В 2 т. Т. 1: 1844–1849. М.: Наука, 1988. С. 408–409.
- 2 Там же. Т. 2: 1849–1856. М.: Наука, 1994. С. 393.
- 3 См.: Долинин А.А. Гибель Запада: к истории одного стойкого верования // К истории идей на Западе: «Русская идея»: Сб. статей. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 26–76.
- 4 Москвитянин. 1841. № 4. С. 554–555.
- 5 Там же. 1841. № 6. С. 536.
- 6 См.: Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое изд-во, 2004. С. 121–125; Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 205–207.
- 7 См.: Уортман Р.С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 53–93.
- 8 См.: The American Image of Russia. 1775–1917 / Ed. by E. Anshel. N.Y.: Ungar, 1974. P. 118–121; Saul N.E. Distant Friends: The United States and Russia, 1763–1867. Lawrence: University Press of Kansas, 1991. P. 97–102, 117–121.
- 9 См.: Курилла И.И. Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2005. С. 345–347.

- ¹⁰ *Stephens J.L.* Incidents of Travel in Greece, Turkey, Russia, and Poland. Edinburgh: Printed by William and Robert Chambers, 1839. P. 56.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² *Wikoff H.* The Reminiscences of an Idler. N.Y.: Fords, Howard and Hulbert, 1880. P. 231.
- ¹³ *Всеволожский Н.С.* Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Африку и Париж в 1836 и 1837 годах. [В 2 т.] Т. 1. М.: Тип. Августа Семена, 1839. С. 87–90.
- ¹⁴ *Wikoff H.* Op. cit. P. 231.
- ¹⁵ *Всеволожский Н.С.* Указ. соч. С. 93.
- ¹⁶ *Stephens J.L.* Op. cit. P. 54.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Ibid. P. 56.
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Ibid. P. 57.
- ²¹ Ibid.
- ²² Ibid. P. 53.
- ²³ Ibid.

«РЫЦАРИ ЗОЛОТОГО КРУГА»:
КОНСПИРОЛОГИЯ
КАК МЕХАНИЗМ КОНСТРУИРОВАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ЮГЕ США

Статья посвящена роли «Рыцарей Золотого круга» в формировании исторической памяти о Юге США периода Гражданской войны (1861–1865). В исследовании прослеживается создание мифа о тайном ордене как идеологического инструмента в рамках регионального конфликта Севера и Юга и партийного противостояния демократов и республиканцев. В более широком теоретическом плане автор рассматривает проблему формирования исторической памяти нации с помощью конспирологических теорий.

Ключевые слова: «Рыцари Золотого круга», Юг США, Гражданская война 1861–1865 гг., демократы, республиканцы, историческая память, конспирология, теория заговора.

После массового убийства, произошедшего 17 июня 2015 г. в городе Чарлстон, штат Южная Каролина, крупнейшая в мире сеть универмагов “Walmart” решила изъять из продажи всю продукцию с изображением символики Конфедерации, поскольку совершивший преступление националист Дилан Руф выкладывал в социальных сетях фотографии с флагом Конфедеративных Штатов Америки (КША)¹. Власти некоторых южных штатов также потребовали убрать флаг Конфедерации: с автомобильных номеров (Вирджиния), с мемориала погибшим солдатам армии КША (Алабама) и даже исключить его изображение из флага штата (Миссисипи)². В памяти о прошлом сместились акценты. Интерпретация знака³ (коим является флаг Конфедерации) всегда происходит при редуцировании его имплицитных свойств, «то есть при исключении всех других интерпретаций, которые могли бы быть даны тем же самым выражением в каком-либо другом контексте»⁴. Поэтому

преступление Руфа, мотивированное расовыми предрассудками, реанимировало и актуализировало память о Юге США и Гражданской войне в первую очередь как историю расизма при отказе от романтизированных представлений о южных идеалах.

Культурная память всегда является «результатом различных стратегий отбора того, что может стать воспоминанием – то есть различных повествовательных практик, по-иному формирующих личности»⁵. Данный процесс отбора происходит постоянно и активизируется в конкретных исторических обстоятельствах, будучи ответом на вызовы времени. Поэтому историческая память может работать в различных национальных контекстах. Это связано еще и с тем, что идентичность всегда исторична и выстраивается в соответствии с прецедентами прошлого, поиск которых (в случае отсутствия их в аутентичной среде) возможен в других культурах.

Так, к примеру, региональный конфликт в Украине может осмысливаться в контексте опыта Гражданской войны в США⁶. В статье праворадикального характера автор на основании визуального сходства флага КША и флага Новороссии проводит исторические аналогии, в которых Донецкая и Луганская республики предстают американским Югом – экономически отсталым регионом, эксплуатирующим некомпетентную в исторической перспективе олигархическую (равно рабовладельческую) модель развития. На основании проведенных исторических параллелей автор заявляет: «Также непонятно желание главарей “Новороссии” приобщиться к мировому масонству посредством флага Конфедерации. Общеизвестно, что масоны Севера воевали с масонами Юга – две ветви масонерии оспаривали свое главенство в Северной Америке»⁷. Общеизвестным этот факт не является, равно как и достоверным, будучи скорее продуктом конспиративного мышления и исторической выдумкой. Культурная память общества направлена не только на запоминание и кумулятивное накопление знаний, но и на забвение информации. Когда же эти два процесса соединяются (память об одном и забвение другого), рождаются по-своему прекрасные, а порой и ужасные исторические казусы, такие, например, как теории заговора.

В США после ажиотажа вокруг романов Дэна Брауна интерес популярной культуры к конспирологии, тем не менее, постепенно иссякает, хотя прелесть теорий заговора не увядает, продолжая увлекать как скептиков, так и неискушенные массы. Интерес к конспирологии также вызван тем фактом, что теории заговора выполняют важную роль в конструировании информационного поля. В зависимости от социальных, политических и культурных обсто-

ятельств в медиапространстве актуализируются те или иные теории заговора: теория золотого миллиарда Джона Коулмана; множественные вариации семитских заговоров (от жидомасонских до отрицания Холокоста); группа теорий о гомосексуальных планах и многие другие.

В Америке «конспиративизм старше Соединенных Штатов как государства»⁸. Однако активно американский (равно как и европейский) конспирологический маховик стал раскручиваться лишь в XIX столетии, когда теории заговора перестали быть уделом элит и приобрели массовый характер. Дешевая пресса и доступное книгопечатание позволили использовать конспирологию в качестве мощного политического и идеологического инструмента. Если же говорить о масонах, то впервые после Американской революции дискуссия о возможном заговоре вольных каменщиков появилась в конце 20 – начале 30-х гг. XIX в.⁹ Как результат, возникает Антимасонская партия, имевшая ряд успехов на местных выборах, но в силу обстоятельств вынужденная объединиться с антиджексонистами и организовать Партию вигов задолго до открытого конфликта Севера и Юга¹⁰. Масоны не смогли стать актуальным врагом в конкретных исторических условиях, как их противники не смогли представить их таковыми и оказались политически неконкурентоспособными.

Востребованной же оказалась история о «Рыцарях Золотого круга»¹¹, знакомая нам по фильму «Сокровище нации: Книга Тайн». В киноленте, основанной на теориях заговора, «Рыцари Золотого круга» представлены как «группа южан-экстремистов, действующих на Севере с целью подорвать силы Союза»¹². «Рыцари» породили множество актуальных поныне теорий: это и пропажа золота Конфедерации, и убийство Авраама Линкольна, и организация другого тайного общества – Ку-клукс-клана¹³. Исторический опыт Гражданской войны и предшествовавшего ей периода конфронтации Севера и Юга осмысливались в рамках конспиративного мышления, трансформируя историческую память нации.

Здесь следует подробнее остановиться на методологической проблеме корреляции исторической памяти и конспирологических теорий.

На меморативном уровне парадигма исторического процесса создается в соответствии с конспирологическими теориями, поскольку осмысление исторического прошлого коллектива происходит в периоды радикальных социокультурных, политических и экономических изменений (конфликт Севера и Юга США)¹⁴. Запросы современности, обращенные в прошлое, целенаправленно

воздействуют на социальную память и историческое сознание¹⁵. Таким образом, создается искаженный, мифологизированный образ исторического прошлого, направленный против определенной группы общества в целях сохранения собственной идентичности. По мнению Я. Ассмана, дуалистическое деление мира (на «Своих» и «Чужих» и бинарно-оппозиционные их отношения) создает условия, «которые вызывают осознание и интенсификацию исходных структур и тем самым становление коллективных идентичностей»¹⁶. В культурной памяти группы ключевые события, факты истории и личности, оставившие в ней след, вписываются таким образом, что до того «пустое» или несформированное в исторической памяти пространство заполняется смыслом¹⁷.

Конспирологические теории, связанные с трагическим взглядом на историю событий, вбирают актуальные проблемы окружающей действительности и, проецируя их на историческое прошлое коллективной общности, получают новый, требуемый обстоятельствами смысл¹⁸. Как считает М. Хальбвакс, «новая картина, проецируемая на уже известные факты, помогает обнаружить в них немало черт, которые в свою очередь становятся частью этой картины, придавая ей более ясный смысл. Таким образом, память обогащается с чужой помощью, и как только привнесенные в нее извне элементы укореняются, они уже больше не отличаются от остальных воспоминаний»¹⁹.

В этом отношении конспиролог выполняет функцию историка²⁰, в том смысле, что использует аналогичный род предложений – нарративов, содержащих «ссылку, по крайней мере, на два разделенных во времени события, хотя (эти нарративы. – Г. П.) описывают только более раннее из этих событий»²¹. Под вторым, имплицитным событием понимается событие прошлого, которое явилось последствием описанного события и придало ему ретроспективную значимость. Если историк излагает прошлое, глядя на него с временной дистанции и каузально соотнося между собой его разновременные события, то конспиролог определяет описываемое событие последствием неизвестного (выдуманного) эксплицитного события в прошлом. При этом нарративные предложения позволяют избежать различия описания и объяснения²² в (псевдо) историческом повествовании, что важно для мимикрии теории заговора под реальность.

Кроме того, конспирология сама формирует реальность. Теорема Томаса гласит, что если человек определяет ситуацию как реальную, то она реальна по своим последствиям²³. Проще говоря, все, что есть в ментальности, оказывает влияние на реальность.

Еще проще – мысли материальны. Теорема Томаса применима к конспирологии в двух смыслах: первый проявляется в подражательстве теориям заговора и, как следствие, реальном основании тайных организаций (например, создание орденов рыцарей-храмовников и провозглашение себя верховными жрецами Осириса и Изиды); второй заключается в реальных последствиях идеологий теорий заговора, как правило, направленных против меньшинств («Протоколы сионских мудрецов» и последующий европейский антисемитизм привели к Холокосту). Таким образом, можно резюмировать, что, если теория заговора мыслится как реальная, она реальна по своим последствиям как в исторической ретроспективе, так и в исторической перспективе.

История «Рыцарей Золотого круга» начинается в Цинциннати, штат Огайо. Вирджинец Джордж Вашингтон Лэмб Бикли переезжает в Цинциннати в 1851 г. с целью опубликовать рукопись под названием «История поселения и индейских войн округа Тазуэлл». С помощью поддельного диплома врача он устраивается на работу лектором в институт и успешно издает свой исторический очерк²⁴. В это же время он женится на вдове, и его преследует череда неудач. Бикли вступает в нейтивистскую партию²⁵ незадолго до того, как внутренние противоречия отбрасывают «ничего-не-знающих» на периферию политической жизни. Затем Бикли пытается создать в Цинциннати ветвь «Континентального союза»²⁶, но не достигает успеха. Тогда он основывает журнал “The West American Review”, просуществовавший полгода, и пробует основать консервативную газету как ответ на “New York Tribune” Горация Грили, параллельно занимаясь спекуляцией земельных участков. Бикли удается устроиться в компанию по рекламе изобретений и управлению патентами на них в качестве редактора еженедельного издания “Scientific Artisan”. После увольнения с этой должности Бикли вдохновился двумя идеями, первая из которых – организация хорошо оснащенных буровых бригад, а вторая – создание «Рыцарей Золотого круга», что позволило бы дать работу бригадам²⁷.

Флибуэтерская мечта Бикли была порождена экспансионистским духом 1850-х гг., когда Уильям Уолкер предпринял попытку колонизации Никарагуа, а Нарцисо Лопес организовал кампанию по присоединению Кубы²⁸. Бикли полагал, что «Золотой круг» позволит «двигаться вперед и создавать новые колонии, новые рынки и расширять англо-американизм»²⁹ или вовсе колонизировать и окончательно аннексировать «северную Мексику в пользу Соединенных Штатов, как это было в случае с Техасом»³⁰.

Для реализации своей мечты Бикли, по собственному признанию, организовал отделения тайного общества «Рыцарей Золотого круга» в Цинциннати и округе Сайото³¹. Он планировал найти соратников и заработать деньги на членских взносах, но вместо этого влез в долги и не смог собрать команду последователей. Опасаясь быть узанным кредиторами, Бикли изменил имя и внешность. Однако его разоблачили, и он поспешно покинул Цинциннати. В это время «Рыцари» получают огласку в газетах Вашингтона, Балтимора и Нью-Йорка. А в марте 1860 г. Бикли размещает открытое письмо в «Richmond Whig» с призывом собраться всем членам тайного общества и организовать военное отделение³². Но малочисленность последователей вынуждает Бикли отвечать на вызовы времени и трансформировать «Рыцарей Золотого круга» в военный орден, способный дать отпор вторжению северян, способствуя сецессии Юга и исполнению гарантий южных прав.

Однако популярности «Рыцарям» прибавили отнюдь не малоуспешная реклама и популистские лозунги, а попытки разоблачить эту теорию заговора. Двое юнионистов из Кентукки решили выудить информацию о «Рыцарях» у Бикли под предлогом того, что они хотят открыть местные отделения организации, после чего в луисвильском «Daily Journal» было опубликовано пространное разоблачение «Рыцарей»³³. В это же время житель Ковингтона Джозеф Помфри публикует анонимный 47-страничный буклет³⁴, в котором раскрывает все секреты тайного общества, членом которого он-де являлся. Популярность памфлета Помфри подсказала Джеймсу Хайатту, публицисту из Индианаполиса, идею сочинить собственное опровержение³⁵, открывшее новое измерение истории «Рыцарей Золотого круга». Хайатт обвинял их в росте сецессионистских настроений в обществе, аннексии Техаса, развязывании Американско-мексиканской войны и попытке навязать прорабовладельческую конституцию в Канзасе.

Опровержение Хайатта запустило механизм формирования исторической памяти американцев о «Рыцарях Золотого круга». Согласно выдумке автора, тайная организация возникла еще в 1834 г. в Чарльстоне и Новом Орлеане (задолго до официального появления) и представляла собой несколько отделений – клубы южных прав, объединенных убеждением, что Конституция США представляет собой тиранический документ. Организация ставила своей целью наладить работорговлю и завладеть новой рабовладельческой территорией. В 1855 г. разрозненные отделения основывают орден «Рыцарей Золотого круга», устанавливают военные законы и принимают Конституцию. Основной документ

«Рыцарей» предписывал всем членам общества быть едиными в продвижении южных интересов и противодействии аболиционизму с целью приобретения территорий Кубы, Мексики и Никарагуа, а в случае посягательств властей США установить свободное и независимое южное правительство. Кроме противоречий Севера и Юга Хайатт приписал «Рыцарям» участие в партийной борьбе. Публицист утверждал, что с 1858 г. тайное общество пыталось полностью «южанизировать» Демократическую партию, но президент Джеймс Бьюкенен затягивал рассмотрение и принятие законов посредством филибастера³⁶, а многие демократы выступали против возможности штата иметь собственную конституцию, в которой «40 северян были бы равны одному южанину», что в итоге привело к сецессии Юга и началу Гражданской войны³⁷.

Именно этот памфлет сделал «Рыцарей» широко известными, и теорию заговора стали использовать как политический инструмент. К примеру, редактор республиканского издания “Vicusus Journal” утверждал, что члены «Золотого круга» имеют значительное представительство в Демократической партии и «по крайней мере, три ложи существуют в Огайо и готовят государственный переворот»³⁸. Популярность «Рыцарей» побудила республиканцев состряпать «откровения» для дискредитации демократов и влияния на результаты выборов³⁹. Редактор “Democratic Mirror” Томас Ходдер посвящает передовицы издания статьям против президента Линкольна, республиканцев и войны. Возмущенные этим «патриоты» республиканского толка стали угрожать Ходдеру расправой. В ответ на это демократы организовали общество взаимной защиты, не имевшее классических атрибутов тайной организации (у общества не было писаной конституции, отделений, ритуалов; существовал только «сигнал бедствия, когда член организации находился в опасности»)⁴⁰. Перед приближающимися выборами республиканцы подделали документы, трансформировав общество взаимной защиты в одну из лож «Рыцарей Золотого круга», целью которой было убийство Линкольна и взятие Вашингтона армией Джефферсона Дэвиса⁴¹. Кроме того, республиканцы предъявляли другие «доказательства», которые, как утверждалось, были изъяты в ходе рейда против «Рыцарей»: показания шпиона, состоявшего в тайном обществе; несколько писем; списки демократов, участвующих в заговоре; «исповедь» молодого демократа, на хмельную голову растрепавшего все тайны. Между тем разоблачения, основанные на поддельных документах, привели к реальным арестам нескольких людей и породили истерию в обществе. Редакторы, придерживавшиеся республиканских взглядов, обвиняли демократов в орга-

низации и укреплении лож в северных штатах⁴². Тем не менее суд не нашел этому доказательств и все, беспричинно обвиненные в организации заговора, были оправданы. «Эта тайная организация не существует в действительности... и все это дело было выдуманно несколькими нечестными политиками, чтобы повлиять на решение мужчин голосовать против выдвиженцев от Демократической партии»⁴³.

В преддверии апрельских выборов 1862 г. информация о «Рыцарях» вновь становится актуальной. “The Cincinnati Gazette” утверждала, что орден все еще существует и готовит переворот. Слухи о тайном обществе были популярны в Огайо, Индиане, Мичигане, Иллинойсе и Кентукки⁴⁴. Было проведено расследование, в результате которого был сделан вывод, что Джордж Бикли действительно пытался организовать ложу «Рыцарей Золотого круга», но потерпел неудачу. «Все это показывает, что “Рыцари” не имеют никаких корней, а попытка заставить общественность поверить в то, что подобные ложы существуют, является одним из самых порочных и отвратительных обманов, будто война была специально инициирована»⁴⁵.

В 1863 г. три события способствовали возрождению слухов о «Рыцарях Золотого Круга»⁴⁶.

Во-первых, это арест демократа Клементы Валландигэма и суд над ним. В “Dayton Journal” утверждали, что перед своим арестом Валландигэм произвел три выстрела из своего окна, что было условным сигналом для членов «Золотого круга». Этот сюжет распространился по всему Среднему Западу и помог связать в общественном сознании Валландигэма с «Рыцарями»⁴⁷. Кроме того, редакторы-демократы распустили слухи, что тайный орден создал проект по сопротивлению, организации убийства Линкольна и захвату контроля над правительством⁴⁸. В то время как “The Cincinnati Enquirer” пытался убедить своих читателей, что «нет таких лож и нет таких лиц, принадлежащих к ним, и не было найдено, просто потому что их не существует»⁴⁹.

Во-вторых, рейд в Индиану и Огайо генерала армии Конфедерации Джона Моргана породил новые толки о «Рыцарях». После того как бригадный генерал Генри Каррингтон, командующий округом Индиана, не смог перехватить людей Моргана на границе с Огайо, он решил использовать «Рыцарей» в качестве прикрытия собственного безделья и пьянства⁵⁰. Каррингтон утверждал, что рейд конфедератов совпадал с попыткой восстания под руководством «Золотого круга», чем породил популярный в послевоенные годы миф⁵¹.

В-третьих, арест Джорджа Бикли после того, как он вступил в ряды Союза и уклонился от предписаний, вновь актуализировал конспирологическую тему. В начале 1863 г. Бикли прибыл в расположение армии генерала Брекстона Брэгга в качестве хирурга и, отработав до июня, дезертировал. Он поселился в глуши в штате Теннесси, завел вторую жену и ребенка. Армия Союза наступала, и Бикли вместе со своей второй семьей решил пересечь границу фронта. Однако его имя было на слуху, поэтому ему было велено направиться в Цинциннати для дальнейших разбирательств. Но Бикли поехал в Олбани, штат Индиана, где его арестовали и конфисковали весь багаж, содержимое которого доказывало, что он лжец, двоеженец и самозванец. К огорчению республиканцев, пожитки Бикли не содержали никаких официальных писем от КША или Демократической партии, не было и никаких доказательств того, что отделения организации существовали где бы то ни было на Севере или Юге⁵².

Однако разговоры о «Рыцарях» не утихали. В то время когда заключенный под стражу Джордж Бикли, жалуясь на условия содержания в тюрьме, обратился в личном письме к Линкольну с просьбой об освобождении⁵³, пресса обвинила демократа из Цинциннати Сэмюэля Кэткарта в сговоре с тайной организацией с целью освобождения 3500 пленных конфедератов из лагеря Кэмп-Чейз и создании Северо-западной Конфедерации⁵⁴. В 1864 г., когда ажиотаж по поводу «Рыцарей» пошел на спад, в разных штатах все еще продолжали появляться повторяющие друг друга обличения, направленные на дискредитацию демократов с целью повлиять на итоги выборов⁵⁵. После переизбрания Линкольна слухи об ордене вновь появились лишь в связи с его убийством⁵⁶.

Джордж Бикли был освобожден из тюрьмы по амнистии 14 октября 1865 г.⁵⁷ и умер в Балтиморе 10 августа 1867 г.⁵⁸ «Рыцари Золотого круга» остались в истории. Уайтлоу Рид, чья «Cincinnati Daily Gazette» пестрила заголовками об ордене, включил все слухи и домыслы в историю штата Огайо периода Гражданской войны⁵⁹. Другие историки последовали его примеру⁶⁰. Гораций Грили, с чьей газетой пытался конкурировать Джордж Бикли, дополнил миф о «Рыцарях» и окончательно закрепил теорию заговора в историческом дискурсе.

В своем труде по истории Гражданской войны Грили утверждал, что тайный орден «Рыцарей Золотого круга», известный также как «Орден колумбийской звезды», сменил существовавший «Орден одинокой звезды» и якобы претендовал на приобретение территорий Кубы, Мексики и Центральной Америки (и установление

рабства в двух последних), но реально же действовал в интересах Юга с целью сецессии, распространяя сеть отделений по всем южным штатам и некоторым городам Севера. Другие общества, более или менее тайные, были известны как «Осадители», «Комитет бдительности» и «Минитмены»⁶¹ и приняли присягу на верность южным правам. Те же, кто отважился отречься от южных интересов или осудить сецессию как подлинное и высшее средство достижения идеалов Юга, в любом районе, где рабовладельческие взгляды доминировали, были помечены и преследовались как «сторонники Линкольна», «конформисты» или «аболиционисты». Грили обличал насилие и террор южан, направленный на утверждение южных идеалов и унесший жизни тысяч людей, и «обеспечил» правдоподобность собственным историческим изысканиям с помощью избыточных подробностей и ссылок на личный опыт. Публицист, опираясь на достоверность сведений другого историка⁶², приводил в пример одного беглого плантатора из Алабамы, который, будучи рабовладельцем, но родом из северных штатов, едва избежал насильственной смерти, потому что письмо от его родственника из Коннектикута с призывом освободить рабов и возвращаться на Север было перехвачено. Сам же он был обязан вступить в тайное общество «Минитменов» для собственной безопасности и таким образом был принужден помогать в повешении шести северян за их поддержку юнионизма. Кроме того, этот плантатор лично знал, что не менее ста человек были повешены в его округе и в соседнем штате Джорджия в течение шести недель, предшествовавших его побегу в декабре 1860 г.⁶³

Историк Горацій Грили исполнил роль конспиролога и представил «Рыцарей Золотого круга» как факт истории. Стоит подчеркнуть, что публикации, нацеленные на опровержение теории заговора, а также исторические исследования – то есть те тексты, которые призваны отображать действительность и транслировать истинные факты, в итоге способствовали мифологизации «Рыцарей» и искажению исторической памяти нации.

Популярность же «Рыцари» вновь обрели после выхода двух исторических романов середины XX в.: «Медянки»⁶⁴ Уильяма Блейка и «Золотого круга» Констанса Робертсона⁶⁵. Оба романа посвящены «Рыцарям Золотого круга» и идее создания Северо-западной Конфедерации, которая так и не увенчалась успехом. В обоих произведениях подрывная деятельность южан в годы Гражданской войны противопоставляется героизму и отваге солдат Союза. Художественная литература укрепила миф о «Рыцарях» в коллективном сознании американцев. Но именно Цинциннати и Огайо

внесли наибольший вклад в развитие данного мифа: житель Цинциннати Джордж Бикли придумал это тайное общество; в Цинциннати напечатали первое и наиболее влиятельное опровержение; именно республиканцы из Огайо первыми использовали «Рыцарей» против демократов для победы на выборах; огайские газеты постоянно пестрили слухами о новых отделениях организации в штате и их разрушительной деятельности. Север породил теорию заговора, вмененную в вину Югу, зафиксировав ее в исторической памяти американцев.

Примечания

- ¹ Walmart, Amazon, Sears, eBay to stop selling Confederate flag merchandise // CNN. 2015. June 24. [Электронный ресурс] URL: <http://edition.cnn.com/2015/06/22/politics/confederate-flag-walmart-south-carolina/index.html> (дата обращения: 19.02.2016).
- ² *Куприянов А.* Второй разгром Конфедерации: Как южане проигрывают битву за свою историю // Lenta.ru. 2015. 3 июля. [Электронный ресурс] URL: <http://lenta.ru/articles/2015/07/01/battleflag/> (дата обращения: 19.02.2016).
- ³ Под знаком понимается «кодифицированное значение, которое определенный культурный контекст приписывает тому или иному означающему». См.: *Эко У.* Отсутствующая структура: Введение в семиологию. М., 1998. С. 210.
- ⁴ *Эко У.* От древа к лабиринту: Исторические исследования знака и интерпретации. М., 2016. С. 89.
- ⁵ *Demaria C.* Semiotica e memoria. Analisi del post-conflitto. Roma, 2006. P. 43. Цит. по: *Эко У.* От древа к лабиринту... С. 88.
- ⁶ «Новороссия» как отрывка давно проигранной войны // I.ua. 2014. 23 июня. [Электронный ресурс] URL: <http://blog.i.ua/user/5707078/1436882/> (дата обращения: 20.02.2016).
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Эттин Дж.* Теория заговора и конспиративистский менталитет // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 69 // Vivos voco! [Электронный ресурс] URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECCE/CONSP.HTM> (дата обращения: 20.02.2016).
- ⁹ The Proceedings of the United States Anti-Masonic Convention. N.Y., 1830. P. 18–19.
- ¹⁰ См.: *Holt M.F.* The Antimasonic and Know Nothing Parties // History of U.S. Political Parties / Ed. by A.M. Schlesinger, Jr. N.Y., 1973. Vol. 1. P. 575–620.
- ¹¹ The Knights of the Golden Circle (часто сокращают как “K.G.C.” или “KGC”), также в отечественной историографии встречается название «Рыцари Золотого кольца». Под «Золотым кольцом/кругом» понимается символическое обозначение региона, включающего территории Мексики, Кубы и Никарагуа.

- 12 National Treasure: Book of Secrets / Directed by J. Turteltaub Original run: December 21, 2007.
- 13 С «Рыцарями Золотого круга» также связывают организацию Ку-клукс-клана как тайной военной армии ордена, где-то и вовсе утверждается, что эти общества тождественны. Подтверждений тому, что кто-либо из организаторов первого Клана руководствовался опытом «Рыцарей», нет. Это более поздняя фантазия, органично связавшая воедино два тайных общества. В прессе за период с 1865 по 1870 г. (именно тогда существовал первый Клан) «Рыцари Золотого круга» и Ку-клукс-клан упоминаются вместе лишь семь раз и всегда как две различные организации (Indiana American. 1868. June 26).
- 14 *Багдасарян В.Э.* Проблема мифологизации истории в отечественной истории 1990-х гг. М., 2000. С. 11–21.
- 15 *Могильницкий Б.Г.* Историческое познание и историческое сознание // Историческая наука и историческое сознание / Под ред. Б.Г. Могильницкого. Томск, 2000. С. 54.
- 16 *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 144.
- 17 *Schöpfung G.* The Functions of Myth and a Taxonomy of Myths // Myth and Nationhood / Ed. by Hosking G., Schöpfung G., 1997. P. 19–20.
- 18 *Яблоков И.А.* Теория заговора и современное историческое сознание (на примере американской исторической мысли: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010. С. 60.
- 19 *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 20.02.2016).
- 20 В связи с этим определенную трудность представляет проблема различения научных и псевдоисторических работ.
- 21 *Данто А.* Аналитическая философия истории. М., 2002. С. 139.
- 22 Там же. С. 232.
- 23 *Thomas W.I., Thomas D.S.* The Child in America: Behavior Problems and Programs. N.Y., 1928. P. 571–572. Теорема Томаса также известна как самоисполняющееся пророчество Роберта Мертона. См.: *Merton R.K.* Social Theory and Social Structure. N.Y., 1968. P. 477.
- 24 *Bickley G.W.L.* History of Tazewell County and Southwestern Virginia. Cincinnati, 1852.
- 25 Партия “Know Nothing” – политическая организация, в программе которой преобладали изоляционистские и антиэмигрантские призывы с целью сохранения белой англосаксонской протестантской культуры США.
- 26 Джордж Липпард из Филадельфии в 1840-х гг. организовал «Континентальный союз», проникшись духом экспансионизма и идеей о predetermined судьбе Америки (Manifest Destiny).
- 27 *Crenshaw O.* The Knights of the Golden Circle: The Career of George Bickley // American Historical Review. 1941. Vol. 47, Oct. P. 23–50.

- ²⁸ См.: *Сиротинская М.М.* Флибустьерские экспедиции на Кубу и «Молодая Америка» (середина XIX в.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2015. № 2. С. 9–21.
- ²⁹ *Bickley G.W.L.* Statement of Facts, August 8, 1863 // George W.L. Bickley Papers. War Department Records. National Archives. Washington, D. C.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ *Klement F.L.* Dark Lanterns: Secret Political Societies: Conspiracies, and Treason Trials in the Civil War. Baton Rouge; L., 1989. P. 15.
- ³² Richmond Daily Whig. 1860. July 17.
- ³³ Louisville Daily Journal. 1861. Sept. 20.
- ³⁴ A True Disclosure and Exposition of the Knights of the Golden Circle, Including the Secret Signs, Grips, and Charges, of the Third Degree as Practiced by the Order. Cincinnati, 1861.
- ³⁵ An Authentic Exposition of the K.G.C., Knights of the Golden Circle, or, A History of Secession from 1834 to 1861. Indianapolis, 1861.
- ³⁶ Филибастер – парламентская процедура, при которой обсуждение законопроекта затягивается, позволяя одному или нескольким парламентариям отсрочить или полностью отложить голосование по данному предложению.
- ³⁷ An Authentic Exposition of the K.G.C. ... P. 5–20.
- ³⁸ Bucyrus Weekly Journal. 1861. Sept 27; Dayton Daily Journal. 1861. Aug. 22.
- ³⁹ По большей части представители Республиканской партии отстаивали интересы Севера, Демократической партии – Юга.
- ⁴⁰ History of Marion County, Ohio. Chicago, 1883. P. 448–449.
- ⁴¹ Ohio State Journal (Columbus). 1861. Oct. 8.
- ⁴² Cleveland Leader. 1861. Oct. 7; Cincinnati Daily Enquirer. 1861. Oct. 19; Ohio Statesman (Columbus). 1861. Oct 8.
- ⁴³ Crisis. 1861. Nov. 7, 28.
- ⁴⁴ Cincinnati Daily Gazette. 1862. Apr. 2, 4.
- ⁴⁵ Cincinnati Daily Enquirer. 1862. Apr. 6, 8.
- ⁴⁶ *Klement F.L.* Op. cit. P. 16.
- ⁴⁷ Dayton Daily Journal. 1863. May 26; Nashville Daily Union. 1863. May 26; Ohio State Journal. 1863. May 27.
- ⁴⁸ Ohio State Journal. 1863. Feb. 9.
- ⁴⁹ Cincinnati Daily Enquirer. 1863. June 17.
- ⁵⁰ *Klement F.L.* Op. cit. P. 17.
- ⁵¹ Indianapolis Daily Journal. 1863. July 15, 22, 25. *Nolan J.C.* Hoosier City: The Story of Indianapolis. N.Y., 1954.
- ⁵² Report, Maj. William M. Wiles (for Maj. Gen. William S. Rosecrans). July 20, 1863 // The War of the Rebellion: a Compilation of the Official Records of the Union and Confederate Armies. Series 1. Vol. 23. Part 1. Washington, 1889. P. 425.

- ⁵³ George Bickley to “His Excellency, Abraham Lincoln”. Dec. 18, 1863 // George W.L. Bickley Papers. War Department Records. National Archives. Washington, D. C.
- ⁵⁴ Cleveland Leader. 1863. Nov. 2.
- ⁵⁵ Indianapolis Daily Journal. 1864. June 29.
- ⁵⁶ James R. Gilmore to Joseph Holt. Apr. 22, 1865 // Manuscript Division. Library of Congress. Washington, D. C.
- ⁵⁷ Stephen V. Benet to Charles Bickley. March 15, 1888 // George W.L. Bickley Papers. War Department Records. National Archives. Washington, D. C.
- ⁵⁸ Cincinnati Daily Gazette. 1867. Aug. 16.
- ⁵⁹ Reid W. Ohio in the War. Vol. 1–2. Columbus, 1868.
- ⁶⁰ Greely H. The Great American Conflict: A History of the Great Rebellion in the United States of America, 1860–1865. Vol. 1–2. Hartford, Conn., 1867.
- ⁶¹ Не путать с ополчением североамериканских колонистов.
- ⁶² Грили ссылается на работу мистера О. Джей Виктора “The History of the Southern Rebellion” (Vol. 1. P. 134). «Автор знал историю этого человека лично и может поручиться за ее достоверность» (Greely H. Op. cit. Vol. 1. P. 350).
- ⁶³ Ibid. P. 350–351.
- ⁶⁴ Медянками в США называют правых демократов. «Словом “медянка” по-английски обозначается змея-щитомордник, распространенная в США, но мало известная у нас. Поскольку американцы наделяли это слово смыслом “ядовитая змея, жалящая из-за угла, тайком”, то в отечественной историографии оно еще с дореволюционных времен переводится как “медянка”» (Бурин С.Н. На полях сражений гражданской войны в США. М., 1988. С. 176).
- ⁶⁵ Blake W. The Copperheads. N.Y., 1941; Robertson C. The Golden Circle. N.Y., 1941. Также стоит упомянуть следующий роман, посвященный роли «Рыцарей» в Гражданской войне: Whitney Ph.A. The Quicksilver Pool. Greenwich, Conn., 1955.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

В статье рассматриваются основные параметры европейского влияния на современные российские партии. Анализ идет по следующим критериям: институционализация, проблемная ориентация, характер социальной поддержки, организация, автономия, согласованность, вовлеченность, стратегия и тактика, правительственный статус. Рассматриваются факторы, влияющие на становление партий и их типы.

Ключевые слова: партии, Россия, Европа, типы партий, партийная система.

Российское законодательство нормативно закрепляет название «партия» только за политическими организациями, соответствующими достаточно жестким критериям, и обязывает их участвовать в выборах: «Политическая партия – это общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления. Политическая партия является видом общественной организации как организационно-правовой формы юридических лиц (п. 3 ст. 50 Гражданского кодекса РФ)»¹. Реформа 2012 г. привела к существенному, но формальному росту числа партий и к развитию «мелкопартийности» (в октябре 2015 г. было зарегистрировано 78 политических партий²). При этом только 14 из них имеют право участвовать в выборах без сбора подписей избирателей³.

Основные характеристики российских партий в сравнении с европейскими

Для анализа деятельности европейских партий традиционно используются следующие понятия: институционализация; идеологическая или проблемная ориентация; характер социальной поддержки; внутренние организационные характеристики; уровень автономии; согласованность; вовлеченность; характеристики стратегии и тактики и правительственный статус⁴. Используя их, рассмотрим российские партии.

Институционализация характеризует процесс приобретения партиями устойчивости и политической значимости. В российском случае мы можем говорить о максимальной институционализации партий, участвовавших в выборах с 1993 г.: «Коммунистической партии Российской Федерации» (далее – КПРФ) с неизменным лидером Г. Зюгановым и «Либерально-демократической партии России» (далее – ЛДПР), возглавляемой В. Жириновским. Первая пережила ряд расколов и «чисток» в Москве и Санкт-Петербурге. Из ЛДПР ушли многие известные политики. Но устойчивости этих партий и стабильным результатам на выборах это не повредило. Более чем двадцатилетний стаж деятельности и у партии ЯБЛОКО, сохранившей, несмотря на смену лидера, оппозиционную программтику, но не имеющую с 2003 года представительства в федеральном парламенте. Об относительной институционализации можно говорить и в отношении парламентской партии «Справедливая Россия» (далее – СР), учрежденной значительно позже и имеющей парламентское представительство с 2007 г. Партия «Единая Россия» (далее – ЕР) хотя и представлена в парламенте с 1999 г. и возглавлялась президентом и премьер-министром – неустойчивая искусственная конструкция, так как целиком зависима от бюрократического аппарата в центре и регионах. После последнего электорального цикла (2011–2012 гг.) у нее есть дублер в виде Общероссийского народного фронта (далее – ОНФ). В отношении остальных партий, особенно образованных после либерализации партийного законодательства, говорить даже о минимальной институционализации не приходится.

Идеологическая и/или проблемная ориентация может характеризоваться в разной системе координат: от наиболее известной лево-правой шкалы до многомерной, учитывающей существование так называемых «мировоззренческих», проблемно-ориентированных партий. М. Дюверже рассматривал основные идеологические типы партий: коммунистические, социалистические, центристские,

консервативные и фашистские как «отрезки» право-левой шкалы⁵. Традиционные партии постепенно деидеологизировались, превращаясь в универсальные организации, в то же время появились новые основания для их дифференциации, главные из которых связаны с «постматериалистическими», мировоззренческими ценностями леволибертарианских партий. Помимо этого, существуют еще и проблемно-ориентированные партии, также отражающие определенные воззрения в отношении конкретных проблем (экологических, феминистских, антиевропейских и т. д.).

В России в последнее время в силу российско-украинского конфликта и консервативного антизападного поворота отчетливо виден идеологический раскол, обозначаемый в блогосфере хэштегом «#крымнаш». Образовались два лагеря: поддерживающие и не поддерживающие внешнюю и внутреннюю политику Кремля партии. В первой группе – все парламентские и большинство непарламентских партий, во второй – ЯБЛОКО, «Партия народной свободы» (далее – ПАРНАС) и часть неформальных националистических партий⁶.

Характер социальной поддержки (поддержка партии определенной социальной группой и/или группами, представительство интересов этой группы и/или групп). В условиях превращения выборов в значительной степени в имитационную процедуру, использования административного ресурса и фальсификаций, сложно с точностью определить характер социальной поддержки партий, можно говорить только об определенных тенденциях, отражающихся в результатах социологических исследований⁷. Судя по этим данным, можно выделить отчетливо очерченные группы в отношении некоторых партий: за ЕР голосуют бюджетники и чиновники, за КПРФ – пенсионеры, за ЛДПР – молодые мужчины с низким уровнем образования из малых городов, за ЯБЛОКО – высокообразованные жители столиц и крупных городов.

Внутренние организационные характеристики: устойчивость, структура, степень централизации/децентрализации, уровень сплоченности и согласованности действий структурных подразделений партии. В России внутренняя структура и степень централизации партий во многом определена законодательством: партии должны иметь численность не менее пятисот человек и региональные отделения более чем в половине субъектов Федерации, существование иных подразделений регулируется уставами партий⁸. Впрочем, различия остаются весьма существенными. Имеет смысл анализировать только в значительной степени институционализированные партии, так как часть вновь образованных являются политтехнологическими проектами и партиями-спойлерами. Наиболее

централизованная и иерархичная партия – ЛДПР, лидер которой может единолично смещать с поста представителей руководства или снимать с регистрации региональную организацию. Исключительно централизована и зависима от решений извне (из Администрации Президента РФ) – ЕР, несмотря на наличие нескольких руководящих органов с большой численностью. В КПРФ действует, как и в ее предшественнице советского времени – КПСС, принцип демократического централизма. СР тоже в значительной степени централизованная партия. Аналогичная ситуация наблюдается и в действующих непарламентских партиях: националистической «Родине» и «Коммунистах России». Несколько утрируя, можно сказать, что, по советскому образцу, в партиях действуют свои «политбюро» и «Генеральный секретарь». Их внутреннее устройство – иллюстрация к «железному закону олигархии» Р. Михельса⁹. Наиболее демократично устроены либеральные партии – ЯБЛОКО и ПАРНАС, но и здесь есть неформальные механизмы, в значительной степени предопределяющие принятие решений в зависимости от позиции руководства.

Уровень автономии от других организаций и институтов, действующих внутри страны или за ее пределами (в том числе объемы финансовых и человеческих ресурсов, зависимость при принятии решений от органов власти или зарубежных организаций). Важную роль играет и государственное финансирование, увеличивающее разрыв между лидерами и активистами и способствующее в целом изменению природы партий. Важен и вопрос коалиций и межпартийного сотрудничества.

В условиях российской системы уровень автономии у парламентских и лояльных непарламентских партий минимален, они зависимы от решений, принимаемых в Администрации Президента РФ, и действуют, за редким исключением, в соответствии с ними, получая дивиденды в виде депутатских мандатов разного уровня и государственного финансирования. Реальная оппозиция либо не зарегистрирована и действует в зоне неформальности, либо балансирует на грани запрета и преследований активистов (как ЯБЛОКО и ПАРНАС). Российское законодательство не допускает коалиций, не позволяет образовывать блоки на выборах и баллотироваться членам одной партии по спискам другой. Взаимодействие может иметь только неформальный характер: на акциях поддержки власти (например, шествия в поддержку присоединения Крыма) или на протестных акциях.

Согласованность определяет степень соответствия между уставками и поведением членов партии. Ее характеристиками выступа-

ют уровень согласованности при голосованиях, наличие внутрипартийных фракций, а также уровень сплоченности сторонников партии.

Российские парламентские партии голосуют обычно согласованно, причем не только в рамках фракций. Редкие голоса КПРФ или СР «против» (особенно по законам, связанным с социальной поддержкой граждан) не меняют ситуацию. Внутрипартийные фракции – исключение. В ЕР были созданы партийные клубы: либеральный, консервативный и социальный. Фракции, закрепленные уставом партии, существуют с 2006 г. в ЯБЛОКЕ. Тогда ряду движений не удалось из-за требования к численности в 50 тыс. человек зарегистрировать собственные партии, и они вступили в партию на правах фракций, получив определенные гарантии участия в принятии решений (правозащитная, «Зеленая Россия», гендерная и др.).

Вовлеченность характеризует отношения партии с ее членами и сторонниками, глубину идентификации их с партией, стремление участвовать в партийной работе и стимулы для этого со стороны членов партии, строгость требований к членам со стороны самой партии. Российские партии сейчас очень сильно различаются по этой характеристике. К подавляющему большинству новых, после 2012 г. зарегистрированных партий она неприменима, т. к. никаких следов их деятельности, кроме регистрационной записи, не наблюдается. Это же касается политтехнологических партий и партий-спойлеров, практикующих работу членов за вознаграждение. Самые высокие показатели по всем названным параметрам у КПРФ, доставшиеся в наследство от КПСС: жесткие требования при приеме, участие в публичных акциях и обязательных партийных собраниях, идентификация с партией. Меньшей вовлеченностью отличаются члены ЕР, для которых участие в партийных мероприятиях – стимул, а в уличных акциях по поддержке власти – обязанность. После массовых приемов, в том числе и принудительных на рубеже 2000-х гг., в ЕР прошли массовые чистки. Но при этом членство в партии обязательно (за редким исключением) для чиновников высшего уровня и представителей крупного бизнеса, аффилированного с государственными структурами. Сходные показатели (но на менее низком уровне) у СР – слабого административного партнера ЕР. Высокий уровень вовлеченности, основанный на финансовом и нефинансовом стимулировании в ЛДПР, выстроенной на принципах эффективного менеджмента. Противоречивы эти характеристики у ЯБЛОКА и ПАРНАСА: легкость вступления и минимальные требования к членам порождают частые внутрипартийные конфликты. При этом участие в акциях добровольное.

Стратегия и тактика – состязательная, предполагающая участие в выборах для системных партий, или подрывная – для антисистемных партий. Партии стремятся к приобретению должностей и проведению определенной политики, при этом на поведение соревновательных партий влияют институциональные характеристики, а антисистемные партии, руководствующиеся вначале подрывными стратегиями, встраиваются в систему, рискуя потерей электората.

Российские антисистемные партии стремились к встраиванию в партийную систему, однако ни одной из них это до сих пор не удалось, и часть продолжает существование в качестве неформальных объединений (как в национал-патриотической и коммунистической, так и в либеральной части спектра: «Русские», «Другая Россия», «Солидарность», Либертарианская партия, «Партия прогресса» и др.). Власть предпочитает регистрировать политтехнологические проекты и партии-спойлеры, но не политически активные реальные группы.

Правительственный статус – степень участия партии в общенациональной политике (электоральный успех, влияние на формирование правительства или участие в его работе).

В российских условиях правительственный статус партии определяется не электоральными результатами, а решениями, принятыми Администрацией Президента РФ. Министры, их замы, губернаторы и мэры, как правило, члены ЕР, это видимый показатель их лояльности. Несколько счетных исключений – не членов ЕР или членов других партий (ЛДПР – Алексей Островский в Смоленской области, КПРФ – Сергей Левченко в Иркутской области или Николай Виноградов – во Владимирской области с 2000 по 2013 г.) в должностях губернаторов и мэров или во главе федерального агентства (Игорь Артемьев – глава Федеральной антимонопольной службы) общего правила не меняют.

Типология партий в Европе и в России

История становления европейских партий включает четыре основные стадии: до 1918 г. – период партий элитных, имевших характер кружков; с 1918 до конца 1950-х гг. – время массовых партий; с конца 1950 – начала 1960-х гг. появление народных партий; в конце 1970-х гг. – период профессионализованных партий избирателей (картельных); в 1980-е гг. – формирование партий нового типа: мировоззренческих и проблемно-ориентированных.

Понятно, что границы этих периодов и «доминирующих типов» партий условны, в пограничные периоды присутствуют и старые и новые типы партий одновременно. Каждый тип партий существует в определенном историческом контексте, к которому он приспосабливается. Но и само это приспособление изменяет контекст и связано с кризисами и противоречиями.

На каждом из этих этапов происходит изменение основных характеристик партий: главного принципа репрезентации (представительства) – отношения депутатов и руководителей партии к партийной массе; наиболее важных целей партии в отношении политической системы и режима; квалификационных характеристик партийной элиты; структуры членства; особенностей проведения избирательных кампаний; принципов финансирования; характера отношений со средствами массовой информации.

Уже в конце XX в. новый политический класс политиков-профессионалов, «местом работы» которых является партия, получает минимально необходимую «страховочную» финансовую поддержку от государства. Связь между партией и ее избирателями становится менее интенсивной, при этом образуются прямые коммуникационные каналы между избирателями и партийными лидерами. Эти изменения во многом обусловлены контекстом постиндустриального, постмодернистского общественного развития, новыми системами коммуникаций и сильной дифференциацией социальных групп и их интересов. Немаловажное значение имеет и развитие форм прямой демократии – от референдумов до систем петиций, с одной стороны, и роста числа разнообразных гражданских инициатив – с другой. Увеличивается роль социальных сетей, усиливая эту тенденцию. В Европе параллельно процессу интеграции происходят и изменения национальных партийных систем в сторону их выравнивания, которые усиливаются через фракционное представительство в Европейском парламенте.

В подавляющем большинстве случаев трансформации, в том числе и в бывших странах социалистического лагеря Центральной Европы, уже на вторых после учредительных выборах происходила консолидация и стабилизация партийной системы.

Известный немецкий политолог В. Меркель выделяет пять факторов, оказывающих ключевое воздействие на конфигурацию партийной системы¹⁰:

1. Характер трансформационного конфликта. Он определяет, как проходил трансформационный конфликт – как пакт, заключенный элитами, или как коллапс старого режима под давлением масс – и какую роль играли элиты старого режима.

В российском случае мы имеем дело с размытой границей между этапами либерализации и демократизации, когда учредительные выборы и принятие Конституции не были началом изменения политической системы, и с последующим постепенным отказом от демократических институтов, превратившихся во многом в имитации, их «порчей» (по определению В. Гельмана¹¹).

2. Наличие «исторических» партийных систем. Речь идет об известных еще до имплементации автократического режима партийных системах, а также партиях, существовавших наряду с правящей партией как партии-сателлиты.

В России разрыв между первыми опытами построения партийных систем в начале XX в. и их воссоздания после краха социалистической однопартийной системы был слишком долгим. Предпринимаемые попытки создания протопартий по старому российскому образцу во время перестройки оказались неудачными. Партийная система стала строиться преимущественно по образцам европейским.

3. Влияние важнейших политических институтов. Институты, возникшие в результате сознательных или неосознанных действий в области экономики, культуры или политики, влияют на политических акторов, организации, стратегии и действия. Российский президенциализм снижает роль непрезидентских партий, отводя им роль сателлитов. Чем большую роль играл президент, тем слабее становился лагерь оппозиции. После присоединения Крыма и антизападного поворота внешней политики позиции парламентской оппозиции стали неотличимы от правящей партии, а непарламентская оппозиция оказалась маргинализированной.

4. Наличие традиций клиентелизма. Клиентелизм теряет влияние на структуру, механизмы коммуникации и состоятельность партий по мере увеличения социально-экономической модернизации.

Традиции клиентелизма и патернализма в России чрезвычайно сильны и существуют как в самих партиях, так и в форме патронирования их со стороны Администрации Президента. Аналогичные отношения партии и региональной исполнительной власти складываются в субъектах Федерации. Сильны элементы клиентелизма даже в формально демократических партиях, уставы которых предусматривают демократический контроль.

5. Влияние социетальных расколов. Если эти конфликтные линии (в соответствии с концепцией С. Липсета и С. Роккана, впоследствии развитой многими исследователями¹²) распознаются элитой и используются в качестве основы для политических действий, увеличивается вероятность их «замораживания» и консолидации партийной системы.

Для российских партий важную роль играет конфликт труд – капитал. К оси «труд» относится целый ряд сейчас существующих социалистических и коммунистических партий, наиболее известные из них (по степени уменьшения «левизны»): «Коммунисты России», Коммунистическая партия социальной справедливости (далее – КПСС), КПРФ и СР. Большая часть остальных партий относится к оси «капитал». Различия между рыночным либерализмом – градуализмом хорошо иллюстрируют постоянные споры между социально-либеральной партией ЯБЛОКО и Союзом правых сил (далее – СПС), основанной реформаторами Е. Гайдаром и А. Чубайсом, и теперь ее наследницей – ПАРНАС. Провести такой анализ ЕР затруднительно: ее клубы призваны воспроизвести весь идеологический спектр.

Г. Китчелт сконструировал три (идеальных) типа восточно-европейских партий в период перехода от демократизации к консолидированной демократии¹³. Применим идеально-типические критерии Китчелта для оценки наиболее значимых зарегистрированных российских партий.

Программные партии связаны с существующими конфликтными линиями и имеют идеологическую и/или мировоззренческую основу, которая зачастую отражает интересы определенного слоя населения. К этому типу партий в России можно отнести КПРФ, ЯБЛОКО, уже прекративший свое существование СПС и созданная отчасти на его базе ПАРНАС.

Харизматические партии, идентичность которых определяется лидером и почти не затрагивает содержательную составляющую политики. Лидер такой партии получает от избирателей «карт-бланш», а избиратели не могут рассчитать последствия проводимых им политических курсов. К этому типу партий относится ЛДПР, отчасти – ЯБЛОКО в период председательства Г. Явлинского (до середины 2008 г.).

Клиентелистские партии препятствуют консолидации демократии, пропагандируя общезначимые блага, а на практике заботятся об обеспечении исключительно своей клиентелы – группы своих избирателей посредством распределения различного рода ресурсов: субвенций, налоговых льгот, рабочих мест, социальных благ.

Харизматические и клиентелистские характеристики в российском спектре сочетает ЛДПР, напоминающая бизнес-группу. «Лейблом» и движущей силой партии всегда выступал ее бессменный лидер В. Жириновский. Вне зависимости от провозглашаемых лозунгов, при голосовании на протяжении всей своей истории партия всегда поддерживала правящую группу. К типу клиентелист-

ских можно отнести и СР, претендующую на роль оппозиции, но возглавляемую долгое время одним из должностных лиц государства, председателем Совета Федерации С. Мироновым и поддерживающую курс Президента и Правительства РФ.

Можно предложить иную типологию, основанную на взаимодействии партий с органами власти, оказывающем воздействие и на их организационные характеристики. Можно назвать два основных типа: административные, создающиеся «сверху» и обеспечивающие интересы бюрократии, и гражданские, «вырастающие» снизу и представляющие интересы общества.

Административные партии играют в настоящее время главную роль в политической системе России. По ряду показателей административные партии сравнимы с европейскими картельными партиями. К ним предъявляются требования максимальной профессионализации и ресурсоемкости. Они становятся партиями менеджеров, набирающими с помощью медийных кампаний голоса избирателей, и имеют сильные позиции в государственных институтах. Отличие же состоит в том, что они не выполняют контрольных функций, как европейские партии, из-за отсутствия оппозиции, обладающей тем же статусом.

Программно российские административные партии не имеют кардинальных различий. Но если в европейских партиях эта схожесть основана на наличии конституционного консенсуса в отношении базовых политических ценностей, то в России она обеспечивается поддержкой главенствующего политического курса, что иллюстрируют позиции и практические действия всех партий, представленных в Государственной Думе РФ: ЕР, СР, КПрФ и ЛДПР (особенно в период после присоединения Крыма). Именно поэтому граница между ними обозначается лишь названиями, лидерами и стилистикой поведения. При этом важно отметить, что КПрФ, возникшая на восстановительном съезде 1992 г. как гражданская оппозиционная партия, к 2011 г. приобрела черты административной.

В программах административных партий прослеживается отказ от идеологической компоненты. Укрепляются позиции партийного руководства и снижается роль обычных членов партии. Они не связывают себя с определенным классом или конфессией и стремятся укрепить отношения с различными группами интересов (характерно, например, заключение официальных договоров между ЕР и РСПП, «Деловой Россией», «Опорой России» и ФНПР). В административных партиях, как и в европейских картельных, наблюдается все увеличивающийся разрыв между партийными руководителями и партийной массой.

Численность партий до изменения законодательства в 2012 г. не сокращалась, а, наоборот, увеличивалась. Структура их членства существенно отличалась от партий картельных и даже народных. Она была сходна со структурой партий массовых: обязательное фиксированное членство и привязка к структурному подразделению партии.

Все партии этого типа поддерживают политическую систему и режим вне зависимости от их собственных структурных изменений, будь то образование клубов в ЕР или «слияние» «Партии жизни», «Партии пенсионеров» и «Родины» в СР. Более того, эта поддержка является главным условием возможности их существования.

В отличие от европейских партий, квалификационные характеристики партийной элиты имеют для них второстепенное значение. Более того, за некоторыми исключениями происходит скорее так называемый «негативный отбор». Яркие лидеры «противоположены» структурам такого типа, так как могут снизить их управляемость.

Российские партии, как и европейские, становятся государствообразующим элементом и получают прямое и не прямое (например, создание приемных) финансирование от государства, уровень которого постоянно повышается.

Таким образом, административные партии отличаются от европейских и по главным задачам. Они являются инструментом правящей элиты и должны стабилизировать существующую политическую систему и укреплять режим.

У гражданских оппозиционных партий, все больше отодвигаемых на периферию политического процесса, характеристики иные.

Во-первых, они минимально представлены в институтах государственной власти и почти не влияют на политические курсы. Из-за отсутствия каналов трансляции их позиции (отсутствие доступа к влиятельным СМИ) контрольные функции они также выполнять не могут.

Во-вторых, отличия их программных позиций в отношении политического курса и режима в целом можно сравнивать с базовыми политическими различиями, существовавшими в Западной Европе во времена массовых партий. Им свойственны практически альтернативные представления о путях развития страны.

В-третьих, руководство этих партий, как и массовых, опирается на членов, партийные массы, выполняя функции социального патронажа, и ищет союзников среди определенных слоев населения и организаций, их представляющих. В этих условиях учет мнен-

ния рядовых членов партии или хотя бы создание видимости этого существенно ограничивает поле маневра для партийного руководства. Примером могут быть дискуссии в КПРФ об отношении к радикальным левым или в ЯБЛОКЕ – об отношении к «Солидарности» и ПАРНАС или о возможности вхождения в «надпартийные объединения» с участием националистов и сталинистов: Национальную Ассамблею, «Другую Россию» и др.

В-четвертых, оппозиционные партии ориентированы на повышение квалификационных характеристик партийной элиты, которая могла бы использовать инновационные методы.

В-пятых, не имея доступа к федеральными СМИ, оппозиционные партии вынуждены одновременно использовать как относительно архаичные методы (партийная пресса), так и современные, развивая собственные интернет-ресурсы, активизируя участие своих членов в сети.

Итак, российские партии формировались, включая их институциональную основу, под влиянием европейских партий, имеют ряд общих черт с ними и все теснее взаимодействуют с международными и европейскими партийными семьями. Этому движению в европейском направлении, очевидно, не мешает то, что административные партии превращаются исключительно в инструмент самоорганизации правящей элитной группы, реализация интересов которой практически не зависит от воли граждан, а оппозиционные – вытесняются с политического поля и маргинализируются.

Можно предположить, что в ходе неизбежной политической либерализации российские партии будут еще больше сближаться с европейскими – в идеологии, программатике и алгоритмах взаимодействия с партиями европейскими.

Примечания

- ¹ Список зарегистрированных политических партий // Министерство юстиции РФ. [Электронный ресурс] URL: <http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok> (дата обращения: 6.11.2015)
- ² Политические партии России // ЦИК РФ. [Электронный ресурс] URL: <http://cikrf.ru/politparty/index.html> (дата обращения: 6.11.2015)
- ³ Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (дата обращения: 6.11.2015)

- ⁴ См., например: *Janda K.* Political parties: A Cross-National Survey. N.Y., 1980; *Katz R., Mair P.* How parties organize? L.: Sage, 1994; *Panbianco A.* Political parties: Organization and power. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988.
- ⁵ См.: *Дюверже М.* Политические партии. М.: Академический проект, 2007.
- ⁶ *Коргунок Ю.Г., Грачев М.Н.* Партийная реформа и изменения в структуре партийных размежеваний // Партийная реформа и контрреформа 2012–2014 гг.: предпосылки, предварительные итоги, тенденции. М.: Товарищество научных изданий «КМК», 2015. С. 106–143.
- ⁷ См., например: Партии // Левада-Центр. [Электронный ресурс] URL: <http://www.levada.ru/tag/partii/> (дата обращения: 6.11.2015)
- ⁸ Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (дата обращения: 6.11.2015)
- ⁹ См.: *Michels R.* Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of the Modern Democracy. N.Y., 1915.
- ¹⁰ *Merkel W.* Systemtransformation. Opladen: Leske + Budrich, 1999. P. 119–170.
- ¹¹ *Гельман В.* «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России // Политика. № 2(57). 2010. С. 6–24.
- ¹² См: *Karvonen L., Kuhn S.* Party systems and Voter Alignments Revisited. L.: Routledge, 2001.
- ¹³ Там же.

В.И. Журавлева

БИОГРАФИЯ
КАК НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ:
ПОРТРЕТ ДЖОРДЖА КЁРЗОНА НА ФОНЕ ЭПОХИ

Рецензия на книгу: *Сергеев Е.Ю.* Джордж Натаниэль Кёрзон – последний рыцарь Британской империи.

М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015. 295 с.

В современном информационном обществе каждый пользователь Интернета может позволить себе генерировать и тиражировать собственные представления о прошлом и выступать в роли эксперта. В связи с этим встает вопрос о депрофессионализации истории и распространении ошибочных представлений и суждений, которые становятся питательной средой для формирования исторических мифов. Слово профессионального историка в таких условиях приобретает особое звучание. Профессионал может и должен конкурировать с дилетантом в современном информационном пространстве, например посредством подготовки интернет-публикаций и печатных изданий научно-популярного характера, интересных и понятных читающей публике. Не случайно в последнее время появляются все новые научно-популярные серии, инициированные различными авторитетными российскими издательствами, и продолжают выходить в свет такие широко тиражированные в России серии, как, например, «Жизнь замечательных людей».

Именно в жанре научно-популярной биографии написана новая книга известного российского историка-англоведа и международного Евгения Юрьевича Сергеева, посвященная жизни и деятельности Джорджа Натаниэля Кёрзона. Источники из архивов России и Великобритании, новое прочтение ранее опубликованных материалов, прекрасное знание историографии проблемы позволяют автору создать демифологизированный портрет

человека, чье имя в России известно прежде всего благодаря фразе «Наш ответ Керзону». Изначально возникнув как реакция на вынесение «ультиматума Кёрзона» Советской России в мае 1923 г., она (наряду с фразой «Наш ответ Чемберлену») прочно вошла в политический словарь, в литературные произведения 1920-х гг., включая романы И.А. Ильфа и Е.П. Петрова, а также в повседневный лексикон для обозначения противодействия СССР идеологически чуждому и враждебному Западу. Причем со временем исторический контекст потерял значение для говорившего, который стремился подчеркнуть достойный ответ на то или иное действие, однако имя Кёрзона сохранялось в коллективной памяти с неизменной негативной коннотацией.

В России герою книги не повезло. Идеологическое противостояние с Западом заложило основу для изначально предвзятого отношения к нему как к личности и политическому деятелю. Под пером советских историков, игнорировавших британские архивы, Кёрзон предстал самовлюбленным и тщеславным человеком, ненавидевшим женскую эмансипацию и презиравшим народы Востока, русофобом и сторонником агрессивной внешней политики Британской империи. В свою очередь, зарубежные исследователи, несмотря на существование «керзоноведения» в качестве отдельного направления мировой историографии, не уделяли должного внимания источникам российского происхождения.

Сергеев предпринимает попытку восстановить историческую справедливость, воздать по заслугам Кёрзону и создать его сбалансированный портрет как человека различных дарований и многих талантов: путешественника и специалиста-востоковеда, бизнесмена и журналиста, парламентария и колониального администратора, политика и дипломата.

Автор не ограничивается характеристикой двух кульминационных периодов политической карьеры своего героя – пребывания на посту вице-короля Индии (1898–1905) и главы внешнеполитического ведомства Великобритании (1919–1924). Он рассказывает нам истории, предшествовавшие этим карьерным взлетам. Так, путешествия по странам Азии способствовали формированию представлений Кёрзона о перспективах цивилизаторской миссии Великобритании на Востоке, о логике и динамике соперничества Российской и Британской империй в странах Азии, о значении Дальнего Востока в мировой политике, нашедших отражение в его исследовательских трудах и многочисленных статьях, регулярно появлявшихся на страницах британских журналов. Сергеев обращает особое внимание на тот факт, что публикации Кёрзона внесли

значительный вклад не только в ландшафтоведение и этнографию азиатских стран, но и в формирование геополитики как новой научной дисциплины, оказав влияние на взгляды ее основателей А. Мэ-хэна, Х. Макиндера и К. Хаусхофера (с. 50–51). Глубокое знание Азии и деятельность на посту заместителя министра иностранных дел подготовили Кёрзона к выполнению обязанностей вице-короля Индии – его давней заветной цели.

По мнению автора, на этом посту Кёрзон неукоснительно следовал политике сохранения баланса между коренными жителями и британцами, сопровождал деятельность по централизации управления Индией целой серией преобразований во всех сферах жизни колониального общества. Являясь подлинным вдохновителем и организатором политики по усилению позиций Британской империи в Азии, Кёрзон вместе с тем способствовал прогрессу и процветанию народов Индостана. Он считал себя проводником англосаксонского демократического империализма, противоположного российской авторитарной модели вовлечения традиционных азиатских обществ в процесс модернизации (с. 102, 108, 137).

Исследователь проводит мысль о том, что пребывание Кёрзона на посту вице-короля Индии и последовавшая после отставки общественная деятельность способствовали обобщению интеллектуального и практического опыта британского политика и окончательному формированию его представлений о «подлинном империализме» и теории «естественных» или научных границ. Вернувшись на Олимп «большой политики» в период борьбы вокруг законопроекта о реформе парламента, который вызвал раскол в рядах консервативной партии, Джордж Натаниэль стал лидером консерваторов в палате лордов. А Первая мировая война позволила ему восстановить политическое реноме и впоследствии занять пост главы Министерства иностранных дел Великобритании, чему посвящена завершающая глава книги.

Особое внимание в ней уделяется позиции Кёрзона по «русскому вопросу», наряду с другими направлениями внешнеполитической деятельности послевоенной Англии, прежде всего на Ближнем Востоке. При этом автор считает некорректным и контрпродуктивным причисление британского политика к «твердолобым» сторонникам интервенции, как это традиционно делали советские историки. На протяжении Гражданской войны, подчеркивает исследователь, отношение Кёрзона к России претерпевало эволюцию. Он с одинаковым недоверием относился и к большевикам, опасаясь их совместного с побежденной Германией выступления против диктата Антанты, и к Белому движению. Геополитический

проект Кёрзона был нацелен на окружение Советской России поясом буферных государств, зависимых от Великобритании (с. 214–215, 225–226).

Кульминацией главы является рассказ о его деятельности во время работы конференции в Лозанне, которая свидетельствовала о беспорном успехе политики Великобритании на Ближнем Востоке и стала последним шагом в формировании Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. И заслуга в этом, как убедительно показывает автор, во многом принадлежит Кёрзону, переживавшему звездный час своей дипломатической карьеры. Вскоре последовал его майский меморандум 1923 г., вошедший в историю международных отношений как «ультиматум Кёрзона» Советской России. И ей пришлось принять практически все выдвинутые требования: отзыв полпредов из Ирана и Афганистана, выплату компенсаций англичанам, пострадавшим от советских властей, согласие подписать Лозаннскую конвенцию по проливам. Однако большевистская пропаганда сделала все возможное, чтобы изобразить очевидное поражение как победу. Тогда-то и родилась ставшая крылатой фраза «Наш ответ Керзону», а сама идея была визуализирована в карикатуристике, плакатах, этикетках (с. 255).

Автор не идеализирует Кёрзона, указывая на негативные черты его характера и излишне консервативные взгляды по отдельным вопросам. При этом исследователь стремится понять мотивацию его поступков, исходя из ценностной системы и идейного кредо самого британского политика и социокультурного климата эпохи. Вот почему убедительно звучит вывод исследователя о том, что неприятие женской эмансипации обуславливалось своеобразным «рыцарственным отношением Кёрзона к женщине, чистый образ которой не мог быть запятнан “грязью” политических склок и общественных конфликтов». Или о том, что под маской внешнего высокомерия скрывалась «глубоко ранимая и нежная от природы натура человека, болезненно переживавшего одиночество» (с. 169, 175). Подчеркивая противоречивость личности Кёрзона (например, толерантность в отношении авторитарных режимов на Востоке и непримиримость к любому ущемлению демократических прав на Западе, ироничное восприятие собственных слабостей и критическая оценка недостатков других), Сергеев, тем не менее, обращает особое внимание на своеобразный магнетизм этого человека (с. 276).

Структурированный в соответствии с хронологическим принципом текст ведет нас по жизненному пути героя, начиная с обучения в Итоне и Баллиол-колледже Оксфордского университета, который по праву считался кузницей кадров для государственных

учреждений Британской империи, по ступеням политической карьеры к тому моменту жизни, когда современники признали его выдающуюся роль на ниве служения Великобритании. И, погружаясь в историю любовных отношений и семейной жизни Кёрзона, его дружеских и профессиональных связей, знакомясь с идеями и принципами этого представителя поздневикторианской Англии, читатель получает возможность лучше узнать эпоху, ставшую переломной в жизни не только Европы, но и всего мира. При этом рассказ о Кёрзоне умело встроен автором в международные и национальные контексты, хотя в отдельных случаях их анализ мог бы быть расширен (как, например, в случае с имперским дискурсом).

Написанная хорошим литературным языком, со вкусом и знанием дела биография Джорджа Натаниэля Кёрзона в основной своей части все же сохраняет характер не научно-популярного, а научного труда, оснащенного соответствующим научно-справочным аппаратом. Для сравнения можно обратиться к опубликованной Александром Эткингом биографии Уильяма Буллита¹. Она также основана на исторических источниках. Однако с первой до последней страницы читается как захватывающий воображение роман не только о самом Буллите, но и об Америке, о России, российско-американских отношениях. Впрочем, историк и литературовед пишут научно-популярные биографии по-разному, и каждый читатель выбирает более близкую для него историю прошлого. Важно, чтобы она была написана профессионально и не способствовала историческому мифотворчеству.

Книга Евгения Юрьевича Сергеева о «последнем рыцаре Британской империи» будет интересна не только для историков-англоведов и специалистов по истории международных отношений, для преподавателей и студентов, но и для всех тех, кто готов к серьезному и вместе с тем занимательному чтению о людях и событиях ушедших эпох, которое не заменят статьи в Википедии, комментарии в блогах и опусы с картинками в «Живых журналах».

Примечания

---

¹ Эткинд А.М. Мир мог быть другим: Уильям Буллит в попытках изменить XX век. М.: Время, 2015.

Л.Н. Клепацкий

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ИХ ИЗУЧЕНИЕ:
УЧЕБНИК НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ
ДЛЯ МАГИСТРАНТОВ

Рецензия на книгу: Мегатренды.

Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке /

Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.:

Аспект Пресс, 2013. 448 с.

Учебник «Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке» подготовлен группой преподавателей МГИМО МИД РФ с привлечением ученых из ряда научных учреждений России. Он предназначен для магистерского образования и состоит из трех разделов («Характеристика глобального мира», «Ключевые международно-политические проблемы и процессы», «Великие державы и региональные подсистемы»), предисловия и заключения, перечня рекомендуемой литературы, программы курса «Мегатренды и глобальные проблемы».

Под мегатрендами понимаются долгосрочные и крупномасштабные процессы мирового развития, определяющие содержание текущего этапа эволюции миросистемы. Объектом дисциплины «Мегатренды и глобальные проблемы» выступает глобальная политика. Однако не уточняется, является ли это понятие однопорядковым или тождественным понятию «мировая политика». По поводу последней по-прежнему сохраняются споры относительно ее объекта и предмета. Но в данном учебнике дается четкое определение глобальной политики: это «система отношений между всеми субъектами международного взаимодействия *по поводу решения вопросов общемирового значения* (курсив мой. – Л. К.), а также совокупность соответствующих общих или специализированных практик воздействия на планетарные процессы...» (с. 8). Иными, словами, речь должна идти не просто о глобальных проблемах, а о позиции и интересах участников международных процессов и их взаимодействии по решению этих проблем. Послед-

ний пример этого класса – Парижская конференция по вопросу климата на планете.

Понятийный аппарат имеет исключительное значение во всех дисциплинах, в том числе и в той, которой посвящен учебник. В нем утверждается, что «в решении глобальных вопросов нет монополии государственного начала» (с. 11). Помимо государств действуют негосударственные субъекты: транснациональные компании (ТНК), международные движения и организации. Правда, доминирующая роль государства при отсутствии его монополии авторами признается, они отводят негосударственным субъектам роль «агентов общения». Здесь нужна ясность: кто является субъектом международных отношений и мирового порядка, а кто участником. Представители англосаксонских теорий, особенно неолиберальных течений, упорно стремятся свалить в одну кучу субъектов и акторов международных отношений, умаляя роль государства, суверенитета. Сведение их качественных различий к нулю открывает широкие возможности манипулирования, и не только на информационном поле. Субъект и актор (участник) – качественно разные понятия. В системе международных отношений только государство имеет титул субъекта, оно формирует правила и нормы международного общения. Но государство выступает в двух ипостасях: и как субъект, и как участник международного взаимодействия. И в качестве последнего оно является партнером других участников международных отношений.

Авторы постулируют две крупные тенденции, проявившиеся к началу второго десятилетия XXI в.: нарастание однородности мира и параллельное усиление его сложности и даже пестроты. Понятие «однородность» требует расшифровки: в каких сферах, в результате чего она возникает?

В первом разделе, состоящем из семи глав, дается довольно широкая и основательная характеристика глобального мира. Авторы учебника исходят из того, что мы являемся свидетелями кризиса действующих моделей глобализации мирового порядка и управления глобальными процессами, кризиса современного политического, правового и нравственного сознания (с. 39). Иначе говоря, переходный период развития мира от биполярного к новому явно затянулся и остается незавершенным. Идеино-политической основой данных кризисов выступает кризис общего мировидения прежде всего западных стран, для которых системообразующая роль США в современном мире была непреложной. Однако подобный подход – это анахронизм, считают авторы учебника (с. 40–41).

Данная характеристика была бы более полной, если бы авторами были даны хотя бы контуры эволюции «западного сообщества», понятия, введенного в научный оборот российским ученым Ф. Войтоловским. Оно – следствие и прямой продукт холодной войны (вот уж если говорить об однородности, то в западном сообществе его предостаточно). Ф. Войтоловский характеризует его как беспрецедентный в истории многосторонний союз. Если это так, то нельзя игнорировать этот феномен, его эволюцию в постбиполярном мире. Гегемонизм присущ внешней политике не только США, но и Евросоюза, правда, лишь на европейском пространстве. Объективная тенденция – глобализация – была максимально использована ими для закрепления и расширения своего доминирования в современном мире¹.

Этот процесс не закончен, он натолкнулся на новые объективные процессы. Чтобы не углубляться в эту тему, сошлюсь, хотя это и может выглядеть нескромно, на свою статью в журнале «Международная жизнь»².

Можно согласиться с одним из выводов в учебнике, что в обозримой перспективе XXI в. не будет ни «американским», ни «китайским», ни «российским», ни «индийским». И верно, что сложность современного мира значительно выше, чем предполагалось в начале столетия. Тем более что западное сообщество перешло к консолидации своих ресурсов, формированию единой стратегической цели в новых условиях, чтобы не допустить эволюции мира в нежелательном для него направлении. И надо забыть о том, что «в рамках самого Запада Европа начинает в некоторых отношениях теснить Америку и занимать более самостоятельную позицию по политическим, экономическим и военным вопросам» (с. 27).

Стоит еще раз вернуться к теме глобализации. В нашей научной литературе этот термин настолько затаскан, им объясняют что угодно, но только не реальные процессы. Точнее, объяснения подменяются ссылками на глобализацию. Нельзя не согласиться с авторами учебника, во-первых, в том, что это нелинейный процесс, и, во-вторых, в том, что он не тождествен процессу формирования глобального общества или мирового сообщества (с. 22). Жаль, что в книге нет размышлений о сочетании глобализации и национального, национальных интересов. Глобализация, погашающая источники национального развития, вряд ли может быть продуктивной.

В главе «Экономическая глобализация и конкуренция за мировое лидерство» раскрывается противоречивый характер глоба-

лизации на примере США: «Чем больше США втягиваются в процесс глобализации, тем более неустойчивой становится ситуация внутри их собственной экономики» (с. 110). Именно с глобализацией и ослаблением контрольных функций государства связано нарастание спекулятивных банковских и финансовых операций, становящихся источником кризисов. В особенности это касается стран с либеральной финансовой моделью (США, Великобритания). Обостряется конкуренция государств за позиции в мировой экономике. «Глобализации имманентно присуще неприятие “единоличного” лидерства» (с. 122). США прошли пик своего могущества, и «настойчивые усилия сохранить сверхдержавность только ускоряют их движение по наклонной плоскости» (с. 122). Обращается внимание на то, что США и Великобритания являются единственными странами в мире с двузначными процентными показателями задолженности. Во время последнего кризиса их доля в общемировой задолженности составила более 37 % (с. 114).

Очень интересен замысел главы «Государство-нация и исторические трансформации мирового устройства». Как представляется, сделана попытка проанализировать влияние появившегося государства-нации на существующую мировую систему и того, как эта система, в свою очередь, влияет на становление нового государства, его институтов. Напомним, что когда-то в мире было всего 5–6 наций, оформившихся в государство, в 1900 г. – 30, а сегодня членами ООН является 193 государства. Этот процесс требует не только исторического, но и теоретического осмысления.

Роль государства рассматривается также в рамках парадигмы общественного развития в XXI в. Утверждается, что «его историческая роль приблизилась к исчезновению» (с. 85). Становление государства современного типа анализируется в контексте развития технологических укладов, которые, как можно понять, и подтачивают материальные основы существования государства, которое к тому же оказывается неспособным справиться с возникающими социальными, демографическими и иными проблемами. Да и различного рода международные организации тоже оказались не в состоянии «справиться с современной экономикой, не признающей государственных границ» (с. 99). «Нужны новые всемирные механизмы» (с. 99). Рассматриваются их варианты. Предпочтение отдается транснациональным корпорациям (кстати, не они ли являются источниками финансово-экономических кризисов, потрясающих мировое сообщество последнее десятилетие?) и гражданскому обществу, которое может быть альтернативой и государству, и ТНК. Но «при любом варианте формирования глобального

регулирования человечеству предстоит преодолеть два трудных препятствия: одно – материальное, другое – психологическое. Первое – само существование государства со всей присущей ему атрибутикой» (с. 101). «Второе препятствие – глубоко укоренившееся в общественном сознании выделение “национальных” интересов на фоне всех остальных» (с. 102). Видимо, для магистрантов осмысление проблемы отмирания государства и национальных интересов должно стать одной из центральных задач. Но этот тренд нельзя назвать глобальным.

Изложенное выше представляется серьезным заблуждением, упрощающим логику развития мировой системы. Во-первых, не существует глобальных интересов вне национальных. Это сложная диалектическая связь, но ее нельзя игнорировать. Во-вторых, «уничтожая» государство, мы лишаем общество возможности представлять свои интересы в системе международных отношений, которые по сути своей являются межгосударственными отношениями. Что касается взаимодействия государства, бизнеса и общества, то это перспективное направление, но стоит обратить внимание на то, что это должно быть именно взаимодействием. И справедливо в учебнике утверждается, что неолиберальные подходы «нарушили баланс между государством, обществом и бизнесом, встав на путь освобождения последнего от существенных ограничений со стороны государственных и общественных институтов... роль рынка оказалась гипертрофированной» (с. 47). Именно государства (в рамках ООН, других специализированных учреждений, G20 и др.) выстраивают механизмы глобального регулирования, в своих собственных национальных и глобальных, т. е. других участников международных процессов, интересах. Это делается в целях стабильного и предсказуемого развития. Уроки последних кризисов должны быть все-таки усвоены.

Тема становления нового мирового порядка является в учебнике стержневой. Хотя подается она с некоторыми оттенками. Утверждается, что «сегодня мы живем в бесполосном мире» (с. 25). Хочется добавить: «но в полицентричной системе». Наиболее концептуально указанная тема рассматривается в главе «Становление нового мирового порядка в 2010-х годах». Исходной позицией анализа является тот факт, что «постепенно демонтируются и/или модифицируются основы мирового порядка XX века» (с. 69), а главным трендом XXI в. выступает «строительство и закрепление нового мирового порядка» (там же). Этот тренд состоит из ряда отдельных трендов (территориальной переконфигурации мира, создания нежестких временных объединений для решения конкрет-

ных проблем мировой политики, практики двойных стандартов и др.). Ведущие мировые державы не смогли (или не были заинтересованы) договориться о новых «правилах игры» и продолжают конкурировать в конструировании мирового порядка и региональных режимов, «перетягивая» на свою сторону отдельные страны (с. 74). Естественно, возникает вопрос о возможности консенсуса. Анализ позиций ведущих мировых держав и ЕС, изложенный в таблице, показывает, что США и Евросоюз придерживаются наступательного или наступательно-селективного подхода по вопросам своей безопасности и защиты целостности, а также создания нового мирового порядка. Высказывается оценка, что США и их влиятельные европейские союзники обладают «мощным ресурсом порядкостроительства» (с. 77). Излагаются варианты его развития. Откровенно говорится, что вопрос о том, какой из этих вариантов будет реализован, остается открытым.

В оборот вводится понятие «региональные подсистемы» (прежде в политологии говорилось о глобализации как всеобъемлющем процессе и регионализации). Этой теме посвящен целый раздел «Великие державы и региональные подсистемы». В нем фиксируется, что «становление нового мирового порядка вступило в фазу, которая может закончиться или консолидацией системы на основе трансатлантических структур, или консолидацией альтернативных сил из числа государств, не входящих в евро-атлантическую подсистему» (с. 283). Это очень прагматичная констатация, задающая хорошие ориентиры для дальнейшего анализа этих процессов. Тем более что на этом направлении есть уже подвижки, которые могут осложнить становление нового мирового порядка.

Политика великих держав имеет определяющее значение для его формирования. В учебнике перечисляются пять признаков, на основании которых государство можно считать великой державой, и даются сравнительные параметры ведущих мировых держав: США, КНР, Индии, Бразилии и России. Из них только США обладают в полном объеме характерными чертами великой державы, хотя по отдельным позициям происходит медленное сокращение разрыва между ними и другими странами. Подчеркивается, что после США «Россия является самой активной страной в деле формирования нового мирового порядка» (с. 287). Китай в этом плане проявляет сдержанность, а Индия «выбрала пока путь “следования за США”» (с. 288). Если судить по таким признакам, как наличие исторического опыта, традиции и культуры участия в мировой политике в качестве решающего и/или активного игрока, культуры думать глобально и способности действовать глобаль-

но, то «Россия сразу возникла как государство с глобальными по тем временам планами и амбициями, жила и действовала в рамках великодержавной культуры всю историю своего существования» (с. 285).

В учебнике дается краткая, но весомая характеристика позиций великих держав по вопросу мироустройства. «Хотя Россия, Китай, Бразилия и Индия высказываются за полицентричный мир без гегемонии, они, за исключением России, пока мало что делают для укрепления и институционального обустройства такой международной системы, разобщены, конкурируют друг с другом в деле создания новых подсистемных структур со своим преобладающим влиянием, имеют разные позиции в отношении Соединенных Штатов и их политики» (с. 296). По ходу анализа этих процессов делается ряд ценных для понимания их содержания замечаний.

Учебник содержит развернутую и компетентную характеристику политических и экономических процессов в Азии, отмечаются особенности интеграционных моделей на европейском и азиатском пространствах, специфика выстраивания их институциональных механизмов, сочетания в них межгосударственного и наднациональных компонентов. Отдельно рассматривается восточноазиатская подсистема и проблема конфигурации лидерства в ней. Подчеркивается, что «военно-политическая линия Китая в регионе в корне отличается от стратегии США и основывается на постулате о невмешательстве КНР во внутренние дела других стран» (с. 332). В этом контексте логично смотрится анализ современной внешнеполитической стратегии Китая.

Заканчивается данный раздел темой «Новые политические пространства» в структуре междержавных противоречий». Речь идет о таких пространствах, как океаническое, воздушное, космическое, информационное и приполярное. «Эти пространства воспринимаются ведущими государствами мира как «нераздельные, и в каком-то смысле их пока в самом деле можно считать таковыми» (с. 389). Отмечается, что борьба за их передел «отражает фундаментальный сдвиг в структуре среды международной безопасности» (с. 409).

Следует заметить, что каждая глава (их суммарно 22) имеет контрольные вопросы и примечания.

В целом, учебник дает магистрантам фундаментальные возможности погрузиться в сложную и многогранную тему по курсу «Мегатренды и глобальные проблемы». Некоторые оценки становления нового мирового порядка нуждаются сегодня в корректировке или уточнении, что вполне понятно, поскольку они

делались на базе событий начала второго десятилетия этого века. А за последние годы произошли крупные события (результаты политики «Восточного партнерства» на Украине, обернувшиеся фактически гражданской войной в этой стране, активизация борьбы с ИГИЛ, сирийский кризис, военная операция России в Сирии и др.), которые оказали и еще будут оказывать существенное влияние на перегруппировку сил на мировой сцене и задавать новые параметры трендам и мегатрендам в глобальной политике. Думается, что авторы выполнили, если не полностью, то в значительной мере, обе поставленные перед собой задачи: задачу-минимум – дать представление о мировой политике и протекающих в ее рамках глобальных процессах – и задачу-максимум – способствовать развитию у студентов самостоятельных аналитических навыков в интерпретации международных процессов, причем, что важно, «сквозь призму интересов национального государства» (с. 15). В учебнике представлены подходы и оценки не только зарубежных, но и отечественных исследователей, что позволяет студенту ориентироваться в теоретических изысканиях современной мысли в области международных отношений и мировой политики.

Примечания

-
- ¹ *Войтоловский Ф.Г.* Единство и разобщенность Запада: Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформации политического миропорядка, 1940–2000. М.: КРАФТ+, 2007.
  - ² *Клепацкий Л.Н.* Деглобализация мировой системы // *Международная жизнь.* 2015. № 8. С. 25–45.

Abstracts

A. Burova

DEVELOPMENT OF THE EGYPTIAN ARMY IN 1920–1940-ies. FROM MINOR FORCE TO COMPETITIVE PLAYER

The article is dedicated to the development of the Egyptian army in the period from gaining political independence in 1922 till the end of 1940 when military career became more prestigious among the middle class and the intellectuals.

Key words: Egypt, Great Britain, army, the Muslim Brotherhood, the Free Officers, Gamal Abdel Nasser.

I. Bystrova

THE USSR AND THE USA IN THE YEARS OF SECOND WORLD WAR. THE ROLE OF PERSONAL CONTACTS IN COOPERATION

The article is devoted to the human aspects of cooperation among the “Big Three” allied powers – the USSR, the United States and Great Britain – in 1941–1945. The archival documents opened in the last 15–20 years provide an opportunity to shed new light on split-level personal contacts of the allies – between and among the leaders of countries, diplomatic representatives, military men, industrialists, politicians, which were traveling to the Soviet Union, as well as on the activities of the Soviet Procurement Commission in the United States.

Key words: the “Big Three”, personal contacts, Second Front, Lend-Lease.

K. Evtyushin

FOREIGN POLICY OF CHINA IN THE POLITICAL RHETORIC OF ITS LEADERS

Since the beginning of the policy of “reform and openness” as well as progressive increase in China’s economic power its foreign policy has been in the melting pot. Leaders of the country are taking serious steps in order to increase the role of their country in the world. This article traces the dynamics of the Chinese leaders’ foreign policy rhetoric during the past two decades that gives us opportunity, on the one hand, to determine the characteristics of their strategic thinking, and on the other, to demonstrate the differences between Chinese political rhetoric and the common Anglo-Saxon one.

Key words: PRC, foreign policy, political rhetoric, Xi Jinping.

A. Golubev

AMERICA AS AN ALLY IN THE PERCEPTION OF SOVIET SOCIETY, 1941–1945

The article is devoted to an image of the USA as an ally in consciousness of the Soviet people during the Great Patriotic War. It is based both on diaries and memoirs and on press publications and information materials of the Soviet government and party bodies, including the People's Commissariat of State Security and the People's Commissariat of Internal Affairs.

Key words: Soviet society, image of an ally, USA, foreign policy stereotypes, Second Front, Lend-Lease, post-war settlement.

G. Mikhaleva

COMPARATIVE ANALYSIS OF MODERN RUSSIAN AND EUROPEAN POLITICAL PARTIES

The article considers main parameters of European influence on the modern Russian political parties. The analysis is based on the following criteria: institutionalization, problem orientation, social support character, organization, autonomy, coherence, involvement, strategy and tactics, government status. The author examines the factors influencing the formation of political parties and their types.

Key words: political parties, Russia, Europe, types of parties, party system.

S. Novoselskiy

RUSSIAN ÉMIGRÉ COMMUNITY ON THE REASONS FOR THE DEFEAT OF THE WHITE GUARD MOVEMENT. ALLIED FACTOR

The article analyzes the views of researches and memoirists of Russian abroad in the 1920–1930-ies of the reasons for the defeat of the White Guard movement in the Civil War. Particular attention is paid to the discussion of the nature of relations between the leaders of the White Guard movement and representatives of the allied military forces, as well as to the degree of the allied factor's influence on the results of the armed struggle against the Bolsheviks.

Key words: the White Guard movement, Russian abroad, historiography, memoirs, Allies.

A. Panov

THE AMBIVALENCE OF THE ODESSA IMAGE
IN REPRESENTATIONS OF RUSSIANS AND AMERICANS
IN THE FIRST THIRD OF THE 19th CENTURY

The author examines the image of Odessa in representations of American and Russian travelers, who visited the city in the first third of the 19th century. On the mental map of Russia, the largest port of the newly formed Novorossiyya appears as a younger sister of the imperial capital – St. Petersburg – that opens a second window to Europe in the South. Such a representation, depending on the political and historiographical beliefs of Russian and foreign contemporaries, forms a dual nature of the image of the city. The vision of Odessa by American travelers, just starting to “invent” the image of Russian “Other” in the beginning of the 19th century, is a matter of particular interest.

Key words: Russian-American relations, imagology, mental geography, imperial space, modernization.

G. Prokopenkov

THE “KNIGHTS OF THE GOLDEN CIRCLE”:
THE CONSPIROLOGY AS A MECHANISM
FOR THE CONSTRUCTION OF HISTORICAL MEMORY
ABOUT THE AMERICAN SOUTH

The article focuses on the role of the “Knights of the Golden Circle” in the formation of historical memory about the US South during the American Civil War (1861–1865). The study traces the creation of the myth of the secret order as an ideological tool in terms of the regional conflict between the North and the South as well as party opposition Democrats vs. Republicans. In a broad theoretical sense, the author considers the construction of national historical memory by means of conspiracy theories.

Key words: The Knights of the Golden Circle, American South, American Civil War (1861–1865), Democrats, Republicans, historical memory, conspirology, theory of plot.

A. Senokosov

THE PROBLEM OF BRITISH LEADERSHIP
IN THE ENTENTE

This article is devoted to the UK policy on building military-political Alliance of the Entente. The author identifies main stages in the process of block construction, covering the period of 1904–1923. He discusses the mechanisms of ensuring British leadership in this military-political Alliance.

Special attention is paid to responsibilities of the parties within the framework of the Entente. In the conclusion the influence of the Entente building experience on the subsequent foreign policy of Great Britain is examined.

Key words: the First World War, the United Kingdom, the Entente.

V. Shneyder

THE CIVILIZATION CHOICE OF UKRAINE IN PROGRAMS OF THE LEADING POLITICAL PARTIES (2012, 2014)

An analysis of electoral programs of the leading Ukrainian political parties in 2012 and 2014 is presented in this article. Special attention is paid to the comparison of positions regarding the civilization choice of Ukraine. Main tendencies related to the evolution of the Ukrainian's perception of the foreign policy, were also revealed.

Key words: Ukraine, civilization choice, programs of political parties, foreign policy.

N. Zherlitsina

PROSPECTS OF RUSSIA-TUNISIA COOPERATION IN THE FACE OF NEW GLOBAL CHALLENGES

The author examines the new realities of Russian foreign policy after the Arab Spring and the prospects of Russian influence in the Maghreb and the Mediterranean region, citing bilateral relations with the Republic of Tunisia as an instance. The impact and implications of recent political upheavals in North Africa on domestic and foreign policy of Tunisia are analyzed. Tunisia is considered to be a positive symbol of Arab democratic change in the region and the potential builder of the first modern democracy in the Arab world. At the same time the situation is rather ambiguous as a result of unresolved internal problems and serious external threats. The Russian Federation supports the democratic choice of the Tunisian people and is ready to help its Arab partner in economic development and in the struggle against international terrorism.

Key words: the "Arab Spring", international terrorism, radicalization, Russian-Tunisian cooperation, trade, investment.

Сведения об авторах

Бурова Анна Николаевна – аспирант кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права РГГУ, burova-denjak@mail.ru

Быстрова Ирина Владимировна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, irin-bystrova1@yandex.ru

Голубев Александр Владимирович – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН, a.v.golubev@mail.ru

Евтюшин Кирилл Александрович – аспирант кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, kevtushin@mail.ru

Жерлицына Наталья Александровна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт Африки РАН; ученый секретарь Научного совета РАН по проблемам стран Африки, ns_inafr@mail.ru

Журавлева Виктория Ивановна – д-р ист. наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, руководитель Научно-образовательной программы по американистике РГГУ, замдекана факультета международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ, zhuravlevavic@mail.ru

Клепацкий Лев Николаевич – канд. филос. наук, профессор Дипломатической академии МИД России, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, kln@inbox.ru

Михалева Галина Михайловна – д-р полит. наук, профессор кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права РГГУ, g_mihaleva@mail.ru

Новосельский Сергей Сергеевич – аспирант кафедры истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права РГГУ, novoselsky.rggu@gmail.com

Панов Антон Сергеевич – аспирант кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, pushpanrocks@gmail.com

Прокопенков Георгий Юрьевич – аспирант кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ, gprokopenkov@yandex.ru

Сенокосов Алексей Георгиевич – канд. ист. наук, докторант кафедры всеобщей истории РГГУ, senokosov@inbox.ru

Шнейдер Вадим Михайлович – аспирант кафедры стран постсоветского зарубежья РГГУ, vadiksh@rambler.ru

General data about the authors

Burova Anna N. – postgraduate student, Department of Modern East, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for The Humanities, burova-denjak@mail.ru

Bystrova Irina V. – Dr. in History, leading researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, irin-bystrova1@yandex.ru

Evtuyushin Kirill A. – postgraduate student, Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, kevtuyushin@mail.ru

Golubev Alexander V. – Ph.D. in History, leading researcher, head of the Center for Russian Culture Studies, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, a.v.golubev@mail.ru

Klepatsky Lev N. – Ph.D. in Philosophy, professor, Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation; Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, kln@inbox.ru

Mikhaleva Galina M. – Dr. in Politics, professor, Department of Culture of Peace and Democracy, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, g_mihaleva@mail.ru

Novoselskiy Sergey S. – postgraduate student, Department of History and Theory of Historical Science, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, novoselsky.rggu@gmail.com

Panov Anton S. – postgraduate student, Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, pushpanrocks@gmail.com

Prokopenkov Georgy Yu. – postgraduate student, Department of World History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, gprokopenkov@yandex.ru

Senokosov Alexey G. – Ph.D. in History, doctoral candidate, Department of World History, Russian State University for the Humanities, senokosov@inbox.ru

Shneyder Vadim M. – postgraduate student, Department of Post-Soviet States, Russian State University for the Humanities, vadiksh@rambler.ru

Zherlitsina Natalia A. – Ph.D. in History, senior researcher, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; academic secretary, Scientific Council on African Issues, Russian Academy of Sciences, ns_inafr@mail.ru

Zhuravleva Victoria I. – Dr. in History, professor, Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives; director, RSUH Program on American Studies; deputy dean, Faculty of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, zhuravlevavic@mail.ru

Художник В.В. Сурков
Художник номера В.Н. Хотеев
Корректор О.К. Юрьев
Компьютерная верстка Е.Б. Рагузина

Подписано в печать 10.04.2016.
Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 10,5 Уч.-изд. л. 11,0.
Тираж 1050 экз. Заказ № 51

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru